

Тетралогия
в одном
томе

АЛЕКСЕЙ ЦЕХОВ

Страж

Москва, 2015

АЛЕКСЕЙ ЦЕХОВ

Тетралогия
в одном
томе

- Страж •
- Аутодафе •
- Золотые костры •
- Проклятый горн •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 2005 году
Выпуск 146

Художник
В. Бондарь

Пехов А. Ю.

П23 Страж: Страж; Аутодафе; Золотые костры; Проклятый горн. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 1146 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2037-7

Стучит молот загадочного кузнеца, создавая из пламени кинжалы. В землях княжеств, среди гор, заброшенных деревень, Темнолесья и на морском берегу беснуются темные души. Весь мир замер в ожидании аутодафе — оглашения приговора, который изменит привычный порядок вещей. На пустынной дороге вьется пыль, принося кровавые жертвы, и людям необходима помощь Братства стражей.

Кто-то из них должен разгадать тайну и отправиться в путь, полный новых опасностей и приключений.

Сайт «Фантлаб» назвал «Проклятый горн» лучшей отечественной фантастической книгой 2014 года.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пехов А. Ю., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2037-7

• Страж •

История первая ВЕДЬМИН ЯР

Ворон на ржаном поле не было, что и неудивительно при таком пугале. Будь я мало-мальски разумной вороной — встретив подобную страхолюдину, летел бы до княжества Лезерберг, вопя во всю глотку от ужаса.

Пугало было неприятным.

Недобрым.

Злым.

Оно торчало на палке, затянутое в дырявый солдатский мундир времен князя Георга, в широкополой, надвинутой на глаза соломенной шляпе с растрепанными полями. Голова — мешок, сшитый из рубища и набитый непонятно какой дрянью, казалась одутловатой и непомерно большой. Нарисованная черной краской линия рта — зловещая ухмылочка на все лицо — заставляла задуматься о психическом состоянии пугала.

— Улыбка, что называется, мороз по коже, — отметил Проповедник.

Я не ответил, лишь раздраженно дернул плечом, и он замолчал. Меня больше заинтересовал серп в правой руке страшили. Он был покрыт странным буроватым налетом. Возможно, ржавчина, а может, и нет. Я не настолько любопытен, чтобы проверять. Но, судя по улыбке пугала, не удивлюсь, если где-нибудь в меже лежат чьи-то кости. Кто знает, что делает оно ночью, когда вокруг залитые лунным светом поля и на проселочной дороге появляется одинокий путник?

Я бросил на пугало еще один оценивающий взгляд и сказал:

— Наверное, ты свирепеешь оттого, что изо дня в день приходится стоять в этом забытом богом месте под ветром, дождем и снегом. И надо думать, тебя порядком допекло гонять ворон. Если хочешь, можешь присоединиться к нашей маленькой компании. Не обещаю, что будет интересно, но всяко лучше, чем торчать на ржаном поле.

Услышав мои слова, Проповедник расхохотался и вытер кровь, текущую из проломленного виска:

— Зачем тебе этот страшила, Людвиг?

— Мне так хочется.

Он фыркнул, слишком громко и театрально, поправил окровавленный, давно уже не белый воротничок своей сутаны, но не стал меня убеждать оставить затею, за что я был ему безмерно благодарен.

— Что скажешь? — обратился я к пугалу.

Оно ничем не показало, что услышало меня. Лишь ветер трепал торчащую из-под соломенной шляпы паклю волос и пригибал ржаные колосья.

— Ну, как знаешь, — равнодушно сказал я ему, поднимая с земли свой дорожный саквояж. — Если надумаешь, догоняй.

Я пошел прочь, и Проповедник пристроился в шаг за мной, напевая «Anima Christi»¹, на этот раз переложив ее на мотив одной золянской песни. Проповедник у нас еще тот безбожник и богохульник. Такого, как он, даже среди кацеров Витильского княжества не сыщешь. В былые годы Псы Господни с радостью отволокли бы его на костер, но теперь времена уже не те, и Проповедник частенько глумится над обряженными в черные сутаны братьями по вере. Ему все сходит с рук.

Перед поворотом я оглянулся. Пугало стояло там же, где и раньше.

— Может, ему нравится гонять ворон? — пробормотал мой спутник.

— Не исключаю такой возможности. В любом случае — стоило попытаться.

Проселочная дорога виляла среди необруанных полей и казалась давно заброшенной. Никаких следов. Впрочем, впечатление было обманчивым. Люди здесь появлялись, о чем свидетельствовала хотя бы свежесколоченная изгородь. Мы дошли до перекрестка, где основной тракт вел к Виону, третьему по размеру городу княжества Фирвальден.

В воздухе пахло жарким летом и грозой, собирающейся на востоке. Неугомонные ласточки носились над самой землей, кузнечики стрекотали, как угорелые. В общем, ничего интересного. К сельским пейзажам я равнодушен. И если бы мой конь не захромал и его не пришлось продать какому-то жуликоватому типу, стал бы я рассматривать окрестные пасторали столь придирчиво.

Возле дорожного столба, отмечавшего мили, я остановился, мельком взглянул на сухую фигуру Проповедника, подумал наточить кинжал, но на дороге показался регулярный дилижанс, за что я тут же возблагодарил свою удачу.

Кучер остановил громяющую на ухабах карету, я заплатил ему за проезд, радуясь, что до города ехать меньше часа и мои кости не успеют превратиться в порошок от тряски. Я забрался в экипаж, сел на едко пахнущее кожаной сиденье, поприветствовал пассажиров. Их было всего трое, так что внутри оказалось просторно. Проповедник куда-то делся. Или поехал вместе с кучером, или решил прогуляться пешком. Я не беспокоился о нем. Вот уж кто-кто, а этот зануда от меня никуда не денется, проверено опытным путем.

Я сунул саквояж под сиденье, запихнув его ногой поглубже. Сидевшая рядом со мной пожилая дама крайне кислой наружности и в черном чепце подарила мне не слишком восхищенный взгляд и сжала черепаховую ручку сумки, словно опасаясь, что ее ограбят. Я мило ей улыбнулся, но должного эффекта не произвел. Для нее я был слишком странным господином, который путешествует пешком по проселочным дорогам.

¹ «Душа Христа». Одна из молитв.

² К а ц е р — еретик (*устар.*).

Напротив меня вольготно расположился молодой человек в черном бархатном берете с вышитой эмблемой Савранского университета, заведения уважаемого и престижного. Судя по всему, господин студент возвращался в родные края на каникулы. Глаза у него были проворными, так что он почти сразу же заметил кинжал, показавший рукоять из-под моей расстегнутой велветовой куртки. Безошибочно определив род моей деятельности, он нахмурился, и следующие двадцать минут я находился под расстрелом его взгляда, полного праведного молчаливого возмущения.

Мне было ровным счетом все равно, и его назойливое внимание меня ничуть не раздражало. Наконец студент прокашлялся и сказал запальчиво:

— Таким, как вы, не место в свободном княжестве!

— Спасибо за информацию, — вежливо поблагодарил я его, поглядывая на третьего пассажира.

Кажется, он улыбался, во всяком случае, глаза у него были веселые.

— Я презираю вашу работу!

Вот ведь повезло оказаться рядом с наслушавшимся прогрессивных вольнодумцев дураком. Другой бы на моем месте уже выбросил юного борца за справедливость из дилижанса, но я как человек миролюбивый лишь пожал плечами:

— Поэтому, чтобы вас не раздражать, я не стану ее делать прямо сейчас.

Он нахмурился, не понимая, и я спросил:

— Как вы считаете, сколько в дилижансе пассажиров?

— Разумеется, нас только двое!

Сосед студента действительно веселился. Плечи его тряслись от смеха.

— Спешу вас огорчить, молодой человек. Нас здесь четверо.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшего — с большой опаской, словно я вот-вот на него кинусь, но я как ни в чем не бывало продолжил, ткнув пальцем в даму в цепце:

— Здесь едет женщина. Судя по одежде, едет уже не первый год.

Она посмотрела на меня с обидой и отвернулась к окну, произнесла губами какое-то ругательство.

— А рядом с вами сидит очень интересный персонаж. Как я понимаю, военный. Во всяком случае, на нем порядком испачканный мундир артиллериста княжества Лезерберг с нашивками уорэнт-офицера второго класса. Помните тот трехлетний конфликт, когда Фирвальдену показалось, что ущемляют его территориальную целостность? Кажется, парень оттуда. Пулей ему оторвало нижнюю челюсть, так что зрелище, я бы сказал, не очень аппетитное. В данный момент этот бравый вояка дышит вам в ухо, а кровь из его раны капает вам на плечо.

Студент дернулся, машинально посмотрел на свою чистую одежду, хотел что-то мне сказать, но, увидев по глазам, что я не лгу и не смеюсь над ним, поблдевал.

— Вы шутите? — прохрипел он осипшим голосом.

— С такими вещами я никогда не шучу, уж можете мне поверить.

Он почувствовал себя очень неудобно со мной. Стал бросать взгляды на пустые сиденья, пытаясь увидеть то, что ему видеть не суждено.

— И вы... не собираетесь ничего делать? — нервно спросил студент.

— Нет. Не собираюсь. Во-первых, у меня выходной. Во-вторых, вы это не одобряете.

Было еще и «в-третьих» — не все души опасны для человека. Далеко не все. А я не убиваю тех, кто просто хочет жить. Даже если их жизнь мало чем похожа на человеческую. Но я не стал говорить об этом вслух. Идейный молодой человек совершенно не заслуживал подобных откровений.

Он сидел, напрягшись, косил глазами по сторонам, облизывал языком пересохшие губы. Несколько раз студент почти убедил себя в том, что я лгу ему, но первобытный страх перед неведомым оказался сильнее. Он заколотил по стенке дилижанса, заставив кучера остановить его, и с круглыми от страха глазами вывалился на улицу.

Что характерно, даже не попрощавшись. Вместе с ним покинул карету и уорэнт-офицер. Его вся эта ситуация развлекала.

— Зачем вы так с бедным мальчиком? — не выдержала дама, когда дилижанс набрал скорость, и я стал подпрыгивать на сиденье.

— Бедный мальчик любит судить людей и презирать то, чего он не слишком понимает. Пусть ему будет это уроком.

Она покачала начинающей сесть головой:

— Это очень жестоко.

— Отнюдь. Жестоко было бы сказать, что за ним сошел еще один пассажир.

— Зря вы едете в Вион, — вдруг сказала она.

— Я должен о чем-то знать? — резко спросил я, поворачиваясь к ней.

Женщина не ответила, и всю оставшуюся дорогу мы провели в молчании. Когда дилижанс остановился на центральной городской площади, аккурат напротив ратуши, я вышел на улицу.

Гроза приближалась. Я чувствовал это. Не пройдет и часа, как она меня нагонит, накроет город.

Стихийный овощной рынок возле начала узкой улицы, ступеньками поднимающейся на парковые террасы, спешно закрывался. Продавцы собирали прилавки, убрали товар в корзины, грузили на телеги. Городские законы позволяли торговать приезжим в пределах стен лишь до трех часов дня. Звонница собора Святого Николая — серо-черной громадины, возвышающейся над Вионом, — как раз призывала на нону¹. Двое стражников с арбалетами и при пистолетах за поясами, обязанные следить за тем, чтобы закон соблюдался, то и дело посматривали на пока еще ясное небо, а не на торговцев.

Я покачался на каблуках, думая, что делать дальше. Заклучив, что неплохо бы для начала оставить вещи, а затем заняться делом, направился по Глотской, подальше от южных ворот, через которые приехал. Я знал отличный постоялый двор всего лишь в пяти минутах от центра.

Дома в Вионе были большими, светлыми, покрытыми ярко-красной шестиугольной черепицей, придававшей им немного сказочный вид. Мне нравилось здесь бывать гораздо больше, чем в столице княжества, где растянутый вдоль озерных берегов город походил на какую-то жалкую лягушку, которую переехало тележное колесо. Фирвальден — огромное княжество,

¹ Но на (девятый час) — молитва, читаемая приблизительно в три часа дня.

затерявшееся среди дремучих лесов и бескрайних полей, — место много лучшее, чем думают его жители. И душ здесь встречается гораздо меньше, чем в других областях.

За всю дорогу до постоянного двора я увидел лишь одну — бледный мальчишка лет десяти, раскинув руки, бродил по коньку крыши пекарни. Заметив мой взгляд, он помахал рукой. Я, сам не знаю почему, улыбнулся.

Проповедник появился внезапно, как это обычно и бывает, вытер кровь, стекающую по щеке.

— Жители напуганы, — сказал он мне, наблюдая за прохожими.

— Я уже заметил.

В воздухе пахло едва сдерживаемым страхом, и этот запах, едкий, словно лошадиный пот, и опасный, как бешеный волк, постепенно захватывал мысли горожан.

Владельцем постоянного двора оказалась женщина. Она без проблем нашла мне комнату в мансарде, под самой крышей, где из высоких треугольных окон прекрасно было видно улицу, соседние дома с ажурными занавесками за стеклами и множеством цветочных горшков на подоконниках. Все цветы были яркими, веселыми и милыми, но из-за витавшего в городе страха казались попавшими сюда из какого-то другого мира.

Я бросил саквояж на стол, открыл его, задумчиво посмотрел на содержимое.

— Как думаешь, что здесь происходит? — Проповедник расположился на стуле.

Я глянул на его желтоватое, покрытое морщинами лицо.

Вместе мы уже девять лет. Я нашел душу под Мальмом, когда наемники его величества Александра-Августа сожгли несколько деревень. Проповеднику не повезло. Какой-то урод раздробил ему висок ударом рукоятки палаша.

— Скоро узнаю. Пойдешь со мной?

— Не хочу, — мотнул он головой.

Ну и отлично. Во всяком случае, хоть немного отдохну от его назойливого общества.

Во дворе стало заметно, что небо сильно потемнело. Ветер, налетевший на город, бился лбом в изящные флюгера, заставляя те крутиться, словно механические волчки.

Гремело почти каждую минуту, улицы опустели, а запах страха стал еще более едким, чем прежде. Разумно было бы спросить, что случилось, у первого же встречного, но по своему опыту я знаю — требуется опросить как минимум десять человек, чтобы хоть один из них рассказал хотя бы половину истины, а не сказки и досужие домыслы.

Так что я решил потерзать свое любопытство еще совсем немного и узнать все от авторитетных людей. Такие, на мой взгляд, должны пребывать в ратуше. Сегодня была пятница, последняя неделя месяца, а значит, в государственном учреждении будут те, кому можно задать нужные вопросы.

Когда я пересекал площадь, начался дождь. Тяжеленные капли с громкими шлепками падали на мостовую, разлетались мелкими брызгами на мои сапоги. Их ленивое падение позволило мне дойти до дверей практически су-

хим и спрятаться под козырек в тот момент, когда небеса лопнули и столбы воды обрушились на Вион, словно во время великого потопа.

Двое стражников, которых я уже видел возле овощного рынка, удивились моему визиту.

— Куда? — спросил седовласый ветеран с лихо закрученными усами.

Я молча откинул куртку, показывая висящий на поясе кинжал.

— Покажи. — Он и бровью не повел.

Я вытащил оружие из ножен, протянул ему. Стражник изучил черное, обоюдоострое, узкое, хищное лезвие, в толще стали которого бушевал целый океан тьмы, посмотрел на рукоять, набалдашник которой был из настоящего звездчатого сапфира, вернул мне.

— Вы очень вовремя. Я провожу.

Он плечом толкнул дверь, придержал ее для меня, провел пустыми, полутемными коридорами на второй этаж.

— Подождите, я скажу, что вы пришли.

Провожатый оставил меня в одиночестве, и я смотрел, как по стеклу текут реки воды, а противоположная сторона площади превращается в серое, размытое пятно. Ну и хорошо. Жара последней недели была порядком утомительна. Особенно если находишься в дороге. Надеюсь, что хоть теперь станет немного прохладнее и рубашки перестанут липнуть к телу.

Дверь распахнулась, и ветеран пригласил меня войти. Сам он остался снаружи.

В большом зале с широкими окнами стоял длинный стол. За ним восседали пятеро мужчин.

Двое были благородными, это видно и по одежде, и по их хмурым лицам. Еще один — лысый старик с сильными, крепкими руками, судя по муцету¹, каноник, член местного соборного капитула. Рядом с ним — тучный мужчина с эмблемой торговой гильдии на парадной ленте, вряд ли уроженец этого княжества, скорее всего, сигизец или илиатец. И последним, во главе стола, восседал широкоплечий господин с густой бородой ржавого цвета и тяжелой парадной цепью мэра на шее. Он сразу взял быка за рога:

— Вы позволите увидеть ваш кинжал, господин..?

— Господин Людвиг. Людвиг ван Нормайенн. — Я вытащил оружие, положил на полированный стол, толкнул его вперед.

Человек с цепью поймал клинок, изучил с разных сторон, взглядом спросил, хотят ли все убедиться в том, что я действительно тот, за кого себя выдаю. Легкие отрицательные покачивания головами были ему ответом. Что же, тем лучше. Кинжал вернулся ко мне, скользая по столу, точно по льду. Я ловко убрал его обратно в ножны.

— Присаживайтесь. Желаете вина?

— Благодарю.

Мэр самолично встал из-за стола, взял кувшин, чистый бокал, налил мне красного терпкого:

— Вы из Альбаланда?

— Верно.

— Довольно далеко от нашего княжества. Что вас привело сюда?

---

¹ Муцет — длинный жилет серого или черного цвета, обшитый фиолетовым шнуrom.

— Интуиция.

Он хмыкнул:

— Тогда нам повезло, что Бог направил вас сюда. Я — господин Отто Майер, мэр Виона. Это члены магистрата, благородные господа Вольфганг Шрейберг и Хайн Хоффман. Каноник Карл Вернер и представитель Лавендюзского союза господин Гельмут Подольски. Сегодня в городе случилось немыслимое. На старом кладбище, что возле часовни Святой Маргариты, произошла пляска смерти.

Его тяжелый взгляд уперся в меня, но я лишь осторожно ответил:

— Такое случается. Кто-то пострадал?

— Нет. Но страху натерпелись. Город в ужасе. Многие боятся выходить за пределы стен.

Особого ужаса я не заметил, но мэру виднее.

— Что-то заставило мертвых подняться, господин ван Нормайенн. И городской управе очень бы хотелось, чтобы в Вионе все стало тихо. Как прежде.

На улице грохотал гром. Сухо, с надрывом, словно пушки на поле боя. Я отпил вина, исключительно в порядке вежливости, и поднял взгляд на напряженные лица:

— У вас происходит пляска смерти. На кладбище со святой землей. А что же Псы Господни? Это их работа. Не моя.

— Городской инквизитор сейчас в отъезде. А вы — страж душ.

— Это немного разные вещи, — с сожалением покачал я головой. — Но я посмотрю, что можно сделать, и попробую вам помочь.

— Замечательно. Город в долгу не останется.

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

Еще бы они мне не заплатили, когда скелеты пляшут возле изгороди «Две коробочки» или «Пастуший танец».

— В последнее время в городе происходило еще что-нибудь необычное?

— Необычнее *totentanz*? — невесело усмехнулся Отто Майер. — Не думаю.

— Крысы покинули город, — неожиданно сказал купец Подольски. — На моих торговых складах вот уже две недели ни одной серой твари, а раньше — кишели. И у конкурентов та же история.

— Уже что-то.

Хайн Хоффман, тонкогубый субъект в дорогой одежде, при шпаге и рубиновых пряжках ветерана Лезербергской кампании, перестал изучать свой бокал с вином и произнес:

— Не только крысы ушли, почтенный Подольски. Не только... Душ тоже почти не стало. Вы должны это были заметить, господин ван Нормайенн.

Я помедлил, стараясь скрыть удивление:

— Видящие — большая редкость.

— Я не Видящий. — Он тоже помолчал. — Но вот моя жена обладает толикой такого дара. Конечно, не столь сильного, как у вас, стражей душ, но достаточного, чтобы иногда замечать тени, которые обитают рядом с живыми. Она мне рассказала об изменениях в городе.

Я сделал себе заметку поговорить с какой-нибудь душой. В первую очередь с Проповедником. Он-то должен был хоть что-то почувствовать. По одному эти события выглядят не так чтобы важно, но все вместе, одновременно, заставляют задуматься.

Нечто происходит. Нечто непонятное и странное. Я чувствовал, как у меня сосет под ложечкой. Обычное состояние перед тем, как мне на голову рушатся неприятности. Стоило послать всех к черту и отправиться своей дорогой, благо я здесь проездом, но не по-людски это, бросать целый город. К тому же Проповедник мне потом плешь проест. Он, несмотря на свой гнусный характер (из-за которого, кстати говоря, больше не жилец), — добрая душа и моя ходячая совесть, которую крайне тяжело заткнуть.

— Нужен ли вам аванс? — спросил мэр.

— Нет. Я не смогу назвать вам цену, пока не определю, в чем проблема. Когда понадобятся деньги, я сообщу.

— Какая-нибудь помощь?

— Если потребуется, дам знать. — Я встал. — Спасибо за вино. Доброго вечера.

Они попрощались. В глазах троих была надежда. Купец смотрел с сомнением. Каноник мрачно. Он бы предпочел, чтобы с этим разбирались Псы Господни.

Представьте себе, я тоже.

Дождь лил, не переставая, вода текла по сточным канавам, пенилась в них, забирала с собой всю грязь с мостовых. Улицы были пустыми и пахли, несмотря на свежесть, все так же едко и неприятно. Страх никуда не исчез. Лишь спрятался в закоулках, пережидая ненастье. Пока я добрался до постоянного двора, из меня можно было выжать пару морей, и еще останется на несколько больших озер.

Когда я вошел внутрь и колокольчик звенькнул, привлекая внимание хозяйки, я сказал ей:

— Горячей воды, горячего вина, сухих полотенец и какой-нибудь еды. Все принесите в комнату.

Она наконец-то увидела звездчатый сапфир на рукояти кинжала, ее глаза округлились, и женщина разом повеселела:

— Сейчас все будет готово, господин Людвиг.

Вот так всегда. Часть людей боится таких, как я, из-за нашего дара видеть и уничтожать вольные души. Часть ненавидит. Но когда какая-нибудь озверевшая душа начнет вредить живым или еще что-то случается — я сразу становлюсь желанным гостем. Впрочем, чести ради, надо сказать, что большинство разумных людей относится к стражам душ вполне спокойно. В отличие от тех же Псов Господних, мы стараемся приносить как можно меньше проблем.

Оставляя за собой огромные лужи, я вошел в комнату. Здесь кое-что изменилось. Проповедник валялся на моей кровати и слушал, как дождь барабанит по подоконнику. А за столом сидело Пугало. Оно подняло на меня взгляд, кивнуло и не проронило ни слова. Быть может, не хотело разговари-

вать. А может, не умело. С одушевленными никогда ни в чем нельзя быть уверенным.

Хозяйка вместе с юной дочкой принесла мне полотенца и воду, конечно же не заметив других своих «постояльцев». Пугало тут же заинтересовалось девчонкой и не спускало с нее взгляда, пока та не ушла.

— Даже не думай, — сказал я ему ровным тоном.

Оно помедлило, опустило плечи, признавая мое право давать ему такие приказания, достало серп и начало очищать его от ржавчины. Я был рад, что мы решили кое-какие вопросы сразу.

Пока я менял одежду, вытирался и приводил себя в порядок, принесли еду.

— Почки, — сказал Проповедник мечтательно. — И фасоль с томатами.

Я отстегнул пояс с тяжелой пряжкой, бросил его вместе с кинжалом на кровать и пересказал им разговор в ратуше.

— Я ничего не чувствую, если ты к этому, — поднял руки в обезоруживающем жесте Проповедник. — Видит Бог, уже девять лет совсем ничего.

Он рассмеялся, довольный собственной, неказистой шуткой, затем стал более серьезным и, размышляя, протянул:

— Все это, конечно, странно, Людвиг, но души могли уйти по множеству причин.

— Угу, — мрачно сказал я, орудуя вилкой и ножом. — Отправиться в паломничество со святым мошам. Куда-нибудь в Дискульте. Не мели чушь. Что-то произошло, и они сочли нужным убраться как можно дальше и быстрее. Город пуст — я чувствую это.

— Ну, не так уж он и пуст. Помнишь того мальчишку на крыше?

— Предлагаешь мне в такую погоду лазать на уровне четвертого этажа?

— Упаси боже, сын мой. Чего доброго, ты свернешь себе шею, и тогда я точно помру со скуки.

Пугало в разговоре не участвовало. Оно точило серп.

К утру гроза закончилась, уползла на запад, уже не в силах даже ворчать. Выглянувшее из-за облаков солнце озарило мокрые алые крыши, приведя в восторг уличных голубей.

Проповедник и Пугало отсутствовали. Я быстро оделся, спустился вниз, отказался от завтрака и поспешил к западным воротам через толчею, которая здесь образовалась из-за субботнего рынка, заполонившего весь городской центр. Запах страха был тут же, но гораздо более слабый, чем вчера. Он сменился тревожным ожиданием. Я видел и слышал, как люди обсуждают произошедшее накануне событие, поминутно крестясь и призывая святых заступников.

Они искренне полагали, будто это защитит их от зла. Не буду преуменьшать силу божественной молитвы, даже если ее читает не клирик, а обычный человек, но у меня большие сомнения, что подобное средство поможет остановить следующую пляску смерти. Как говорится, раз уж начались танцы, то продолжаться они будут до бесконечности.

С праздничной гулянкой мертвецов в последний раз я встречался в кантоне Люс, когда в одной деревеньке скелеты ни с того ни с сего решили сплясать на Сретение, да еще затащить в свою пляску забаррикадовавшегося в

церкви священника. Чем он им насолил, вот уж не знаю, но Псы Господни в два счета уложили «клиентов» в могилы. Сам я в подобном усмирении участия не принимал, хотя и имел необходимый опыт. Веселые скелеты — не моя основная работа. Я страж душ. Ловлю и уничтожаю тех, кто причиняет зло людям.

— Тебе следует расширить список своей охоты, — заявил появившийся рядом Проповедник. — Души — божьи агнцы по сравнению с живыми. Вот уж кто причиняет зло друг другу в неисчислимых количествах.

— Если я иногда позволяю слушать мои мысли, то это не значит, что ты должен каждую из них комментировать.

— Ну, комментарий всяко верный, Людвиг, — усмехнулся он, затем участливо спросил: — Ты завтракал?

— Нет.

— Вот именно поэтому ты поутру такой злой. Идем, тебе следует поесть.

Я заворчал, но зная, что он прав, зашел в неплохой трактир, замеченный мной во время прошлого приезда в Вион. Здесь готовили отличную яичницу с белыми грибами и сыром. Да и пиво, темный июльский лежак, было выше всяких похвал.

Пока несли еду, Проповедник расправил сутану, на которой и так не было никаких складок, по-птичьи склонил голову набок и, хлопая глазами, начал рассказывать:

— Душ действительно немного. Я спозаранку обежал город, за что можешь сказать мне спасибо... — Он сделал паузу.

— Спасибо.

— Но встретил лишь троих. Все пришлые, появились или вчера, или сегодня. Одна, достаточно аппетитная дамочка, если бы ее двести лет назад не переехала телега, даже видела *totentanz* собственными глазами. В общем, из наших никто ничего не знает. Впрочем, двое, проведая, что здесь страж душ, решили обратиться, пока целы.

— Ты явно расписал меня как чудовище.

Проповедник соорудил грустную мину, дождался, пока передо мной поставят тарелку, и заметил:

— Тебе прекрасно известно, что некоторые из вас уничтожают каждого, кого увидят. Слишком велик куш, для того чтобы пройти мимо. Ты — большое исключение из правил.

— Если ты думаешь, что заставишь меня краснеть, то глубоко ошибаешься. Тебе случайно не попался мальчишка?

— Видел. На звоннице. На самой вершине шпиля. И он не планировал спускаться вниз.

— Что мешало тебе подняться наверх? Судя по всему, эта душа из местных.

— Я боюсь высоты с тех пор, когда был ребенком.

— Ты не можешь умереть, упав сверху.

Он скорчил мину и промолчал. Я понимал, что от некоторых старых привычек нельзя избавиться даже после смерти. Знал я одну даму, которая при виде мышей падала в обморок, хотя уже лет восемьдесят как была мертва.

— А что Пугало? — Я глотнул пива.

— Ушагало еще до рассвета. Куда — не ведаю. Оно, знаешь ли, не слишком разговорчивое. Лучше б ты пригласил какую-нибудь девицу. Хотя бы глаза радовались.

— Мне нужна была не душа, а одушевленный.

— Кстати, в колокол на соборе Святого Николая вселилась какая-то, прости Господи, паскуда. Кто-то из темных. Очень нехороший.

Я кивнул, отмечая для себя, что надо сказать об этом мэру. А там уж пусть каноник ладаном машет или инквизиция свои фокусы устраивает. Злой одушевленный в соборном колоколе — крайне неприятное соседство. Подобный звон настраивает людей отнюдь не на божественный лад. Скорее наоборот. Горожане становятся жестокими и раздражительными. И начинают болеть. Конечно, не сразу. Для этого должны пройти годы, но чем быстрее избавиться от подобного одушевленного предмета, тем лучше для всех.

— Что мы имеем, — сказал я, вытирая рот салфеткой. — Из города ушли крысы, словно корабль собирается пойти ко дну.

— Очень образное сравнение, сын мой. Очень образное. Крысы — темные существа, и в них есть частичка души, хотя светлой назвать ее язык не повернется. Когда случаются беды, крысы, наоборот, приходят, но не уходят. Во время чумы сорокалетней давности, говорят, они текли по улицам, словно река.

— Крысы уходят, только если им грозит опасность. Что их могло напугать — вот в чем вопрос.

— Что-то достаточно серьезное, чтобы я начал чувствовать себя неудобно, Людвиг. Раз другие души разъехались, значит, и для нас здесь небезопасно.

— Итого мы имеем бегство крыс, душ и пляску смерти. Великолепный наборчик, ничего не скажешь.

— У тебя хоть какие-то догадки есть? — грустно спросил он.

— Я простой страж, Проповедник, а не теоретик магии или религиозный теолог. С подобным я никогда не сталкивался, и точка. Клянусь моим кинжалом, давно я так не жаждал, чтобы поблизости оказался какой-нибудь инквизитор.

— Все как обычно — инквизитор за порог, черт в дом.

— Не накликай.

— Его уже накликали и без нас, — возразил он мне.

— Людвиг ван Нормайенн?

Мужчина, подошедший к моему столу, был одет как законченный модник. Думаю, его костюм обошелся в целое состояние, на которое я мог бы кутить бесконечно долгое время. Одни алые лакированные башмаки чего стоили! А если говорить о серебряных пуговицах на сюртуке отличнейшего качества и бриллиантовых запонках на рубашке из настоящего саронского шелка... М-да. Этот господин умел привлечь к себе внимание. Моим он завладел безраздельно.

— Не имею чести быть знакомым.

— Называйте меня Александром.

Судя по его холеному лицу и шляпе с пером, за Александром тянулось еще по меньшей мере три-четыре имени и длинная родовая фамилия, включающая какой-нибудь титул.

— Могу я присесть?

Я пожал плечами. В последнее время этот жест входит у меня в привычку. Насмотрелся на Проповедника.

Незванный гость легонько стукнул короткой тростью по стулу, где все еще сидел мой невидимый спутник, и холодно спросил:

— Вы позволите?

Когда стул освободился, визитер с удовольствием сел, а я заинтересовался им чуть больше, чем раньше. Человек видит души, и он не страж. Взгляд совсем другой... Да нас не так и много, чтобы позволить себе не знать друг друга. Следовательно, выходит, что он либо от инквизиции, из Видящих (хотя для клирика наряд у него довольно странный), либо из Носителей Чистоты...

Я ошибся. К Носителям — этим сумасшедшим идиотам, которых давно следовало удавить из-за того, что они обожали убивать всех, кто может общаться с душами, считая, что таким образом люди набираются грехов — он тоже не относился.

На серебряном жетоне, порядком затертом и потемневшем, который он протянул мне, были выбиты цифры и фраза «Lex p̄rigia»¹.

— Это, так сказать, чтобы не ходить вокруг да около, — улыбнулся он.

Мне этот господин не понравился сразу, в первую очередь исключительно из-за близко посаженных маслянистых глаз. Я ждал подвоха и дождался его.

— Чем я заинтересовал «Lex talionis»?²

— Простые формальности.

— Настолько простые, что, судя по номеру на вашем жетоне, со мной ведет беседу один из высших жрецов Ордена Праведности?

Он тонко улыбнулся, и его улыбка говорила, что особых объяснений я не дождусь. Положив трость на стол, мужчина спросил:

— Вы вчера приехали в наш замечательный город?

— Верно.

Думаю, он и так это прекрасно знал.

— Позволите дать вам полезный совет?

Я почему-то подумал, что его совет мне понравится куда меньше самого советчика. Так и случилось.

— Уезжайте из города, господин Людвиг. Сейчас вы здесь совершенно ни к чему. Оставьте это дело Псам Господним. Ваша работа — ловить опасные души. А здесь, кроме этого унылого священника, я уже неделю не видел ни одной.

— У меня возникает вопрос, почему Орден Праведности столь обеспокоен какой-то банальной пляской мертвецов?

Александр рассмеялся, но веселья в его смехе было немного:

— Вы чужеземец. И не слишком хорошо понимаете местные законы. Возможно, у вас, в Альбаланде, все как-то иначе, и рядовой страж может ползать, как это говорят местные, собирать хмель в чужой огород, но мы следим за выполнением закона. А наш закон гласит, что не дело стража занима-

¹ Особый закон (*лат.*).

² Закон возмездия (*лат.*).

ться пляской смерти. Это не ваша область. Оставьте ее тем, кто в ней понимает. Инквизитор прибудет завтра.

— А до тех пор вы будете просто сидеть и смотреть, пальцем о палец не ударите?

— Орден надзирает за тем, чтобы стражи не злоупотребляли своей властью и не добирались до дармовой силы. Чтобы Носители Чистоты не покидали своей страны, а если покинули, то не входили в просвещенные города. И чтобы Видящие не чесали языками направо и налево о том, кто иногда живет среди нас. Но мы не занимаемся магией и... скажем так, странными божественными проявлениями.

Ага. Вот как это теперь называется — божественные проявления. Господь Бог щелкнул пальцами, и скелеты пустились в пляс во славу нашего Иисуса. Притом что подобные танцы на могилах — темные проявления. Стоило бы натравить на Орден церковников. За богохульство. Просто так. В качестве небольшой встряски.

— Слышали великолепный лозунг: «Ne poseas, si juvare non potes»? Не навреди, если не можешь помочь. А в этой истории вы совершенно бессильны. Сделаете только хуже. Так что послушайте мой дружеский совет. Уезжайте. С проблемой справятся и без вас.

— Очень ценю ваше дружеское расположение, господин Александр, — с иронией сказал я. — Но я обожаю Вион и мечтал здесь пожить недельку.

Он усмехнулся, встал из-за стола:

— Что же — живите. Но это дело оставьте.

Я вернул ему усмешку.

Мы друг друга отлично понимали.

— Сколько вы набрали лет жизни, господин Людвиг? — участливо спросил он.

— Боюсь показаться невежливым, но это не ваше дело. — Мой голос стал холоден.

— Разумный человек должен уметь использовать отпущенные ему дни, страж. Иногда, даже накопив большие деньги, ростовщик забывает, что он смертен. Мы ведь понимаем друг друга?

Очень хотелось воткнуть кинжал ему под подбородок и посмотреть в его глаза, но я лишь šťastливо улыбнулся:

— Конечно. Я серьезно подумаю над вашими словами. Мне начинает казаться, что в них есть глубочайший смысл.

— Отрадно видеть разумного человека. Позвольте оплатить ваш завтрак. Всего доброго.

Он бросил на стол несколько монет, довольно крупных для того, чтобы покрыть еще обед и ужин, и ушел, поскрипывая своими чудесными алыми ботинками.

Можно сказать, что я клокотал от ярости. Этот разряженный хлыщ посмел мне угрожать, и это несмотря на то что Орден Праведности имеет право лезть в мои дела, только если я нарушу законы государства и стражей.

От них всегда несло падалью. Законники никогда никому не помогали, считая себя выше этого, словно стояли над всеми нами, людьми со способно-

стями. ...Жрецы из Lex p̄r̄iōgia живут и варятся в собственном соку, сидя на деньгах княжеств и королевств. Корольки платят им, потому что боятся таких, как мы, и считают, будто подданные с особым даром, служащие государству за деньги и власть, смогут контролировать природу магии.

Стражи вынуждены соблюдать законы государства, в котором находятся. В большинстве своем — это достаточно легко, особенно если правительство не лезет в наши дела и не требует от нас невозможного. Мы миримся с социальными и политическими обстоятельствами. Лишь иногда они — досадная помеха в нашей работе. Но когда рядом появляется кто-то из Ордена Праведности, день, можно сказать, испорчен. Потому что слово «помеха» здесь совершенно не подходит. Эти ленивые ублюдки иногда готовы сесть тебе на шею и оттуда высказывать «бесценные» распоряжения и руководства, прикрываясь правилами и законами.

Стражи душ стараются как можно больше избегать внимания Lex talio-nis. И не злить этих господ. Чаще всего они знают и умеют гораздо меньше нас, но за ними государство, а этот зверь, даже если он всего лишь мелкое герцогство на задворках обитаемых земель, разорвет любого.

У Ордена есть силы, возможности и средства ловить тех, кого они считают преступниками. Деньги, людские ресурсы стражи и тайной полиции. Армия, наконец. Я помню, как в Южной Дискульте охотились на одного из нас, нарушившего негласные правила. Его обложили, словно волка, гнали к горам, а затем убили, и Орден повесил его голову на шест в самом центре столицы, чтобы все знали, что происходит с теми, кто идет против него.

— Ты намерен отступить? — прервал молчание Проповедник.

Я посмотрел на него с сомнением:

— Вроде ты уже давно ходишь за мной. Когда это я отступал без особой нужды?

— Думаешь, он спустит тебе неповиновение?

— Номинально я ничего не нарушаю. Как ты помнишь, городской совет сам нанял меня. Никаких преступлений. Он не может привлечь власти.

— Не будь наивным, Людвиг. Этот господин, дай ему волю, сам что-нибудь нарушит, а обвинит тебя.

— Я буду осторожен, — сказал я и поднял правую руку вверх ладонью, словно давал клятву. — Обещаю.

Мне следовало задуматься, почему Орден так всполошился лишь из-за появления стража в Вионе? Они настолько разнервничались, что снизили до угроз — это дорогого стоит. Мне стало любопытно, какой у них интерес в этом деле? Неужели действительно боятся, что я напортачу и здесь станет еще хуже? Вряд ли. Очень вряд ли. Господин Александр знает мое имя, а значит, должен знать и репутацию.

Тогда что им нужно? Почему Ордену так важно убрать стража душ из города, раз они решили его припугнуть и даже не опасаются, что я доложу об этом своим?

Я не знал ответов на эти вопросы. Мне следовало быть поосмотрительнее и помнить о господине с жетоном высшего жреца.

Сенные ворота были заперты, что неудивительно. Кладбище возле часовни Святой Маргариты находилось за городской стеной, и стражники не

желали, чтобы хоть что-то проникло оттуда сюда. Кроме засова какие-то ретивые люди додумались завалить врата бочками и перегородить телегами. Как будто это могло спасти их от мертвецов.

Воины сидели возле караулки и выглядели не слишком радостными оттого, что сегодня их направили торчать возле Сенных.

— Закрыто! — крикнул мне один из них, возившийся со смешным лохматым щенком.

Я показал ему кинжал:

— Открывайте.

Он крикнул начальника, уже немолодого сержанта с пропитым лицом. Тот лишь бросил взгляд на звездчатый сапфир, пожал плечами:

— Калитку откроем. Но возвращаться вам придется через другие ворота. Я не буду ломать голову, кто рвется с той стороны.

На том и договорились.

Стоило мне и Проповеднику выйти на дорогу, как стальная калитка за нами захлопнулась.

Чуть дальше, за большим мельничьим хозяйством, работающим даже сейчас, несмотря на близкое соседство с кладбищем, из-за березовой рощи, находящейся возле речного рукава, торчали башни Вионского монастыря малиссок.

Монастырь был богатый и известный. Не только в Вионе. И не только в этом княжестве. Поговаривали, что церковь ссылает в него прогрессивно настроенных женщин из других церковных орденов. Но с учетом того, что женщины эти обычно из очень обеспеченных семей, средств белым стенам не занимать.

Кладбище находилось по дороге к монастырю. Здесь уже лет двадцать никого не хоронили, и оно пришло в некоторое запустение. Заросло бурьяном, подорожником, крапивой и шиповником. Старая часовня с посеревшими от времени стенами и давно уже не отпираемой дверью смотрелась тут совершенно уместно. Такое же забытое богом место, как и все, что находится вокруг.

Кладбищенскую ограду красили, наверное, во времена, когда людей на земле еще не было, настолько ржавой и убогой она была. За оградой торчало Пугало, рассматривающее могильные кресты.

— Ну надо же! — удивился Проповедник. — Кто бы мог подумать. Привет, соломенная голова!

Пугало его проигнорировало. Повернулось к нам сутулой спиной и пошло бродить между могилами, пока не скрылось за серым склепом, накрытым сверху плющом, словно снегом.

Погост был разорен, могильные плиты расколоты, комья земли разбросаны. Часть крестов и памятников покосились, а то и вовсе упали. Я остановился возле куста шиповника, на колючей ветке которого висел желто-коричневый обрывок ткани — все, что осталось от погребального савана. Множество следов костлявых ног на сырой после дождя земле говорило о том, что веселье здесь разыгралось не на шутку.

— Никогда не видел пляску смерти, — сказал Проповедник, с некоторой осторожностью взглянув в ближайшую от него разверзнутую яму.

— Значит, тебе повезло. Радость на подобном празднике напускная. Кости веселятся до той лишь поры, пока поблизости нет живых. Они утягивают прохожих в танец, а затем уводят за собой в могилу.

— Разумеется, кроме таких, как ты.

— Стражи им не по зубам. Плясать мы не слишком горазды.

Проповедник понимающе усмехнулся, провел сухим пальцем по своей окровавленной щеке.

— Впрочем, все, что я сказал выше о плясунах, относится лишь к стихийным порождениям силы. Когда она не направлена.

— Например, на город, — понял он.

— Ну, тут, скорее, все было наоборот, — подумав, произнес я, поглядывая на дыру в заборе и протоптанную через кустарник тропу. — Но в прошлом, когда Псы Господни еще не везде протянули свою длань, ведьмы на травливали пляшущие кости на неудобных.

— Прекрасно помню гравюры, где скелеты уводят епископа, девушку, короля и нищего за собой.

Между могилами снова появилось Пугало. Оно шло медленно, все так же сутулясь, и остановилось недалеко, прислушиваясь к нашему разговору. До моих ушей долетел отдаленный колокольный звон. Били полдень в центральном городском соборе. Клич его громкого, тяжеловесного колокола подхватили другие церкви, а затем, почти с минутным опозданием, загудели колокола в монастыре церковного ордена малиссок.

Пугало поежилось, ему было не слишком приятно ощущать этот звон, но, как я и думал, оно оказалось куда сильнее многих встреченных мною одушевленных. Впрочем, ничего удивительного, раз оно шастает по святой земле и не тает от этого.

Проповедник затаил «Oratio ad Sanctum Michael»¹, взяв за основу популярную в моем княжестве пастушью песню, но изменил свой голос на пару октав, отчего тот звучал очень жалобно и дребезжаще. Он смог завладеть вниманием Пугала, которое не ожидало такого поворота событий и теперь тарасилось на горе-певца из-под надвинутой на «лицо» шляпы.

Я с сомнением покачал головой:

— Гореть тебе в аду, приятель.

Проповедник даже не думал прерываться. Он любил петь и занимался этим, как только ему приспичивало прочитать молитву. На мой взгляд, по нему плакали все балаганы. Они потеряли потрясающего клоуна. Впрочем, боюсь, что долго Проповедник выступать бы не смог. За такие выкрутасы его б точно уpekли в сумасшедший дом. Или сразу отправили к отцам-дознавателям.

Я внимательно изучил кладбище, обошел его по периметру, убедился, что все до одной могилы пусты. По сути дела, с места снялась и куда-то уперлась целая прорва мертвецов, никого не предупредив.

Одно я мог сказать точно, душами здесь и не пахло. А вот темной магией — сколько угодно. Это был аромат сырой дубовой коры и дегтя, едва ощутимый даже для меня, но, наверное, любой представитель инквизиции почувствовал бы его, не дойдя до ограды ста шагов.

¹ Молитва святому Михаилу Архангелу.

Пугало зачем-то залезло в одну из могил, потопталось в ней, с шумом выбросило оттуда разваленные, гнилые доски и комок земли. Проповедник пожал плечами. Он не понимал, что происходит.

Я еще немного побродил по кладбищу, отмечая, что сторожка смотрителя выглядит столь же запущенной, как и весь погост. Затем нарисовал несколько *фигур*, орудуя мелом по уцелевшим поверхностям могильных плит, и смог выяснить, где использовали магию подъема.

Нигде.

Судя по *фигурам*, никакого ритуала здесь не проводили, и стихийный всплеск произошел по совершенно неясной для меня причине.

— Вид у тебя такой, словно ты обнаружил в карманах пропажу денег.

— Что-то в этом роде. При подобных всплесках *totentanz* не выходит за пределы погоста. Но, как видишь, мертвецы ушли. Такое бывает только во время ритуалов или если ограда не освящена.

— Она освящена.

— Знаю. Уже проверил. Что заставило уйти кости — смогут понять только слуги Церкви. Они большие специалисты в делах борьбы с колдовством и чертовщиной.

Подошло Пугало, поманило меня за собой с загадочным видом, скалясь своей застывшей, жутковатой улыбочкой.

— Не слишком разумно, Людвиг! — предупредил Проповедник. — Я бы сказал, даже опрометчиво. Разумеется, для тебя.

— Пугало право. Следует прогуляться по лесу.

— Не желаю видеть мертвых в таком ничтожном и несчастном виде. Не по-божески это, зреть детей Господа в столь жалком состоянии.

— Считаешь, что, когда придет Судный день и наступит Всеобщее воскрешение, они будут выглядеть лучше? — с иронией спросил я.

Вместо ответа он пропел, кстати говоря, достаточно мелодично:

— *Lacrimosa dies illa qua resurget ex favilla judicandus homo reus...*¹

— Ну, так оставайся здесь или иди на постоянный двор, — не выдержал я.

— Учти! Помрешь, останутся твои кости среди берез и осин! — кричал он мне уже в спину.

Я махнул ему рукой, и он, повысив голос, начал петь гимн с самого начала. Странное зрелище для тех, кто *видит*. Душа священника с окровавленным лицом бродит по разоренному кладбищу и вдохновенно поет о Дне Гнева. Хочешь не хочешь, а поверишь во Второе пришествие.

Лес жил своей жизнью. Шелестели старые березы, журчал чистый, начинающийся с ключа на заливаемом лугу ручей, полз мимо корневищ рогатый жук с лаковым панцирем, слышался отдаленный крик кукушки.

Вот уж кто — пророчица смерти. Плохая птица. Темная. Куда хуже тех же самых ворон, которых принято ругать и относить к слугам дьявола. По мне, так кукушка может принести бед гораздо больше, чем целая стая черных птиц. Надо всего лишь задать неправильный вопрос, а потом расхлебыв-

¹ О тот день слёз, когда восстанет из праха виновный грешный человек... «*Dies irae*» («День Гнева») — церковный гимн.

вать последствия. Если, конечно, успеешь их расхлебать, прежде чем на тебя обрушатся глад, мор, саранча и какая-нибудь озверевшая душа в придачу.

Тропа от сотен прошедших ног никуда не делась. Петляла в подлеске, уводя меня в самую чащобу. Был яркий день, так что я не слишком опасался каких-нибудь неприятностей, лесных духов или иных существ, планируя вернуться отсюда еще задолго до заката.

Пугало тащилось следом за мной, шагах в двадцати, то появляясь из-за деревьев, то отставая. Странное оно все-таки. Пользы от него, скорее всего, ни на грош, но я был рад его компании и тому, что здесь не один.

Из-под ног выскочила серая крыса, вильнула голым розовым хвостом и скрылась в траве. Было видно, как пригибаются травинки там, где она бежит. Что же. Значит, не одни мертвые подались в лес. Крысы из Виона тоже решили немного побыть в единении с природой.

Лес стал гуще, пропали залитые солнечным светом полянки и просеки. Перестали встречаться вырубки. В большом количестве появились звериные тропы и следы. Местность постепенно менялась, начались осины, я стал спускаться в низину, как раз вдоль ручья. В некоторых местах она оказалась заболоченной, пришлось искать обходной путь.

Первое бело-желтое пятно я увидел совершенно случайно, когда повернул голову направо. Присмотрелся, прищурил глаза, и разглядел сидевший на пенке скелет. Тот не двигался. Поправив пояс, чтобы кинжал был под рукой, я поспешил в эту сторону и был вознагражден нелепой картиной.

Лес был запружен мертвыми. Старые кости, непонятно как соединяющиеся друг с другом, находились везде, куда ни кинь взгляд. Некоторые лежали, словно спали, — часть из них оказалась присыпана серыми, прошлогодними листьями. Другие стояли, третьи сидели, а четвертые даже висели, зацепившись руками или ногами за нижние ветви деревьев, словно постиранное, а теперь сушащееся белье. Где-то поодиночке, а где-то и группами, мертвые захватили этот участок леса, не желая спокойно лежать в могилах.

Никто из них не шевелился, хотя мой дар позволял чувствовать, что они не совсем мертвы. Я шел, поглядывая по сторонам, скорее с любопытством, чем с опаской или отвращением. Некоторые скелеты оказались большими оригиналами и застыли в величественных позах, или совершенно смешных, или гротескных.

Вот мыслитель сидит на камне, подперев костяным кулаком желтую скулу. Здесь — юноша фехтует невидимым клинком, застыв в *Bedrohe mit Zorpot*¹. А эта парочка самозабвенно целуется, слившись в костлявых объятиях и соприкоснувшись друг с другом оскаленными улыбочками. Там, дальше, поэт декламирует свои стихи на радость десятку восхищенных слушателей. А возле кособокой осины беседуют о чем-то два почтенных мужа. И рядом с ними, упав крестом, замаливает грехи какой-то монах. Чуть дальше — пахарь с невидимым плугом, сразу за ним, рядом с покрытыми мхом камнями, женщина баюкает несуществующего младенца.

Их было чертовски много, этих мертвецов.

Когда я проходил мимо, несколько черепов повернулись в мою сторону, и теперь я шагал, провожаемый взглядами пустых глазниц. Пожелтевший

¹ Угроза гневным острием (одна из стоек в фехтовании мечом).

скелет, где-то потерявший левую руку и большую часть ребер, увязался следом за мной, привлек внимание еще двоих, судя по позам, резавшихся в кости, но эта тройца довольно быстро отстала, отвлекшись на порхающую между деревьями бабочку-капустницу.

Некоторые из «лесных гостей» были обряжены в остатки погребальных саванов, но большинство скелетов оказались просто голыми. На них не было видно даже малейших признаков плоти.

Достаточно далеко от того места, где я находился, между деревьями я заметил женщину. Она была невысокой, крепко сбитой, в сером жилете и длинной юбке. У нее были грязные, немытые, растрепанные седые волосы, крепкие руки с облупленными ногтями и творожисто-белое, рыхлое лицо, на котором не оказалось ни глаз, ни носа, лишь обрюзгший рот — на гладкой, словно колленка, коже.

Я цокнул языком. Убавляющая мясо. Экая неприятность. Вот уж кого не думал здесь встретить. В любом другом случае я не оставил бы ее у себя за спиной и исполнил бы свою работу, но сейчас, уничтожая душу, я рискую взбаламутить это тихое царство. Неизвестно, сколько придется успокаивать пляски и хватит ли у меня на это сил.

Поэтому я прошел мимо, дав себе слово вернуться и прикончить мечущуюся душу прежде, чем она кого-нибудь убьет. Но, к большому удивлению, впереди, прямо на своем пути, я увидел еще двух убавляющих мясо. Они играли в чехарду, с каким-то остервенением прыгая через спины целой вереницы скелетов. Пугало ими нисколько не заинтересовалось, прошло мимо, направляясь в самую густую часть чащобы. Туда, где мертвых было особенно много.

Заметив меня, души перестали развлекаться, переглянулись и сделали шаг в мою сторону. Я без суеты достал кинжал. Увидев черное лезвие, они остановились, еще раз посмотрели друг на друга. Было понятно, что между ними происходит какой-то разговор.

Наконец, они отошли в сторону, уступая мне дорогу, и вновь занялись своими странными играми. Я чувствовал их голод и желание убить меня, но также — их страх. Убавляющие не слишком разумны, в том смысле, что некоторые другие злые сущности предпочитают убраться как можно дальше, если я оказываюсь рядом. У этих же тварей чувство самосохранения почти отсутствует.

Я помянул дьявола, когда увидел сидящую в траве четвертую убавляющую. Эта полировала снятый с ближайшего скелета череп, нежно протирая его краем подола своей изодранной юбки. Четыре души вместе, когда их и по одной-то редко встретишь. Что могло заставить подобных созданий собраться?

Я резко обернулся и увидел, что к тем, что играли в чехарду, присоединилась первая, и теперь все трое смотрят на меня. Впервые я почувствовал себя несколько неуютно.

— «Уходи, пока цел», — прозвучал у меня в голове голос Проповедника.

Разумеется, никакого Проповедника и близко не было, он остался далеко на кладбище, а все это — лишь мое разыгравшееся воображение, но я решил принять превентивные меры. Достал из кармана мелочь, не глядя, бро-

сил ее себе за плечо, скороговоркой пробормотав нужные слова. Теперь, если они пойдут за мной, монеты их остановят.

Полировавшая череп оторвалась от своего занятия, ее безликое лицо оказалось покрыто отвратительными язвами. Меня так и подмывало прикончить убавляющих, но и эта агрессии не проявила, поэтому я, повернувшись к ним лицом, отступал спиной, пока все четверо не скрылись из виду.

Черт знает что происходит! Столько тварей раньше я видел только на полях сражений. Им здесь нечего делать. Ни плоти на мертвых, ни беззащитных живых. Впрочем, вполне возможно, что они обитали на старом кладбище, и пляска смогла закружить и их, притащив в лес.

Кажется, я пришел в самый центр сборища мертвых, потому что количество черепов на поляне превышало все возможные пределы. Словно грибы после дождя. Затхлый запах костей заглушал другие ароматы. Пугало, не шевелясь, торчало у кромки леса, отвернувшись от меня и склонив голову набок, словно к чему-то прислушивалось.

Понимая, что ходить мимо костяков можно довольно долго, я спросил у первого же скелета:

— Я ищу вашего короля. Где он?

Тот щелкнул челюстью, даже не повернувшись в мою сторону. Зато его сосед поднял руку, указав мне нужное направление.

Король *totentanz* при жизни, наверное, был рыцарем. Во всяком случае, в руке он держал ржавый фламберг, а на голове его торчал помятый хундсгюль с поднятым забралом. Да и осанка у его величества была прямой, словно в позвоночный столб вбили кол.

— И что вам в земле не лежится, как всем приличным мертвецам? — спросил я у него. — Город перепугали, кладбище стоит пустое. Нехорошо.

— Не стражу нас учить, что делать и как спасать себя, — прозвучал у меня в голове шелестящий шепот короля. — Мы не вернемся, пока это не кончится.

— Не кончится что? — не понял я.

— Не кончится то, зачем они это делают.

Добиться вразумительных ответов у меня не получилось. Точнее, король не собирался их давать. Я поборол раздражение, подбирая в голове подходящие слова. С подобным явлением я мог только разговаривать, как какой-нибудь обычный человек. Оно не обязано мне подчиняться или отвечать на вопросы. Я не Пес Господень, чтобы кости при моем приближении прыгали как шелковые и выполняли любой приказ, в том числе и «марш обратно в могилу».

Но спросить я ничего не успел, потому как из-за деревьев появились четверо убавляющих плоть. Еще три, те самые, которых я видел раньше, вышли с другого конца леса. Одна отсутствовала, моя мелочь ее все-таки задела.

— Беги, — равнодушно сказал король мертвецов.

Я, оскалившись ничуть не хуже, чем он, крутанул кинжал меж пальцев.

Семеро! Развелись рядом с Вионом гадин! От них уже не скроешься. Догонят, выпьют жизнь, и поминай как звали.

Одним движением руки в воздухе я расчертил на земле широкого «осьминога». Король, кажется, усмехнулся, но говорить ничего не стал. Пу-

гало, как назло, куда-то делось, впрочем, помочь бы оно мне не смогло при всем своем желании. Очень немногие одушевленные умеют причинять вред душам. Да еще таким сильным и злобным.

Они уже неслись на меня, выставив руки со скрюченными, грязными пальцами. Я хлестанул по воздуху кинжалом, начертил спираль, и передо мной появился длинный золотой шнур. Схватив его, я что есть сил дернул на себя, и пространство с одного бока собралось складками, выпятилось пузырем, искажая вид всего, попадающего в него. Я тянул и тянул, напрягая мышцы, а затем, когда троица почти добежала до останавливающей *фигуры*, отпустил шнур.

Пространство распрямилось с потрясающей скоростью, разгладилось и тут же громко хлопнуло. Оно стало тетивой, а злобные души арбалетными болтами. Им хорошенько врезало, и они полетели в обратном от меня направлении. Что с ними стало дальше, я не смотрел, потому что четверка с другой стороны уже достигла нарисованного «осьминога».

Как только первая из них пересекла границу, так сразу начала «дымиться». Фигура пила из души ее силу, то, что сдерживает убавляющую в нашем мире. Но слишком медленно. Чтобы исчезнуть, призрачной женщине требуется находиться на этом месте больше двух минут, а у меня нет столько времени.

Я с разбегу ударил ее плечом, а затем локтем, и взятый обратным хватом кинжал вошел в ее тело. Она взвыла и *перетекла* в клинок.

Мгновенная дрожь в руках, легкий приступ тошноты, звон в ушах. Неподобающе обращать внимание на такие мелочи.

Три ее товарки уже были в круге. Резко подняв руку, я направил на них открытую ладонь, и ближайшая ко мне убавляющая тут же упала на землю, дергаясь и пытаясь встать. Из-под нее вверх уходил пар, словно она была рыбиной, попавшей на раскаленную сковороду.

Вторая бросилась мне в ноги, и я ударил ее в лицо сапогом, одновременно воткнув кинжал в шею третьей.

«Остались пятеро!» — промелькнуло у меня в голове.

На плечи рухнула тяжесть, я почувствовал, как ломит виски, как двоится зрение, скороговоркой произнес фразу, взмахнул руками, плеснув невидимым для человеческого глаза пламенем на тех, кого отправил с помощью золотого шнура прочь и кто слишком быстро успел вернуться. Кинжалом резанул повисшую у меня на плечах, что есть сил крутанулся, освобождаясь от хвата, перекатился по земле и вбил свое оружие в сердце той, что была пригвождена к земле.

Сверху на меня упала еще одна тварь, обхватила руками шею, пытаясь задушить. Я взревел, видя, как к ней спешит подмога. Ситуация складывалась — хуже не придумаешь. Я терял силы, словно пробитый пулей бурдюк с водой, а их все еще было много. Чертовски много.

На пределе своих возможностей, встав на ноги, я тут же рухнул на спину, придавливая душу к земле, заставляя ее всем телом ощутить начертанную *фигуру*. Помутневшее зрение отметило прыгнувшую тень. Машинально я выставил кинжал, позволив ей напороться на него, ощущая, как клинок тря-

сется от переполнившей его силы. Кто-то вцепился мне в ноги, и я, теряя сознание, активировал *фигуру*, созданную мной еще накануне вечером.

Земля просела от удара, все взвыло, в воздухе закружились *знаки*, каждый из которых падал на души, впивался в их плоть, ослаблял. Ту, что сидела на моей груди, снесло. Я почувствовал, как захват на шее ослаб, саданул назад локтем, поднялся и, развернувшись, опустил кинжал на гадину.

Это потребовало от меня, порядком выпитого душами, просто нереальных сил. Так что я почти сразу упал опять, уже зная, что уцелевшая меня точно прикончит. Надвинулась чернильная тьма, с воем, криком, диким хохотом и громом барабанов. А затем мрак рассеялся, пришли серые сумерки, и я, все еще удерживая кинжал влажной ладонью, попытался разглядеть, что происходит.

Быстро начало светлеть, колдовство, упавшее на лес, стремительно рассеивалось.

И я увидел девушку.

Ее одежда была ослепительно-белой. Белый берет, короткий мужской камзол, рубашка с кружевным воротником и рукавами, штаны для верховой езды и даже сапожки. Тем более впечатляюще смотрелись красные вкрапления, словно кровь, пролившаяся на нетронутый снег. Алое фазанье перо в берете, алая рубиновая брошка на горле, алая строчка по воротнику, рукавам камзола и сапогам.

Она шла по дымящейся земле, держа в руках, затянутых в белые перчатки, черный кинжал с сапфировым набалдашником. Остановившись рядом с последней, почти развоплотившейся душой, девушка подняла на меня светло-карие глаза и спросила:

— Не возражаешь?

Я покачал головой и вытер кровь, текущую из невесть каким образом разбитой губы. Кинжал спасительницы добил последнюю из убавляющих.

— Привет, Синеглазый, — сказала девушка.

— Здравствуй, Гера, — поприветствовал я ее. — Вот уж кого не ожидал встретить, так это тебя.

— Признаться, и я не думала, что мы столкнемся. Извини, надо упокоить их. — Она убрала кинжал в ножны.

Скелеты, которых встряхнула магия и схватка, бушевали, щелкали челюстями, стучали костями, собирались в круг для танца. Король, положив фламберг на плечо и опустив забрало шлема, готовился отдать приказ начинать пляску. Не знаю, что делала Гертруда, но получалось у нее хорошо. Уже через минуту костяки вновь начали расползаться по лесу, застывать в самых нелепых позах, впадать в спячку.

Эта девушка не только страж душ, но и колдунья. Ведьма, если хотите. В классическом смысле этого слова. То есть при нужде может и метлу оседлать, и проклятие наслать.

Король вернулся на свое место, демонстративно отвернувшись от меня, и забрало поднимать не спешил. Бой на поляне и мои *фигуры* основательно повредили множество скелетов. Часть костей рассыпалась без всякой надежды быть собранными вновь.

Я уже поднялся, хотя меня все еще мучило и в ногах была гадкая слабость. Гера, ни слова не говоря, протянула мне маленькую фляжку.

— Только не алкоголь.

— Это молоко, Людвиг. Пей.

Сразу же стало легче.

— Подумать только, Синеглазый совершил еще одно чудо — расправился за один раз с толпой убавляющих плоть? Сколько их было всего? Шестеро?

— Семь. Если считать и ту, что ты прикончила.

В ее глазах что-то сверкнуло, но я не был готов поручиться, что угадал эмоцию.

— Такие подвиги только магистрам совершать.

— Ну, я не магистр, — проворчал я. — И без тебя я бы не выжил. Ты здесь какими судьбами?

— Если честно, то совершенно случайно. Ехала в столицу, но почувствовала этих, — последовал кивок в сторону скелетов. — Решила посмотреть, что такое. А нашла тебя. Насмешка судьбы.

— Да уж... — Вот и все, что я мог сказать.

— Идти можешь? — спросила она.

— Конечно. Ты пешком?

— Оставила лошадь на дороге. Я их усыпила ненадолго. Потом начнут буйнить. Не отставай.

Она пошла вперед, а я поплелся за ней, любуясь ее гибкой фигурой. За то время, что мы не виделись, Гера отрастила короткую косу, вплела в белые волосы алую ленту. Во всем остальном она ничуть не изменилась с момента нашей последней встречи. Точнее расставания. И надо сказать, расстались мы не в самых лучших отношениях. На самом деле я чудесным образом избежал превращения в жалкую гусеницу. До сих пор не знаю, что остановило вспыхивающую колдунью.

С того времени я не видел Гертруду, хотя пытался отыскать ее, но каждый раз мы оказывались в разных странах, занятые собственными делами. И вот теперь встретились.

Она обернулась и с подозрением поинтересовалась:

— Чему ты улыбаешься?

— Рад тебя видеть.

Она фыркнула, но комментировать это не стала. Сказала лишь:

— Поначалу я тебя даже не узнала. Раньше ты бороду не носил. Похож на пса. Смешного. И лохматого.

Я машинально потрогал недельную «щетину». Росла она совершенно бесконтрольно, да еще отчего-то разных цветов. От светло-песочного до темно-русого, цвета моих волос. Действительно, словно пятнистая дворняга.

— Вернусь в Вион, побереюсь.

— Не надо. Мне нравится. Ты забавный.

Я озадаченно промолчал.

— Признала только по кольцу. Польщена, что ты все еще его носишь.

Кольцо сделала мне она. Я носил его на безымянном пальце левой руки — три плоских полоски из белого, красного и желтого золота, завитые

несложной спиралью. На каждой полоске выбиты руны крапивы, руты и толокнянки. Ведьма говорила, что когда-нибудь это кольцо спасет мне жизнь. Я и верил и не верил. Вот уже второй год оно у меня на пальце, но пока еще ни разу не помогло. Впрочем, и не помешало тоже.

— Мне нравится.

Она резко остановилась, потянулась к кинжалу, но я поспешно сказал:

— Не тронь его. Это мой.

Пугало появилось из-за мшистых камней, подозрительно посмотрело на Геру и уже не спускало с нее глаз.

— А где Проповедник? — Она тоже наблюдала за одушевленным, и ее глаза нехорошо щурились.

Было видно, что сдерживает Геру от действий только моя просьба.

— Решил меня не сопровождать.

— Как всегда струсил. Ты хотя бы знаешь, что *это* такое?

— Он одушевленный. И хватит о нем.

Гертруда сокрушенно вздохнула:

— Иногда я поражаюсь твоему безрассудству, Синеглазый. Ну, смотри. Как знаешь. Но я бы не очень-то доверяла этому.

— У нас с ним негласное соглашение.

— Любишь ты окружать себя странными душами, — сказала она, видя, как Пугало присоединилось к нам. — Кстати говоря, что ты здесь делаешь? Ведь не за убавляющими же плоть ты пошел в одиночку?

Я пересказал ей случившиеся события, и рассказ длился как раз до той поры, пока мы не оказались на дороге. Ее лошадь, каурая красавица, стояла не привязанная совсем недалеко от кладбища.

— Меня ждут дела в столице, но твоя история заинтересовала, Людвиг. Если позволишь, я остановлюсь на ночь в Вионе. Хочу сама посмотреть, что к чему.

— Святые угодники! — подскочил Проповедник, когда я вошел в комнату. — Во что ты, черт тебя побери, ввязался?! Иисусе Христе! А она тут откуда?!

— Привет, Проповедник, — сказала Гера, равнодушно скользнув по нему глазами. — Все еще торчишь здесь, вместо того чтобы вкушать благодать в раю?

— Не тебе говорить со мной о рае, ведьма! — возмутился тот.

— Между прочим, официально зарегистрированная ведьма. — Она села на стул, сняла перчатки, бросила их на стол. — Грамота с печатью Псов Господних прилагается.

Проповедник терпеть ее не может. Гертруда уроженка карманного герцогства Барбург, где взгляды на колдовство куда более терпимые, чем в других странах. Проповедник родом из Лезерберга, самого консервативного княжества в этом регионе. Он не может понять, почему Церковь не отпустила колдунью на костер, а стражи приняли ее к себе.

По мне, так все просто. Двоюродный дядя Геры — кардинал Барбурга. У Церкви, вопреки мнению обывателей, свой взгляд на людей, владеющих запретными чарами. Если такие люди признают власть папы, распятие, при-

частие и Святую Троицу, то есть шанс, что их существование одобряют. Хотя бы потому, что ведьмы на службе у Церкви гораздо лучше знают собственную магию, а значит, могут помочь справиться с теми, кто несет в мир зло и анархию. Разумеется, инквизиция накладывает на лояльных темных некоторые ограничения и обеты, да и следит за их поступками с большой тщательностью, во всяком случае, первое время.

Именно по этой причине ее взяли к нам. Гера обладает не только даром, но и магией, которая не доступна никому из нас.

— Хватит стенать, Проповедник, — сказал я, доставая бутылку вина.

Пугало село во главе стола и начало точить серп. Хотя, по мне, это являлось бесполезным занятием. Им и так уже можно было бриться.

— Касательно твоего рассказа, на мой взгляд, так нет ничего загадочного. — Гера ловко швырнула свой берет на мою кровать. — Во всяком случае, в поведении крыс и пляске мертвых.

— С интересом выслушаю.

Проповедник хмыкнул с явным пренебрежением, но на него никто не обратил внимания.

— Крыс принято считать слугами тьмы. Многие называют их тотемными зверьми мелких бесов.

— Ну, с учетом того, что они разносят чуму и губят зерно, в этом нет ничего удивительного.

— Обычное заблуждение, Людвиг, — сказала Гертруда. — Крысы пользуются бедствиями, но тьму, настоящую тьму, не переносят. Поэтому стараются держаться от нее как можно дальше.

— Считаешь, что в Вионе тьма?

— Или скоро будет. Нечто готовится, я это чувствую, но что именно — сказать тебе не могу. Послезавтра я буду в столице и сразу же пойду к Псам, сообщу им, что дело серьезное.

— Думаю, им уже доложили, — резонно заметил я. — Ты все еще оказываешь услуги клирикам?

— А разве у приличной колдуньи есть другой выбор? — усмехнулась она. — Скрываться от инквизиторов весь остаток жизни не по мне. Что касается пляски смерти, то ты ошибаешься — с кладбища их подняли.

— Но никакого ритуала там не проводили! Я уверен!

— Верно. На погосте никто ничего не делал. Смею предположить, что колдун не хотел, чтобы его волшебство обнаружили так быстро. К тому же всегда есть шанс, что делом займется кто-нибудь не слишком опытный в делах темной магии, даже если это люди инквизиции. Уже бывали случаи, когда то или иное явление списывали на стихийное проявление дьявольских козней. Но поверь мне, Синеглазый, это дело рук колдуна. Или ведьмы. Будь у меня время, я бы осталась с тобой и искала то место, где он проводил ритуал. Следы, как их ни прячь, остаются. Главное знать, что искать.

— Я не знаю, — хмуро пробурчал я.

— А тебе это и не нужно. — Она примириюще улыбнулась. — Ты ценишься совсем за другую работу. Оставь это дело на инквизицию. Они умеют справляться с подобным.

— Псы Господни, как видишь, не здесь. Я обещал помочь.

• Аутодафе •

История первая ТЕМНОЛЕСЬЕ

Я совсем не помню своих родителей. Как они выглядели? Какие у них были голоса? Как они смеялись? О чем мечтали? Мне остается только гадать.

Единственное воспоминание из раннего детства, когда я еще не попал в приют и тем более в Братство, — это колыбельная, которую пела мне мать перед сном. Свеча из оплывшего воска мягко мерцает на столе, накрытом белой кружевной скатертью, и в комнате приятно пахнет сливочным печеньем. Огонек фитиля отражается в маленьком окошке, за которым все белым-бело от снега, в очаге гудит пламя, в комнате тепло, и я проваливаюсь в полудрему, слушая песню.

С тех пор прошло чертовски много лет, но мне часто снится то время, и я всегда просыпаюсь, не дослушав колыбельную до конца. И долго-долго лежу, глядя в потолок очередной комнаты, очередной таверны или же на низко склонившиеся надо мной ветви кленовых рощ и звездное небо, потому что память не ведает милосердия, и у меня не осталось ничего, кроме песни, которой я не знаю, и голоса, который я не слышу.

Как-то я рассказал эту историю Проповеднику, но он лишь пожал плечами да буркнул, что нет ничего удивительного в моей забывчивости. Все забывают свое детство.

Мне есть что возразить. Я помню. Мою комнату и запах печенья. Зиму за окном, свечу и испуганное лицо соседки, бледное, перекошенное, когда на следующий день в Арденау появились первые заболевшие юстирским потом. И трупы на улицах, заметенные снегом, разгорающийся бунт, висельников и стрельбу. Не помню лишь слов колыбельной и того, как умерла моя мать.

Какой-то исповедник, еще в те времена, когда я считал исповедь достаточно важной, чтобы часто бывать на ней, сказал, что произошедшее со мной — божье испытание и награду за него я получу в раю, услышав пение ангелов, которые и споют мне колыбельную. У священников один разговор — в другой жизни будет лучше, а здесь терпи, парень, и не забудь заплатить за исповедь.

Вот только когда я умирал, там, на мартовской грязной дороге, болтаясь на плече Пугала и поливая кровью подтаявший рыхлый снег, никаких песен я не услышал. Не было вообще ничего. Ни слов, ни арфы, ни ароматов полевых цветов и фруктовых деревьев, ни смрада серы и воя истязаемых грешников. Я завис где-то между адом и раем, застрял во мраке забвения, где не вспомнил даже себя, не говоря уже о колыбельной из далекого детства.

Я спал коротким и потому бесконечно сладким сном. В него хотелось зарыться, словно в теплый лебяжий пух, и спать, спать, спать, не думая больше ни о чем. Не живя, не умирая и вообще не существуя, проявить слабость, которую я не позволял себе уже очень давно, уступив управлять моей судьбою тому, для кого это было действительно важно.

Я сдался, наплевал на себя и на тех, кому я был дорог. И за меня все решил кто-то другой...

Была глубокая ночь — то время, когда до рассвета остается вечность и нет никакой надежды увидеть солнечные лучи. Я лежал на спине, чувствуя удивительную, теплую, немного шершавую землю. Она то и дело мерно и глубоко вздыхала подо мной, перед глазами — близко-близко — проплывали крупные звезды. Они были похожи на чьи-то сердца, яркие, мерно пульсирующие, но совершенно холодные и равнотдушные.

Безучастные.

Я смотрел и смотрел на них, пока не начали слезиться глаза, пока руку не обожгло острой, кинжальной болью и в груди не вспыхнуло пламя, мгновенно переросшее в бушующий огненный ураган. Он превратил мои внутренности в уголья, а кровь в жидкий огонь, льющийся по сосудам. Звезды закружились, становясь размытыми линиями. Что-то зашипело рядом, моей руки коснулась холодная змеиная кожа, я дернулся, попытался встать, но веревка, которой меня связали, не давала пошевелиться. Звезды замедлились, стали прежними, морозными, а шипение змеи стихло.

Надо мной склонилась женщина, положила ледяную ладонь мне на лоб, внимательно посмотрела в глаза и ободряюще улыбнулась:

— Все хорошо.

— Я не умер? — через силу задал я самый глупый из всех возможных вопросов.

— Не совсем. Спи, Людвиг. Еще не время просыпаться, ты слишком слаб, — шепнула мне сереброголая. — Доверься Файрварду, он скоро принесет нас домой, и ты поправишься.

— Огонь... Внутри, — шепнул я ей.

— Спи. Все хорошо.

Ее тонкие пальцы легли мне на виски, серебристые глаза отделились, и пульсирующие сердца звезд погасли.

— Святые угодники! Вся эта чертовщина меня чертовски пугает, и я не понимаю, какого черта здесь торчу! — Проповедник сидел на краю бассейна с кислешей из всех своих мин, наблюдая за тем, как над водой парят лесные огоньки.

— Ты нервничаешь из-за отсутствия Пугала, — укорил я его, морщась от ноющей боли в боку.

— Еще бы я не нервничал, Людвиг! В последний раз, когда я его видел, оно было с ног до головы облитое твоей кровью и с безумным огнем в глазах. Ты ведь знаешь, что с кровью связано много разной темной магии, и вот так просто игнорировать то, что Пугало попробовало ее на вкус, очень даже глупо.

— Как видишь, оно не воспользовалось ситуацией и не прирезало меня.

— Толку тебя было резать? — буркнул он. — И без его серпа в тебе полно дырок, как ты еще жив, ума не приложу. Скажи спасибо, что мы тебя вовремя нашли.

— Спасибо, — покладисто произнес я, сидя по плечи в теплой, пахнувшей хвоей воде целебного бассейна. — И перестань, пожалуйста, нервничать.

— А как иначе? Сейчас конец апреля, нашли мы тебя в марте, и почти месяц от Пугала никаких вестей. Как только прибыла помощь, оно сделало мне ручкой вот так и убралось, наплевав на все мои просьбы.

— Ничего удивительного. Я бы тоже убрался при виде черного дракона.

Проповедник не дал себя сбить с темы:

— Теперь оно рыскает где-то на материке, а мы с тобой застряли в Темнолесье.

— Тебя, в отличие от меня, ничто здесь не держит, — напомнил я ему. — Можешь сгонять на Большую землю и поискать нашего друга.

Он с сомнением провел по окровавленной щеке:

— Бросить тебя на дьявольском острове, где нечисти больше, чем на любом из шабашей христианского мира? Неплохая идея. Только ради чего мне это делать? Пугало все равно меня не послушает. Разговаривать считает ниже своего достоинства, так что притащить его сюда на веревке не получится.

— Оно само придет, как только ему надоест торчать на ржаном поле. Я вылил на него столько крови, что оно теперь будет сыто и благодушно по меньшей мере несколько месяцев. Так что расслабься.

— Я не могу расслабиться, когда тут каждое дерево и каждое существо несет в себе дьявольское семя. Как ты заметил, они не слишком-то похожи на добрых христиан.

— Добрые христиане есть только в раю и в проповедях приходских священников. В последнее время я начинаю считать, что в нашем мире добрых людей вовсе не существует. Все это миф, дружище Проповедник.

— Тебя в плену у маркграфа по голове случайно не били? — участливо спросила душа. — Не пори чушь. Добрые люди встречаются. Если не веришь, глянь как-нибудь в зеркало.

Я рассмеялся:

— Оставь свою иронию при себе, старый пеликан.

— Я тебя прощаю, потому что ты в любой момент можешь отправиться к праотцам.

— Как ты меня обнадежил. — Я был слишком ироничен для обсуждения столь серьезной темы, как мое здоровье.

— Всегда пожалуйста, — в тон мне ответил Проповедник. — Я буду подле тебя, молясь Ему, чтобы Он не прибрал тебя в свои райские кущи. А Пугало пока пускай развлекается и режет служак Ордена Праведности в свое удовольствие. Того ублюдка, прости, Господи, меня за столь нелестные для него слова, что сдал тебя в руки людям маркграфа, оно напластало на мелкие ломтики.

— Я уже давно заметил, что у Пугала пунктик по поводу ребят из Ордена, — ответил я. — Даже боюсь предположить, чем они ему так насолили.

— Чтобы довести его до ручки, много ума не надо. Ладно... пойду к океану. Выздоровливай.

Холодный стальной океан, грохот волн, отливы и приливы приводили его в детский восторг, и он торчал на берегу целыми днями. Мой собеседник ушел, оставив меня в одиночестве сидеть в бассейне с теплой ярко-синей водой, пахнувшей лесом.

Огни, плавающие над ней, превратились из желтых в светло-зеленые, поугасли, и без того темная ночь стала еще темнее, а звезды над головой — ярче.

Я ощутил движение за своей спиной и повернул голову к угольно-черным древесным силуэтам, чувствуя, как в ушах начинает стучать кровь. Внутри сосудов вспыхнул огонь, начал плавить плоть, и я тут же с головой погрузился в воду, чтобы хоть как-то погасить жар.

Когда я вынырнул, огромная серебристая змея выползала из леса — на мгновение она задержалась, встретившись со мной взглядом, а затем легко и изящно нырнула в бассейн. Рептилия была гигантской, и чешуйчатое тело все еще продолжало вытекать из-за деревьев и медленно соскальзывать в воду, хотя хищная, треугольная голова уже появилась на поверхности совсем недалеко от меня. Она потянулась к моему лицу, стрельнула раздвоенным языком, зашипела и, распахнув пасть, впилась мне в плечо.

При желании такое чудовище могло бы оторвать мою руку одним рывком. Да что там говорить, оно без труда раздробило бы кости даже быку, не говоря уже о человеке, но в данном случае я не был для нее добычей.

Яд, более похожий на расплавленный металл, проник в мою и без того зараженную кровь, заставляя ее вспыхнуть пуще прежнего, а смерч, живущий у меня в груди, получив свободу, ринулся метаться из стороны в сторону, с каждым мгновением вырастая и рискуя сжечь меня живьем.

Я застонал от боли, пошатнулся и ушел бы на дно, если бы мощное, мускулистое тело не оказалось под руками. Я ухватился за змею, повис над ней, хватая ртом воздух, и она обвилась вокруг меня кольцами, нежно и осторожно поддерживая.

Когда приступ закончился, я сказал:

— Все в порядке.

София убрала руки, перестав прижиматься ко мне, испытующе заглянула в глаза:

— Точно?

— Точно. — Мне пришлось постараться, чтобы голос звучал уверенно. — Я в норме. Спасибо.

Женщина отступила на шаг, готовая подхватить меня в любое мгновение, а я оперся на бортик, ожидая, когда яд рассосется в мышцах.

— Все не так хорошо, как я думала, — вздохнула она. — В следующий раз постараюсь быть с тобой осторожнее. Надо снизить порции... лекарства.

Я хмыкнул, покачал головой:

— Не стоит, иначе я засижусь в гостях до второго пришествия. У меня слишком много обязанностей на Большой земле.

Это прозвучало гораздо грубее, чем я рассчитывал.

— Извини, Софи. Твои зубы... они, конечно, помогают, но вряд ли кому-нибудь нравятся, когда его кусают.

Она мелодично рассмеялась, и лесные огни подлетели, засияли, закружились над нашими головами.

— Никто не любит лечиться, Людвиг.

По ее обнаженной коже стекали капельки воды, и я старался смотреть только на лицо пророчицы. Она улыбнулась, читая мои мысли, отжала мокрые, лучистые волосы.

— Сколько еще это продлится? — негромко спросил я у нее.

— Знаю, что это неприятно и больно, но, как я уже сказала, все гораздо хуже, чем я считала. Еще недели две... Я так думаю.

Я чертыхнулся про себя. Приехали. Значит, вырваться отсюда я смогу лишь в середине мая.

— Не скажу, что я страдаю от твоего общества, особенно когда ты не лечишь меня, — осторожно ответил я ей и поймал легкую улыбку. — Но так долго сидеть на одном месте... Я страж, и меня ждет работа.

— Работа подождет, Людвиг...

— Но, Софи...

— Слушай меня! — Она впервые на моей памяти повысила голос. — Братство как-нибудь справится без тебя. Справлялось же оно целую тысячу лет и теперь обойдется. Тебе придется задержаться у меня в гостях, пока я, и только я не решу, что ты можешь уйти. В противном случае ты пропрыгаешь месяц, если повезет — два, а затем сдохнешь где-нибудь в дороге. И уж тогда точно можешь забыть и о работе, и о Братстве. Ты понимаешь меня, Синеглазый?

Я вздохнул и покладисто кивнул:

— Да, Софи. Я понимаю.

— Хорошо, — тут же смягчилась она. — Мы должны вычистить твою кровь. Мой яд рано или поздно уничтожит яд окулла, ту тень, что въелась в твою душу, когда тебя ранили. Как только ты будешь готов, клянусь, ты сразу же об этом узнаешь.

— Договорились. Я постоянно забываю, что рана серьезная. Не привык болеть.

— Я помню, что стражи не болеют, но тебя зацепил окулл. Обычные повреждения лесная вода затягивает за несколько часов. Это же до сих пор выглядит так, словно шрамы вот-вот лопнут, и ты истечешь кровью.

В лесу громко и тревожно заухал филин.

— Мне пора, — тут же сказала София, услышав зов. — Увидимся завтра, Людвиг.

— Счастливо.

— Я слышала, что Зивий с тобой наглеет. Если тебе надоест, можешь дать ему подзатыльник, я возражать не буду.

Зивий вчера подлил мне в напиток какой-то дряни, так что я плевался целый час, а эта сволочь хохотала и показывала на меня пальцем с безопасного расстояния.

— Так и поступлю, спасибо.

Она развернулась, проплыла вдоль бассейна, оперлась руками на бортик, подтянулась, легко выбравшись на прохладный лесной воздух, несколько не стесняясь того, что обнажена, подняла лежащую в траве тунику.

— Подойди, пожалуйста, к Гуэрво, он искал тебя.

— Конечно.

Софи дружелюбно улыбнулась мне на прощанье и мягкой поступью удалилась во мрак ночного леса.

Минуту я смотрел ей вслед, а затем произнес в пространство:

— Думаешь, она не знает, что ты за ней подглядываешь, старый извращенец?

Проповедник недовольно ругнулся из кустов и на этот раз убрался окончательно.

Рука после укуса болела, хотя ранки уже затянулись. Вывести яд окулла, попавший в меня с ее когтей, было очень непросто. Возможно, с этим хорошо бы справились святые мощи, но найти подобную вещь в Темнолесье — все равно что обнаружить в городской ратуше дракона.

Однако здесь, в глухих лесах, на западной оконечности мира, на отраву нашлась более сильная отравка, за что мне лишь остается благодарить магию Софии. Мое лечение продвигалось довольно успешно, раз я так быстро встал на ноги.

Думая об этом, я неспешно оделся, ежась от прохладного ночного ветерка. Почти все лесные огни улетели, и лишь один из них, оказывая мне любовь, продолжал освещать местность.

Я застегнул пояс с кинжалом и отправился домой по лесной дорожке, выложенной по краям перламутровыми ракушками. Огонек полетел следом за мною. Я был благодарен ему за такую заботливость, так как путешествие во мраке таило в себе возможные неприятности. Грубо говоря, могло возникнуть непонимание между мной и местным населением. Однажды такое уже случилось, в темноте меня приняли за еду, и парочка ругару едва не растащила меня на бифштексы. Как оказалось, ночью эти оборотни ни черта не видят.

Так что теперь по окрестностям я старался ходить с сопровождением. Ночью это был огонек, а днем за мной таскался Зивий, который «служил» у Гуэрво не то бездельником, не то нахлебником. То есть практически ничего не делал, спал под крышей и жрал в три горла, пререкаясь по любому поводу. Я бы на месте Гуэрво вышвырнул этого нахала в окно, но хозяин дубовой рощи был куда терпеливее меня.

Пару дней назад я сказал Зивию, когда тот ныл, будто мясо недосолено, что он слишком капризничает и чувствует себя чрезмерно вольготно. Окажись он в наших землях и столкнись нос к носу с клириками, те бы сперва облили его святой водой, а затем потащили на костер или же отдали в руки монахов из Ордена Святого Каликвия.

— Значит, мне повезло, страж, — ответил тот, ковыряясь руками в своей тарелке. — Мясо дрянь, но, если ты не хочешь, твою порцию я тоже съем.

Здесь, на огромном острове, не уступающем размерами Фирвальдену или Бробергеру, старина Зивий мог чувствовать себя в безопасности. Тем-

нолесье — единственное место в нашем мире, где не действует магия клириков. Даже если сюда приплывет Папа вместе со своей святостью или все Христовы апостолы — у них не получится выжать из себя даже малейшего заклинания. Священники, попадая сюда, ничем не отличаются от обычных людей, что им, разумеется, не нравится.

Церковь несколько раз пыталась завоевать Темнолесье, но этим грандиозным планам не дано было осуществиться. Святому Престолу крепко дали по зубам, настолько крепко, что больше сюда уже не лезли ни ради религии, ни ради завоевания новых земель. У колдунов, ведьм и иных существ мрачных лесов имелось неоспоримое преимущество — магия, которой не было у чужаков.

Клирикам пришлось объявить территории проклятыми и под страхом отлучения запретить жителям просвещенного мира приближаться к этой земле. И Темнолесье осталось предоставлено само себе почти на восемь сотен лет, являясь последним оплотом для древней магии. Первобытной, мощной, сильной, той, которой пользуются истинные ведьмы и которую не одобряют святые книги. Последний источник силы, последние знания, последние иные существа, ранее населявшие весь континент и жившие бок о бок с людьми. Станных созданий здесь было намного больше, чем в Кайзервальде и во всех дремучих уголках множества стран.

Правда, следует заметить, что кроме иных существ на восточном берегу великих лесов есть несколько людских городков, где живут бежавшие сюда от преследований инквизиции за колдовство, хранение запрещенной литературы, вскрытие трупов с целью изучения анатомии, поддержку теорий древних языческих философов или вивисекцию лягушек по рекомендациям хагжитских научных фолиантов. Тут стоит сказать, что не всех принимают с распростертыми объятиями и многих беглецов, несмотря на их просьбы, отправляют назад.

Я спрашивал у Софии, кто и по каким критериям решает, кому остаться, а кому уйти, она мягко улыбнулась, ответив:

— Само Темнолесье, Людвиг. Его сердце. Мы лишь слушаем его и выполняем приказ. Не нам решать, кто имеет право жить здесь.

— А насчет меня? Тоже Темнолесье решило?

Пророчица вздохнула и сказала:

— Будем считать, что ты здесь по моему личному приглашению. Мне понравилось, как ты танцевал на балу в Ночь Ведьм.

Было видно, что она не желает продолжать эту тему, и я перестал тревожить ее вопросами.

— Броброй ночи. Скобро бубрет бродь, — глухо прогудела огромная старая жаба в кружевной шляпе и розовой манишке. Во время прогулок по лесу я встречал эту забавную старушеницу уже несколько раз, так что можно сказать, что мы с ней хорошие знакомые.

— Благодарю вас за предупреждение.

Она важно кивнула, выстрелила языком и, поймав огромного ночного жука, отправила его в пасть.

От дорожки в темноту леса убегало множество троп, но я, наученный местными обычаями, не собирался шляться там, где это не стоит делать че-

ловеку. Покровительство Софии распространяется на меня лишь на ее землях, совсем небольшой лесной территории, примыкающей к океану. В других местах какой-нибудь лесной троглодит мог быть не в курсе того, что я чей-то гость, и вполне способен живьем содрать с меня кожу.

Людей здесь, возможно, терпели, но не любили.

На дорогу из леса выбралось нечто непонятное, на четырех лапах-веточках, со свалывшейся кошачьей шерстью. Его красные глазки уставились на меня, затем на волшебный огонек. Существо шумно рыгнуло, одной из лап залезло себе в слюнявую пасть, поковырялось, разочарованно вздохнуло и скрылось за деревьями, волоча за хвост лису с раздробленной головой, оставляющей за собой кровавый след.

Возле развилки, под старой сосной, собрались физы. Тощие парни с моховыми бородами, в которых брусники было больше, чем блох на уличной собаке, обсуждали завтрашний сбор шишек. Один, завидев меня, вежливо коснулся шляпы, сделанной из гриба-трутовика, и я кивнул ему в ответ, хотя виделся мы впервые. Остальная компания была слишком занята мерянием бород, чтобы отвлекаться на прохожего.

По дорожке, тянущейся параллельно звонкому ручью, я дошел до узкой лесной речушки с быстрым течением, где на берегах ивы склонили ветви над темной водой. По утрам на деревьях частенько качались ливьены, легконогие девушки с медовыми волосами и акульими зубами. Они прыгали в омуты, где жили злобные топлуны, дразнили их острыми палочками, вынуждая играть в догонялки. Пару раз девицы пытались втянуть меня в их рискованную игру, но я, разумеется, отказался. Чтобы соревноваться с речными жителями в плавании, надо как минимум отрастить плавники и уметь дышать под водой.

Сейчас ветви ив были пусты, и их шевелил лишь ветер да течение. Между молодых листочков сновали огненные искры — миниатюрные духи пламени, обитающие в очаге Гуэрво и вечно расплозающиеся по рощам, как только наступала темнота.

Несколько десятков этой мелочи ринулось ко мне, весело мигая и пытаясь оттолкнуть с дороги лесной огонек.

— Старая жаба сказала, что скоро будет дождь. Смотрите не погасните, — предупредил я их.

В дряхлой развалившейся лачуге, пристроенной к мертвой иве, жила какая-то пакость, и я старался ее не беспокоить, иначе она начинала выть и ругаться на весь лес. Характер у жильца был прескверный, иначе бы он никогда не наткал черепов на плетень и не обтянул человеческой кожей ставни и дверь.

Даже огонек, словно чувствуя мои желания, притушил свет, и я прокрался мимо огорода, где кроме одурманивающей сознание травы зрели свежие людские головы, беззвучно распахивающие рты и страшно вращающиеся незрячими глазами. Когда Проповедник впервые увидел это зрелище, ему разом поплохело, и он уполз к океану на целых три дня.

Едва я вошел в дубовую рощу, меня окликнули.

— Людвиг! — донесся с ближайшего дерева надтреснутый старческий голос.

Я задрал голову к густой листве:

— Что?

— Не хочу идти к океану. Принеси мне янтарь.

— Ты бы спустилась.

— Нет. Мне очень нужно. Принеси. Никто не хочет помочь. Не желает меня слушать.

— Если найду, принесу, — пообещал я.

Старуха Агатан безобидна, живет особняком, на дереве, наверное, в огромном дупле, и старается никому не показываться на глаза. У нее не все дома.

Дубовая роща принадлежит Гуэрво. София рассказывала, что он когда-то сам посадил здесь множество желудей, принесенных из другой части леса, которые затем превратились в величественные деревья. Его дом, красивый особняк с остроконечной крышей, был виден только тем, кому это позволялось, так же как и грот с хрустальным водопадом, где жила София.

На крыльце, завернувшись в медвежью шкуру, дрых Зивий. Его рот был приоткрыт, и от этого лицо, и без того безобразное, стало еще более отталкивающим, чем обычно. Когда я проходил мимо, он всхрипнул, приоткрыл желтый глаз, нечетко выговорил ругательство и перевернулся на другой бок, с головой укрывшись шкурой.

Гуэрво принадлежал к народу виенго, тому самому, о котором любили складывать пословицы вроде «Будешь лгать, и виенго снимут с тебя кожу» или «Украдешь, и виенго намотают твои кишки на дерево». Фразы появились не на пустом месте, этот народ всегда был жесток и кровожаден. Хотя о хозяине рощи и дома я так сказать не мог. Друга Софии я знал лишь с хорошей стороны: он был гостеприимен, улыбчив, спокоен и выдержан.

Гуэрво восседал перед камином на большом пне, заменявшем кресло, и внимательно читал библию. Он оторвал взгляд от страницы, просиял, сверкнув ровными зубами:

— Людвиг, доброй ночи. Извини, что попросил зайти тебя так поздно. Надеюсь, я не доставил тебе большого беспокойства?

У приятеля Софии порой обостренное чувство вежливости.

— Все в порядке.

До нашего знакомства мы виделись лишь единожды, мельком, на балу ведьм в замке Кобнэк, куда он прилетал вместе с пророчицей. Не запомнить его было невозможно, потому что не каждый день встретишь человека с оленьими рогами на голове. Говорят, рога виенго обладают удивительными целебными свойствами, вот только добыть их не так-то просто. Скажем так, гораздо проще залезть в берлогу к голодному медведю, чем устроить охоту на кого-нибудь из этого народа. Обычно выходит так, что охотник и жертва меняются ролями, и головы добытчиков рогов оказываются в жилище виенго.

У Гуэрво, кстати говоря, подобных трофеев было предостаточно — вся стена в холле украшена человеческими черепами. Несколько жутковатая картина, особенно если учесть всю остальную обстановку — уютную, комфортную и домашнюю. Проповедник сказал, что, будь тут Пугало, оно, вне всякого сомнения, оценило бы подобную игру контрастов.

— Как ты смотришь на небольшую прогулку перед сном, аэрго?¹

¹ Аэрго (виенго) — друг.

— Прямо сейчас? — удивился я.

— Если ты не против. — Его губы улыбались, хотя изумрудные глаза с золотистыми лучиками оставались серьезными.

— Хорошо. Давай прогуляемся.

— Вот и славно!

Он положил в библию закладку, встал, сразу же оказавшись выше меня на голову. Его болотного цвета комбинезон, сотканный из мхов и лишайников, перестал мерцать, потемнел и, растекшись, превратился в плащ, а сияющие серебром олени рога потускнели и затем совсем погасли.

— Здесь недалеко. Думаю, тебе будет любопытно увидеть подобное зрелище.

— Звучит интригующе.

Гуэрво взял огромный лук из золотистого дерева, казалось сплошь состоящий из изгибов, отростков и шипов, напряг мощные руки, натянул тетиву и перебросил через плечо колчан, где покоились длинные стрелы с пестрым оперением.

— Пойдем, пожалуйста, — негромко сказал он.

Зивий снова проснулся, проводил нас злым взглядом, буркнув:

— Поперлись на ночь глядя. Лучше бы спали! Никто не против, если я переберусь в дом?

— Не смей занимать кровати. Можешь лечь у камина, — сказал оленигогий. — А ты останься.

Последние слова предназначались лесному огоньку, который до сих пор сопровождал меня.

Как только мы вышли из рощи, сразу за деревом Агатан, которая опять стала просить принести ей янтарь, Гуэрво сошел с тропы, и мрак леса поглотил его. Я поспешил следом.

Ходил мой спутник удивительно мягко и неслышно, точно призрак. Его большие рога нисколько не мешали продвигаться по лесу, не задевали низких ветвей и не создавали шума. Он, словно благородный олень, излучал природную мощь и стремительность. Но шагал сейчас небыстро, так, чтобы я не отставал, то и дело останавливаясь и вежливо дожидаясь, когда я окажусь рядом.

Мои глаза через какое-то время привыкли к мраку, стали различать тени, силуэты и детали ночного леса. Мы пробирались через рощи, заросшие густым папоротником, чьи листочки мерцали голубоватыми бликами, через поляны, где ноги утопали в мягком, благоухающем брусничной мхе, мимо вековых деревьев, чьи стволы снизу заросли бородачатым лишайником, над которым кружили мотыльки с огненно-желтыми крыльями и мерцающие искры светляков.

Кое-где в темноте бледно-зеленым могильным огнем полыхали старые пни, в ветвях то и дело сверкали красные точки глаз местного народца, один раз над нашими головами бесшумно пронеслась крылатая тень с непомерно большой головой на длинной шее.

Ночной лес был наполнен звуками — шумом ветра в ветвях, тоскливыми криками ночных птиц, шелканьем, уханьем, отдаленным заунывным хохотом, напоминающим плач гиены. То и дело что-то шуршало в подлеске, ко-

рыбало коготками, пробегая по коре, хихикало в ветвях, тяжело вздыхало в кустарнике, с треском ломилось через валежник.

Какие-то легконогие тени, похожие на маленьких антилоп, испуганные нашим появлением, бросились прочь, недовольно повизгивая. Нечто вроде огромной лимонно-желтой сороконожки с сияющими лапками и усиками, извиваясь, проползло по древесному стволу, и я подумал, что будет, если эта отвратительная гадина упадет кому-нибудь за шиворот.

Однажды к Гуэрво обратился низкий замогильный голос, прозвучавший из-под корней могучего дуба на непонятном мне языке. Виенго ответил одной резкой фразой и на мой вопрос пояснил, когда мы уже прошли это место:

— У меня спросили, не могу ли я поделиться с ним тобою, аэрго.

— Не понимаю.

— Тебя сочли моей едой. Хотели немного мяса. Не люблю попрошаек и лентяев. Еды вокруг полно, но ему лень вылезти из логова, чтобы поохотиться. В ночное время о еде думают многие.

Словно подтверждая его слова, из мрака выступила высокая, долговязая фигура и угрожающе зарычала, но увидела оленьи рога, тоненько пискнула «простите» и смылась, прежде чем я успел испугаться.

— Серьезная у тебя репутация, — сказал я и почувствовал, как он улыбается:

— Это старый знакомый. У него плохое зрение, так что он порой ошибается в выборе. Мы прошли половину пути. Когда вернемся домой, угощу тебя светлячковым вином.

— Заманчиво, — сказал я. — Надеюсь, его делают не из светлячков?

Гуэрво негромко рассмеялся:

— Нет.

Чем дальше мы шли, тем сильнее пахло солью и морем. Эти запахи смешивались с ароматом хвои, листвы, мха, влажного леса, грибов и горьких ягод. Затем я услышал отдаленный рокот, который в конце концов начал заглушать все другие звуки.

Мы вышли из леса на открытое место, где дул резкий, ледяной ветер и слышался шум прибоя. Я понял, что стою на возвышении, гранитных скалах, и, чтобы спуститься вниз, к берегу, придется постараться.

— Нам к океану? — спросил я, гадая, как слезть по отвесной скале.

— Нет, — улыбнулся Гуэрво, показав на узкую расщелину возле кустов боярышника. — Нам сюда.

Расщелина оказалась сквозной пещерой, в которой идти пришлось буквально на ощупь.

— Пожалуйста, смотри под ноги, аэрго, — попросил мой спутник.

Мы вошли в ущелье с невысокими стенами, тянущееся вдоль океанского берега. На дне тек ручей, а скалы, по мере того как мы продвигались вперед, вырастали в размерах, но не могли заглушить шума волн. Виенго прыгал с камня на камень ловко и легко, а я уже порядком устал, и рана на боку начала болеть. Друг Софии заметил это и дал мне несколько минут на отдых. Ущелье расширилось настолько, что превратилось в котловину, заросшую по внешнему краю густыми елями. На дальнем конце она заканчивалась огромным, бесформенным холмом угольно-черного цвета.

Низкое, глухое, угрожающее рычание, от которого задрожала земля, заставило мои волосы встать дыбом, а руку схватиться за кинжал.

Холм внезапно ожил, зашевелился, со змеиной грацией повернулся, скребя камнем о камень, и из мрака на длинной лебединой шее вынырнула огромная башка со злыми лиловыми глазами и узкой зубастой пастью.

— Спокойно, Файрвард, — дружелюбно произнес Гуэрво. — Это мы.

Огромное существо, наверное с половину рыночной площади Арденау, было черным, лоснящимся и больше всего напоминало морского угря, только с острым гребнем, тянущимся по хребту. Крыльев, в отличие от сказочных драконов, у него не было, хотя это несколько не мешало ему летать.

Файрвард тяжело вздохнул, подавив гнев, с подозрением зыркнул на меня и неохотно отодвинулся, открывая дорогу.

— Спасибо, что принес меня в Темнолесье, — сказал я ему. — София говорила, если бы не твоя помощь, я бы умер.

Дракон прищурился и раздраженно выпустил из ноздрей малиновые искры, пропищав тонким голосом целую фразу.

— Он говорит, что ты можешь отплатить за этот долг, — перевел Гуэрво.

— Каким образом?

— Иди, пожалуйста, за мной, аэрго. Смотри. Вон там. Только, пожалуйста, не приближайся. Файрвард начинает нервничать.

— Глазам своим не верю, — завороченно прошептал я.

— Ты уж поверь, пожалуйста.

В двадцати шагах от меня, среди сложенных кольцом камней, лежало шесть крупных, примерно с человека, драконьих яиц. Внутри них, казалось, горело неугасимое пламя, и его пульсация была видна даже сквозь гладкую янтарную чешую.

— Они прекрасны, — сказал я.

— Но драконов из них не появляется. Кладка погибает, когда до вылупления остается несколько часов.

Дракон протрубил что-то на незнакомом мне языке, да так громко, что у меня зазвенело в ушах. Гуэрво успокаивающе поднял руку и ответил чудовищу на том же наречии, затем пояснил для меня:

— Это случится через несколько дней. Нечто уничтожает яйца, выпивает огонь их жизни, оставляя лишь пустую скорлупу. Поначалу мы думали, что это магия или проклятие, но так ничего и не смогли найти. Я и София подозреваем, что этим занимается темная душа.

Я был удивлен таким предположением. Темным душам плевать на драконов, волков или полевых мышей. Их интересуют только люди — главный источник жизни и ненависти.

— Теперь я понимаю, почему Файрвард согласился принести меня в Темнолесье. Сколько раз гибла кладка?

— Много.

— А стража вы зовете только сейчас.

— Вас довольно тяжело заполучить к себе в гости, аэрго.

— Все происходит в последнюю ночь? Перед появлением драконов? Не раньше и не позже?

— Верно.

— Хм. А кладка? Ее никто не пробовал перенести в другое место? Куда-нибудь в пустоши Ньюгорта или дикие земли Ровалии?

— К сожалению, это невозможно. Прежние времена прошли, и драконы могут рождаться только в Темнолесье, где много магии, нужной им для жизни и роста. Ваша церковь вырубилла все священные деревья на материке, чтобы не давать колдунам и ведьмам дополнительной силы. Так что ты думаешь о нашей теории, аэро?

— Мне надо подойти ближе и рассмотреть все внимательно.

Дракон выпустил клубы дыма и рыкнул коротко и раздраженно.

— Перевод не требуется, спасибо, — сухо сказал я. — И так понятно, что, если я трону его сокровище, от меня и мокрого места не останется.

Гуэрво виновато улыбнулся, и я в одиночестве пошел к яйцам под пристальным, подозрительным и не слишком дружелюбным вниманием Файрварда. Он мягко передвинулся, оказавшись рядом, и, обжигая дыханием, навис надо мной.

— Если ждешь помощи, то не мешай, — сказал я ему и заработал очередной злющий взгляд. — Гуэрво, они и вправду из янтаря?

— Разве ты не слышал легенду о том, что весь янтарь, что выбрасывает море и океан, — это осколки скорлупы драконов? Раньше детей огня и тьмы было гораздо больше, чем сейчас.

— Это только легенда. — Я пытался найти признаки присутствия душ и не находил их. — А мне желательны факты. Так это янтарь?

— Да. Это настоящий янтарь, истинный, не тот, что дают деревья. А что?

Файрвард внимательно прислушивался к нашему разговору.

— Есть несколько видов душ, которых можно подманить не только кровью, но и разными материалами. Травами или минералами. Есть души, которые любят быть рядом с янтарем, но они не темные и не причиняют вреда живым существам. По правде говоря, я не вижу здесь никаких признаков темных созданий. Если они и есть, то никто из них не приходил сюда достаточно давно для того, чтобы созданная мною *фигура* их не чувствовала.

— Но она, или они, появятся. И произойдет то же, что и всегда. Нам нужна твоя помощь.

Я посмотрел на оленерогого виенго, на дракона и осторожно сказал:

— Конечно, я помогу вам, но обещать ничего не могу. Слишком мало информации, и пока я даже не предполагаю, с чем здесь столкнулся.

С набежавших облаков начал капать мелкий дождик, который предсказала знакомая жаба, и Гуэрво произнес:

— Нам пора уходить. Обсудим детали у меня дома.

— Я могу поставить защитную *фигуру*, если хотите. Она, быть может, остановит неизвестного, если, конечно, это душа. Но мне потребуется вытащить кинжал.

Я многозначительно посмотрел на дракона, тот вздохнул и отодвинулся на малюсенький шаг.

— Файрвард сторожит кладку, а где мать? — спросил я, создавая набросок.

— В небе. Она прилетит, когда появятся дети... Если появятся.

— Постараюсь, чтобы появились, — пообещал я им.

Светлячковое вино оказалось ярко-зеленым и тускло сияло сквозь тонкие стенки хрустального бокала. У напиток был легкий мятный привкус, и бутылка довольно быстро опустела. Я слушал рассказ Гуэрво, но чем больше узнавал, тем сильнее сомневался, что здесь дело в душе.

Дождь лил как из ведра, затопил лес, и Зивий, из любопытства высунувшийся на улицу, вымок до нитки. Когда он вернулся к камину, от него так несло мокрой шерстью, что виенго попросил нахлебника пойти и нормально вымыться, а когда тот отказался, без всяких церемоний отправил его спать на чердак.

Я тоже уже хотел спать, но решил дожидаться Софии и услышать ее мнение по поводу гибели потомства дракона.

Пророчица вошла в дом неслышно, источая аромат кедровой смолы. Ее намочившая короткая серебристая туника липла к гибкому телу. Виенго подкинул дров в камин, принес теплое одеяло, усадил переодевшуюся гостью в кресло и открыл новую бутылку вина:

— Ты не меняешь своих старых привычек, ваэлго¹. Дождь все так же манит тебя.

— Он смывает видения, старый друг. В такие часы я могу побыть наедине с самой собой. Для меня это бесценное время. Ты показал Людвигу?

— Да.

— А рассказал, что, если драконы исчезнут, мы станем слабее?

— Нет.

Она повернулась ко мне:

— Эти существа жили в Темнолесье задолго до появления людей, и они стали частью магии моего мира. С их гибелью многие наши умения сойдут на нет, а это значит, что люди придут на наши земли. Я не желаю видеть тут клириков, которые не могли сюда попасть так долго. Они уничтожат здесь все, как уничтожили на материке. Леса Эйры — последнее прибежище таких, как мы. Я не хотела бы уходить за океан. Вот почему нам так важно, чтобы яйца остались целыми. Черных драконов в мире совсем немного.

— Я уже спрашивал у Гуэрво и спрошу у тебя. Почему не вызвали стража раньше?

— Братство отказало в нашей просьбе.

— Вот как? Магистры отказали...

— Они не желают портить отношения с Риापано. Никому из вас не нужны осложнения со священниками. Как они сказали, им хватает неприятностей с Орденом Праведности.

— Понимаю. А я здесь неофициально, что очень удобно для всех нас.

— Если честно, тебя здесь вообще нет, аэрго, — улыбнулся Гуэрво. — Скажу больше: если кто-то на Большой земле узнает, что ты побывал в Темнолесье, то от тебя так просто не отстанут. Обязательно захотят выведать, что ты видел, с кем говорил и какой бес в тебя вселился. А так никаких вопросов к тебе или к Братству. Ничто не нарушит спокойный сон и тихую жизнь стражей.

— Тихая жизнь? Это точно не про нас, — усмехнулся я. — Я помогу вам, Софи. Это самое малое, чем я могу отплатить тебе за спасение моей жизни, а

¹ Ваэлго (виенго) — видящая.

Гуэрво за гостеприимство. Но у меня нет никакой уверенности, что это душа. Темные души остаются только после смерти людей, а пока я здесь живу, не видел ни одного человека. Сплошные иные существа.

— Ты заблуждаешься, если считаешь, что в лесах Эйры мало людей, аэрго. В двух часах ходьбы отсюда есть деревня виктов.

— Никогда не слышал о таком народе.

Гуэрво вздохнул и пояснил:

— Варвары с Волчьих островов. Они высадились на северном берегу около ста лет назад, когда их земли начал косить юстирский пот, привезенный торговцами из Ньюгорта. Тогда начались скитания кланов.

— Вспомнил, — сказал я. — Их корабли пару сотен лет назад причаливали к Альбаланду и Прогансу во время грабительских набегов. Деревня — это ближайшее место, где живут люди?

— Единственный поселок на западном берегу. До других поселений надо много дней идти на восток.

— Значит, мне следует сходить в деревню и проверить, есть ли там души.

— Сходить ты, конечно, можешь, аэрго, но с тебя живьем спустят кожу.

Чужаков там не любят.

— Их нигде не любят. Давайте подумаем над тем, как мне туда попасть. Деревня и кладбище — это то, что требуется проверить в первую очередь.

— Они неплохо относятся к Зивию. — София, согрешившись, сбросила с себя одеяло. — Точнее, очень даже хорошо.

— Верно, — подтвердил Гуэрво. — Его сочли внешне похожим на одного из их божков плодородия и похоти, так что наш хитрец постоянно пользуется этим обстоятельством.

— Эм... Я вот хотел заметить, что быть под защитой Зивия... — Я постарался подобрать вежливые слова. — Не очень надежно.

— Зря беспокоишься. Зивий меня хорошо знает, если с тобой что-то случится, я рассержусь.

— Звучит очень обнадеживающе. Находясь на колу, я буду искренне радоваться, что ты устроишь взбучку этому гаденьшу.

— Это наш единственный вариант, аэрго. Другой — Софи должна уничтожить местных, чтобы ты смог там пройти без опасения получить копые в спину.

— Грустная альтернатива, — вздохнул я. — Значит, пусть будет Зивий, раз время не терпит. Скажите, у виктов были какие-нибудь трения с драконом?

София улыбнулась, а Гуэрво рассмеялся:

— Трения?! С драконом?! С Файрвардом не может быть никаких трений, аэрго! Ты видел его размеры?!

— Вот именно об этом я и говорю. Он им никак не насолил?

— Его не особо интересуют люди, если они не лезут в его логово, но гарантировать не могу. Я не говорил с ним на этот счет.

— Не нравятся мне вся эта ситуация, — вздохнул я, с трудом борясь со сном. — Ты — пророчица, видишь будущее...

— Драконы неподвластны времени и видениям, Людвиг. Они сами время и видения. Я не знаю ничего, что связано с этим. И мое колдовство не

дает ответов. Поверь, я пыталась найти преступника, но все предыдущие кладки были уничтожены, и новая под угрозой. В замке Кобнэк я многих расспрашивала, но никто ничего не смог мне ответить, даже древние ведьмы, даже профессора университетов. Вся надежда на тебя. Может, ты знаешь?

Я чувствовал ее глубокое отчаяние и боль. Свои эмоции она скрывала гораздо хуже, чем Гуэрво.

Я с сожалением покачал головой:

— Темных душ великое множество, Софи. Никогда не слышал, чтобы они нападали на дракона или его потомство. Я сделаю все, что смогу, и если это душа, то найду ее. Обещаю.

Разбудили меня достаточно мерзким способом — бесцеремонно пнув копытом в бок. Это получилось очень болезненно, и я, злой спросонья, перехватил ногу Зивия во время второго удара, рванул на себя, одновременно крутанув так, что он ахнул от неожиданности и с грохотом рухнул на пол, как следует приложившись затылком.

— Урод!

— И тебе доброе утро, — сказал я, потирая сквозь рубашку ушибленное место. — Ты нашел отличный способ будить людей. Не боишься, что кто-нибудь менее добрый, чем я, воткнет в твое толстое пузо кинжал?

— Скажи спасибо, что не кинул тебе в постель гадюку или гнездо с проклятыми шершнями. Это был всего лишь дружеский пинок, и как ты на него ответил? Ау! Теперь шишка будет. Вставай, страж. Чем быстрее я закончу с делами, тем быстрее избавлюсь от твоей компании. — Низкорослый собеседник утопал в гостиную, раздраженно почесывая у себя под мышкой.

Зивий из племени боздуханов, а этот народ частенько путают с чертями. По-моему, это случилось оттого, что какой-то художник увидел одного из боздуханов и изобразил его вместо беса на довольно известной гравюре «Черти жарят убийцу в пекле».

Старина Зивий своим внешним видом может напугать любого верующего. Большие копыта, толстые волосатые ляжки, кожаная набедренная повязка, крысиный розовый хвост, волосатое брюхо, когтистые пальцы, уродливая голова с огромнейшим носом, круглые желтые глаза, маленькие рожки, торчащие из-под жестких волос, ну и, разумеется, дурной мерзопакостный характер. Не хватает лишь вила, которыми следует переворачивать грешника на сковородке, дабы хорошенько поджарить его со всех сторон.

— Мог бы и предупредить, что он идет, — недовольно сказал я ухмыляющемуся Проповеднику.

Тот все это время торчал в комнате и довольно скалился.

— Я бы так и сделал, если бы тебе угрожала опасность. Он всего лишь развлекался. К тому же чертово племя несколько зол на тебя. Когда Гуэрво попросил его быть твоим провожатым, а бес отказался, виенго взял его за шкирку и встряхнул, словно щенка.

— Теперь понятно, отчего у него такое дурное настроение. Будь любезен, поведай, отчего твоя физиономия столь мрачна и от тебя за лигу веет недовольством. Кто послужил причиной твоей печали?

— Ты. — Старый пеликан ткнул в меня сухим пальцем.

— Чем я мог тебе досадить, пока спал?

— Тем, что согласился спасти драконово отродье.

— Не будь его, я бы истек кровью где-то на юге Фирвальдена. Не забывай, что я здесь оказался именно благодаря его умению летать.

— «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним»¹.

— Вот только чушь не мели! — Я застегнул пояс, поправил кинжал. — Тебе прекрасно известно, что драконы не имеют ничего общего с Сатаной. Дьявол сам по себе, а эти существа сами по себе. Поверь, я не попаду в ад оттого, что буду исполнять свою работу и уничтожать темные души.

— Смотри себя не уничтожь. Ты каждый вечер корчишься от боли в бассейне, в твоей крови полно яда, и еще неизвестно, как это скажется на тебе в будущем. Надо уезжать отсюда. Как ты думаешь, если мы отправимся из этого логова тьмы прямо сейчас, ты не развалишься в пути?

— Боюсь, что развалюсь. К тому же обижу Софию.

— Да плевать мне на ее обиду, — буркнул Проповедник, падая на кровать. — Обиды ведьм меня точно не интересуют. Ладно... Поступай как хочешь. В конце концов, это же твоя душа. Кстати, не проси от меня помощи, если дракон в благодарность сожрет тебя вместе с твоим чудесным кинжалом.

Я сокрушенно покачал головой и вышел из комнаты. Старикан действительно не в духе. Таким я его не видел уже года два, с тех пор как мы застряли из-за весенних паводков в дебрях Хунги, и его единственным развлечением было сидеть на крыше и наблюдать за тем, как мимо проплывают трупы, вымытые наводнением из неглубоких могил.

— С кем это ты там трепался, страж? — Зивий развалился на креслеппе Гуэрво.

Когда виенго был дома, боздухан такого себе не позволял.

— С душой.

— Жратва на столе, скажи спасибо Гуэрво. Он просил меня отвести тебя в деревню виктов. Так что пошевеливайся. Не хочу потерять из-за тебя целый день.

— Ты мне еще тут покомандуй.

Он скривился, сцапал со стола кусок ржаного хлеба и, запихнув в пасть, начал жевать, мрачно поглядывая на то, как я приканчиваю остальную еду.

Проповедник так и не вышел. Я перекусил на скорую руку и следом за боздуханом направился к выходу.

От дождя, шедшего всю ночь, остался густой запах весенней свежести, молодой зелени и мокрой земли. Трава на лужайке была влажной, и с листы все еще мерно падали задержавшиеся капли, хотя тяжелые дождевые облака уже давно уползли далеко в океан.

— Все мокрое, — скривился боздухан. — Шерсть опять будет целый день вонять.

— Так вымойся нормально.

— Не люблю горячую воду и мыло. От него жжет глаза.

---

¹ Откр. 12, 9.

— София сказала, что идти два часа.

— С тобой все три.

— Это еще почему?

Зивий стал загибать толстые, словно сосиски, пальцы:

— Во-первых, тащиться с тобой через Росяную пушу — все равно что идти мимо псарни и тянуть за собой окровавленный кусок мяса на веревке. В лучшем случае останется огрызок веревки. В худшем — откусят еще и руки. Но при любом раскладе куска мяса, то есть тебя, больше не будет. Темнолесье, оно, знаешь ли, большое, и не для всех наш друг виенго является пугалом. Во-вторых, по лесу ты будешь плестись, как и любой другой человек, медленно и уныло. Я успею состариться, моя шерсть поседеет, а мои дети вырастут и заведут внуков...

— У тебя нет детей.

— Могли бы быть, если бы я не возился с тобой каждый день. Гуэрво удружил, ничего не скажешь!

— Откажись.

— Не могу. Я его должник. Он вытащил меня из слюнявой пасти одной гадины, живущей в Дальнем урочище, так что мне придется расплачиваться за его добрый поступок. С учетом того, что через лес ты будешь ползти, как слепой, мы пойдем по океанскому берегу. Так быстрее. У тебя есть что-нибудь посерьезнее этой ковырялки? — Зивий указал пальцем на кинжал.

— Нет.

— Это мы исправим.

Он скрылся в доме и вернулся, волоча за собой длинный меч прошлого века с вычурной рукоятью и широченным клинком.

— Вот.

— Откуда эта древность? — Я не смог скрыть скептицизм.

— Остался нам от одного охотника, который мечтал добыть рога Гуэрво. Но случилось так, что черепушка охотника теперь висит на стене. Второй ряд, третья слева, если не ошибаюсь.

— Ты думаешь, разумно появляться у виктов с такой оглоблей?

— Я думаю, неразумно приходить к ним без оружия. Они считают, что мужчина должен быть вооружен.

— Ну тогда поищи в закромах Гуэрво что-нибудь более подходящее для меня.

— Думаешь, у него здесь оружейный склад?! — окрысился Зивий. — Ему железо и задаром не нужно. Это я притащил меч.

— Вот и тащи его дальше сам.

— Черт с тобой, страж! Иди с кинжалом, но, когда над тобой будут смеяться и тыкать пальцем, не обижайся. И если попросят снять штаны, чтобы убедиться, что ты мужик, а не баба, изволь удовлетворить их любопытство, иначе они не будут с тобой разговаривать.

— Кому ты заливаешь, Зивий? — ухмыльнулся я. — Тебя там считают лесным богом, что проливает свое благорасположение на их землю, дабы пшеница росла. Они с радостью со мной поговорят, стоит лишь тебе об этом попросить.

— Ты меня уже утомил, а нам еще столько часов идти. — Боздухан в раздражении бросил меч на крыльцо и решительно пошел в лес, даже не проверяя, следуя ли я за ним.

Океан впал в спячку, словно великан, растративший силы в тяжелом сражении. Начался последний час отлива, и серая, все еще холодная весенняя вода отступила далеко-далеко, к торчащим из моря грибовидным скалам, обнажая пористый, едва покрытый бурными водорослями берег.

На нем царило настоящее оживление. В оставшихся после ухода воды лужах плескалась рыба, которую руками и лапами пытались поймать выбравшиеся из леса и окрестных холмов создания. Здоровые крабы деловито щелкали клешнями и забивались в узкие щели, а какие-то ребята, похожие на енотов, но только с алыми и зелеными попугайскими перьями вместо шерсти, старались выковырять их оттуда палочками, замогильно хохоча.

Бирюзовые тщедушные люди, наполовину высунувшись из розовых и зеленых шипастых раковин, непринужденно вели друг с другом беседу и курили ароматные палочки, ожидая, когда вода вновь накатит и накроет их дома с головой. Мы прошли достаточно близко от одного из них, и он ловко спрятался в раковине, раздраженно крикнув нам что-то на своем языке.

— Ах ты, сволочь! — прорычал Зивий, явно поняв, что нам сказали, подошел к раковине и с досадой шаркнул по ней копытом, отбив приличный кусок перламутра, и, наклонившись, заорал в створки: — Только еще раз скажи мне такое! Сил не пожалеешь чтобы отволочь тебя подальше от воды, на обед муравьям, гнида океанская!

Раковина предусмотрительно промолчала, а ее соседи на всякий случай побросали курительные палки и тоже спрятались.

— Вот урод! — с чувством произнес Зивий, плюнул на раковину, собрал дымящиеся палочки и воткнул их горящими концами в сырой прибрежный песок.

Сочтя, что месть осуществлена, он пошел дальше в еще более дурном настроении, чем несколько минут назад.

— Тяни! Толкай! Тяни! Толкай! — Ватага лохматых тушканчиков пыталась сдвинуть с мертвой точки гладкого кожистого зверя, выброшенного океаном на берег.

Зверь стонал и охал, пытался ползти, чтобы помочь своим спасителям, но был слишком тяжел, чтобы продвинуться хоть немного.

— Эй! Вы! Помогите! — крикнул нам один из тушканов.

Я думал, что Зивий пошлет их далеко и надолго, но тот неожиданно сказал:

— Давай попробуем. Нечего толстяку подыхать без воды. Эй, вы! Хватит носиться! Ваша помощь нужна! — крикнул он похожим на богомоллов хищным созданиям, играющим друг с другом на отмели.

Страшные чудовища, каждое величиной с лошадь, с фасеточными глазами, приблизились к нам иноходью и стали тянуть серую тушу по направлению к океану, а я с боздуханом и тушканчиками — толкать.

Попавший в беду морской зверь каждый раз громко охал и поминал Богородицу, отчего у лохматых грызунов сразу начиналась истерика, они хихи-

кали, падали на спины и дергали розовыми лапками. Их смех был столь заразителен, что в какой-то момент я сам расхохотался, так как ситуация была нелепейшая до невозможности.

Я, окруженный целым роем странных существ, занимаюсь на океанском берегу каким-то безумием, пытая от натуги и пихая серого тюленя, явно знающего «Pater noster»¹. Слава создателю, что меня не видит Проповедник, вот уж кто бы не удержался от пары едких словечек.

— Что ты ржешь? — рассвирепел Зивий, по роже которого стекал пот. — Уже жалею, что не повел тебя через лес.

Чтобы протащить охающего «тюленя» жалких двадцать ярдов, нашей дружной артели понадобилась куча времени и еще несколько подключившихся помощников, лишь один из которых более-менее походил на человека.

— Достаточно, — наконец сказал боздухан, похлопав спасаемого по боку. — Здесь тебя уже заберет прилив.

— Спасибо, ох-ох, — сказал тот.

Мы оставили его в окружении тушканов, которые хохотали теперь уже целой командой, повизгивая на весь берег.

— И часто у вас такое веселье? — любопытствовал я, засунув руки в карманы легкой куртки.

— Каждый день. Поторапливайся, напарничек. Нам еще назад возвращаться. Так, а вот к этой не приближайся. Она ненормальная, да к тому же еще и голодная.

Лохматый, ярко-зеленый, под стать весенней листве, паучина бесцельно бродил по пляжу. Из его спины по пояс торчала дряхлая ведьма с неопрятными волосами и неоправданно длинными руками. Взгляд у нее был тяжелый и нехороший, пробирающий до костей.

Болотная ведьма пристально следила за нами до тех пор, пока мы не отошли от нее на порядочное расстояние, и после быстро поползла к далекой воде, собирая в сумку огромных ярко-алых морских звезд.

Оживленный участок пляжа закончился, и теперь мы видели лишь носящихся чаек, пронзительно и неприятно вопящих, когда между ними возникали драки за выброшенных прибоем рыб.

Идти оказалось неблизко, и через какое-то время в боку вновь появилась боль. С каждым шагом она становилась все сильнее.

— Передых, — сказал я Зивию, усаживаясь на темно-желтый, больше похожий на пыль песок и держа руку на пульсирующей ране.

— Да-а-а, страж, ты сейчас не в лучшей форме, — кисло проронил боздухан. — Тебе не душ надо ловить, а цветочки выращивать. Пожалуйста, не развались, иначе меня ждет неприятный разговор с Софией.

— Ради тебя я очень постараюсь, — отозвался я, глядя, как в кустах рыжим пятном мелькнул лисий хвост. — Удивлен, что ты знаешь такие слова, как «пожалуйста».

— Я еще и спасибо знаю, — небрежно бросил Зивий, ковыряясь в ухе. — Вот только не считаю нужным пользоваться вашими человеческими заморочками. Я вообще, знаешь ли, не слишком жалею ваше племя.

— Спасибо за откровенность.

---

¹ «Отче наш».

— Пожалуйста. Как будешь готов, скажи. Пойдем дальше. Деревня во-он за теми скалами. Недалеко осталось.

Я смотрел на волны, каждая из которых была чуть больше предыдущей. Океан, совсем недавно спокойный, начинал пока еще негромко рокотать. Наступало время прилива.

Боль медленно отступала, разжимая ядовитые коготки.

Я провел рукой по прохладному песку, и мои пальцы зацепились за присыпанный песчинками камушек. Он был маленький, тепло-красный, с медовыми разводами.

— Смотри. — Я показал Зивию, но тот не проявил никакого интереса, отмахнувшись:

— Этого добра здесь хватает. Океан выбрасывает их постоянно, надо всего лишь порыться в песке.

— Ведьмы говорят, что янтарь обладает множеством волшебных свойств, — сказал я, убирая находку в карман.

— А что, у тебя есть в знакомых ведьмы? — удивился боздухан.

— Представь себе.

— Это та, которая просила за тебя у Софии, что ли?

— Все-то ты знаешь, — криво усмехнулся я.

— Люблю подслушивать, знаешь ли, — нисколько не смутился мой спутник. — Столько всего нового можно почерпнуть.

— Тогда, быть может, ты немного расскажешь мне о виктах?

Зивий шмыгнул носом:

— Дикари. Кровожадные варвары. Приперлись на нашу землю, пытались наводить свои порядки, пока им не показали, кто тут хозяин. Что с вас, людей, возьмешь? Вечно хотите быть главными, хотя только и можете, что махать мечами.

— А что викты? Смирились с правилами Темнолесья?

— Ну они же хотят выжить. Конечно, смирились. Или сделали вид, что смирились. В глубину леса не заходят, местных не трогают. Себе дороже. В основном занимаются тем, что воюют с дальними родичами на Волчьих островах.

Я встал, отряхнул штаны, показал провожатому, что мы можем идти.

— Ты частенько бываешь в деревне?

— Не так часто, как хотелось бы. Они, кажется, начали подозревать, что во мне не так много божественного, — с печалью сказал Зивий. — Меня там все еще рады видеть, но уже не закатывают праздники и не предлагают девственниц.

— Там есть люди с даром? Способные видеть души?

— Если и есть, мне об этом неизвестно. Я, признаюсь честно, больше интересовался дармовой выпивкой и жрачкой. Ну еще и девками. До умалишенных мне не было никакого дела.

— А колдуны и ведьмы?

— Что ты. Передохли во время драки за берег. У виктов было несколько деревень, и они мотались в лес отрядами, вырубая волшебные деревья. Так что нашим пришлось дать им понять, что они недовольны чужаками. Тогда-то колдунам и ведьмам варваров пришел конец, а новые так и не появились.

Их вождь каждый год поднимает рог с вином за рождение знающего, так они называют волшебников, но пока что-то боги не слышат его молитв.

— Бог плодородия у них вроде ты. Так что это твоя прямая обязанность обеспечить их новым поколением колдунов, — улынулся я.

— Иди ты к черту, страж. Думаешь, почему они перестали со мной носиться? Как раз по этой причине. Вождь считает, что это я не хочу дать им мага. Да ну их к вашему дьяволу, этих виктов. Приносят в жертву своих соплеменников, стоит тем косо посмотреть на вождя. Уже кучу народа извели. Кстати! Всегда хотел спросить у кого-нибудь из людей твоей профессии. Ваши клирики считают, что появление темных душ зависит от количества и тяжести грехов, которые люди совершили при жизни, а еще от того, как они умерли и как часто исповедовались. Они правы?

— Я смотрю, ты не гнушаешься читать богословские тексты.

— Исключительно те, что забывает на столе Гуэрво. Так каково мнение стражей?

— Почему тебя это интересует?

— Я любопытный.

— У меня нет ответа.

— Шутить?

Я вздохнул:

— Церковь в чем-то права, это неоспоримо. Количество и тяжесть грехов, а также причина смерти и отсутствие ритуалов влияют на появление темных душ, но как это меняет их, никто не знает. Почему в одном месте появляется убавляющая плоть, а в другом при схожих обстоятельствах лакальщица — неизвестно.

— Разве ваше Братство не пыталось разобраться с этим вопросом?

— У Братства и без этого полно дел. Нас слишком мало, чтобы посвящать себя теории. Мы едва успеваем очищать мир от порождений мрака.

— Теория — основа практики.

Я посмотрел на него с сомнением:

— Готов поставить дукат, что это слова Гуэрво.

— На кой черт мне с тобой спорить, особенно когда я проиграю? Мы, кстати, уже пришли.

Издали деревня виктов особого впечатления на меня не произвела. Дыра дырой. Такая же, как на востоке Золяна или в лесах Ньюгорта. Серый высокий частокол, из-за которого виднелись крыши точно такого же цвета. Торчащая, словно перст, сторожевая вышка, где никого не было, распахнутые ворота — возле них в грязи валялись одомашненные дикие свиньи.

— Унылое местечко ты выбрал для того, чтобы стать богом, — высказал я свое мнение.

— Просто сейчас здесь никого нет. Воины ушли на баркасах к Волчьим островам сражаться и воровать женщин. А вот когда вернутся и принесут в жертву нескольких врагов, закатят пир и будут пьянствовать всю осень и часть зимы. Тогда будет повеселее. Обязательно сожгут какой-нибудь дом и на кого-нибудь натравят медведя.

— Хороший досуг, ничего не скажешь. И сколько сейчас здесь жителей?

— Ну человек восемьдесят наберется. О чем ты думаешь?

— О том, что принесенные в жертву — отличный способ завести под забором темную душу. Где приносятся жертвы?

— Да прямо напротив дома вождя.

Значит, это место следует проверить в первую очередь. К примеру, алтарь, впитавший в себя реки крови, вполне может стать одушевленным или вокруг него начнет бродить какая-нибудь пакость.

— Здесь часто умирают люди?

— Каждый год, — хохотнул Зивий. — Напьются, и кто-нибудь обязательно проломит другому черепушку молотом или пырнет ножом в живот из-за проигрыша в кости.

— Я о необъяснимых смертях.

— А они все необъяснимые! — заржал боздухан. — Викты утром просыпаются, а какой-нибудь Хвьюрд сын Бьюрда лежит с распоротой глоткой в луже крови и кислого эля, и никто не помнит, как он умер. Когда начинали пить, вроде был жив, а теперь уже летит на крылатом коне в чертоги к предкам. Никакие темные души убитых пленников здесь не орудуют, можешь быть спокоен. Им совершенно не надо напрягаться. Живые сделают за них всю работу.

Первыми нас встретили игравшие в войну чумазые мальчишки. Когда я их увидел, они занимались тем, что срезали одежду со своего приятеля, привязанного ко вкопанному в землю столбу. Ничего не скажешь — интересная игра. Надеюсь, они не собирались снимать с него еще и кожу.

Заметив нас, дети побросали игрушечные копыя и луки и рванули назад, в деревню, оставив друга связанным и вопящим от ужаса.

Зивий подошел к «пленнику», придиричиво его изучил и предложил мне:

— Старая ведьма, что живет на болоте, обещала за живого мальчишку много золота. Давай оттащим его ей? Она давно не ела человечины.

Тот, как оказалось, понимал всеобщий язык, заизвивался и завыл, чем повеселил боздухана.

— Не пугай ребенка.

— Но и отвязывать мы его не будем. Нехорошо лезть в чужие игры, страж.

Людей на улице оказалось не так уж и много. В основном женщины и подростки. Их одежда была из грубой ткани, зато украшения золотые, добытые во время набегов. Волосы распущены и давно не мыты, и у всех взрослых под левым глазом красовалась татуировка в виде солнца. Они смотрели на нас, и я не сказал бы, что лица были благожелательны. С них не сходило злобное, настороженное выражение.

— Ты, главное, сохраняй спокойствие, — предупредил меня Зивий, словно нервничал я, а не он.

Жители деревни оставляли свои дела и шли за нами, прихватив топоры, ножи, мечи и копыя. В итоге у нас за спиной собралась мрачная, угрожающая толпа.

— Они всегда так тебя приветствуют? — спросил я краем рта.

— Обычно нет. Но тогда со мной не было тебя. А вот и главные.

Трое воинов — могучие мужики с бычьими шеями, светлыми волосами, заплетенными в косы, густыми бородами и свирепыми, серыми глазами —

шли нам навстречу, облаченные в кожу и медвежьи шкуры. У каждого на поясе висел метательный топорик, за спиной — большой круглый щит и широкий клинок. Могу сказать, что если этих ребят обрядить в приличные мундиры, выдать палаши и аркебузы, то их с руками и ногами сцапают военные вербовщики любого королевства или княжества. Такие дуболомы всегда высоко ценятся на полях сражений. За ними очень удобно прятаться от пуль и арбалетных болтов.

— Тот, что с краю, — младший сын вождя. Будь с ним повежливее.

— А где сам вождь?

— Ты чем слушаешь? Задницей? Я же сказал, что почти все мужчины отправились в набег, — прошипел он.

Сын вождя оказался самым здоровым, самым свирепым и самым уродливым из этой тройки. Судя по маленьким, быстрым глазкам и манере держаться, он был не так уж туп. Для своего роста и веса, разумеется.

— Приветствую тебя, Завусс, несущий дар жизни, — обратился он к Зивию на всеобщем, с ужасным акцентом. — Зачем привел чужую в наш дом? Ей тут не место.

— Приветствую тебя, Киорр, сын Варотта. Твои глаза подводят тебя. Это мой... друг. И он мужчина.

— Мужчина? — глумливо скривился спутник Киорра. — У него нет оружия, только смешная иголка вместо меча. С такими ходят лишь женщины. Ни один воин не опозорит свою честь и не выйдет из дома без боевого топора или копья.

Зивий многозначительно посмотрел на меня, явно говоря, какой я крепкий, раз отказался всю дорогу волочь на себе тяжеленный меч, ржавеющий в кладовке Гуэрво. Лично я был не удивлен этой реакцией, потому как сталкивался с подобным отношением на самом востоке Золяна, где у местных было такое же помешательство на оружии, как и здесь.

— Мне достаточно моей смешной иголки, чтобы доказать, кто из нас больший мужчина, громила, — сказал я.

Зивия едва удар не хватил, а рожа викта разом перекосилась, и он решительно шагнул ко мне.

— Да ну, девчонка?! — грозно сказал тот, что стоял рядом с сыном вождя. — Ты слишком смела для той, кого не приглашали. Я с радостью оттаскаю тебя за волосы, как делаем мы с глупыми бабами!

Он протянул ко мне лапу с растопыренными пальцами, но я ловко схватил его за указательный и средний, крутанувшись и повернув руку так, как это обычно делали наемники-кондотьеры из южных регионов Флотолийской республики. Прекрасный болевой прием, способный приручить любого свирепого медведя.

К его чести, викт не завопил и даже не застонал. Лишь скрипнул зубами и встал на цыпочки, чтобы его собственный вес не сломал ему фаланги пальцев.

— Вот видишь, — вкрадчиво сказал я, не спеша разжимать кулак. — Иногда оружие не требуется. Мы закончили обмен любезностями?

— Закончили, — сказал Киорр с довольным видом. Он был счастлив унижению приятеля. — Или сломай Бигуру пальцы, чужеземец, или отпусти.

Я отпустил, и викт, повинувшись приказу сына вождя, отошел, бормоча что-то недоброе, сунув руку под мышку.

— Что ему здесь надо, Завусс? — повернулся Киорр к боздухану.

— Он ищет злых духов.

— Ты что? Привел к нашим домам колдуна?!

— Я не колдун.

— Пусть говорит Завусс, чужак! В его словах не может быть лжи.

Я бы мог возразить, сказав, что уж кто умеет врать, так это старина Зивий, но благоразумно промолчал.

— Он не колдун, Киорр. Он страж.

Тихий шепоток пробежал среди жителей деревни. Некоторые даже были настолько любезны, что опустили оружие.

Маленькие глазки Киорра ощупали меня с головы до ног. Они выражали глубочайшее сомнение.

— Я слышал легенды, что стражи ростом как горные великаны, а силы у них на троих буйволов. И они свирепы, точно пещерные медведи, и носят черные плащи, которые делают их невидимыми. Не слишком-то ты похож на стража, чужак. Больше — на обычного человека.

— У него есть кинжал, — вмешался Зивий. — Ты ведь знаешь, что клинки кинжалов стражей выкованы из тьмы. Ну же. Покажи ему!

Я внял просьбе боздухана и показал кинжал, они впились в него взглядами, словно тот вот-вот должен был ожить и утащить их в могилу. Наконец Киорр кивнул, подтверждая, что верит моим словам, и сказал уже без всякого вызова:

— Мы слышали о таких, как ты. Вы живете далеко, на Большой земле, где моих братьев сжигают за веру в истинных богов. Зачем же ты пришел сюда, в земли заходящего в воду солнца?

— В лесу появились злые духи. Они любят пожирать людей и могут прийти к вам.

— Я попросил воина с тьмой защитить вас, — встрял Зивий.

— Не нужна нам никакая защита, — нахмурился Бигур, все еще злой на меня за то, что я едва не покалечил ему руку.

— Помочь нам — это хорошо, чужеземец. Но какова плата? Сколько женщин и золота ты у нас заберешь за свою работу?

Сказать, что я сделаю это бесплатно, было бы ошибкой. Подобные люди не верят в благотворительность и церковное «помогай ближнему». Разом насторожатся.

— Если в деревне есть темные души, ты заплатишь мне десять золотых.

— Много, — быстро сказал он.

— Твои слова не изменят цену. Моя работа стоит дорого.

— Много. Я не вижу душ, как я узнаю, что ты не врешь и не берешь день-ги за воздух?

— Поверь, ты узнаешь, — пообещал я.

— Пять золотых, и не более, клянусь моим мужским достоинством!

— Десять, Киорр сын Варотта. Или я уйду, и пусть призраки откусят тебе твое достоинство в первую же ночь. — Я был непреклонен, и он рассмеялся:

— Вот теперь я тебе верю, чужак. Хорошо. Заплачу. Отец доверил мне родичей. Я за них в ответе. Что нужно делать?

— Мне следует обойти деревню. Нарисовать на земле несколько... рисунков. И посмотреть на место, где вы убиваете пленников.

Бородач нахмурился, крепко подумал, затем вынес решение:

— Покажем. Но если замышляешь худое, спустим кожу, даже несмотря на то что у тебя кинжал из тьмы.

— Тогда моя душа вернется и вопьется тебе в шею. Так что не надо угрозы, Киорр сын Варотта.

— Если бы Завусс не пришел с тобой, ты бы уже визжал на колу, чужак, — проронил воин, который до этого все время молчал. — Мы не любим людей с земли, где поклоняются кресту.

— Расходитесь, — по-медвежьи рыкнул Киорр на толпу. — И принесите Завуссу подношения!

Толпа расступилась, словно все ждали этого приказа, и вперед вышла девушка, запястья и щиколотки которой были украшены множеством золотых браслетов. Она, похоже, даже умылась, отчего казалась гораздо красивее, чем остальные, и держала в руках корзинку, в которой лежал хлеб, копченое мясо и глиняная бутылка.

— Кажется, я буду занят какое-то время, страж, — плотоядно облизнул Зивий, неожиданно переходя на альбаландский и скользя похотливыми глазами по фигуре девчонки, замотанной в грубую дерюгу. — Ты без меня справишься?

— Если мне оттяпают башку, не забудь сказать Софии, где ты был в этот момент, — ответил я ему на моем родном языке.

Он оскалился, считая, что я удачно пошутил, перекинул розовый крысиный хвост через руку и направился вкушать плоды гостеприимства виктов. Я же пошел вместе с троицей громил осматривать деревню. Двое встали с двух сторон от меня, а Бигур сердито сопел в спину, словно зубр.

Несколько раз я рисовал на земле *фигуры*, чтобы понять, есть ли здесь хоть какое-нибудь присутствие темных душ. Когда я заканчивал, один из воинов обязательно тщательно затирал рисунок голый ступней, предварительное поплевав на землю, чтобы «магия» не причинила никому вреда.

Место, где приносят жертвы, я увидел сразу. Серый плоский камень, кровь в который, казалось, впиталась навечно и смыть ее не могли ни дождь, ни снег, лежал рядом с западным выходом из деревни, ведущим к берегу. Одушевленного в алтаре пока не завелось, но при таком «уходе» за жертвенником это вопрос пары десятилетий.

— Подождите здесь, — сказал я своим конвоирам.

— С чего бы нам оставаться? — возмутился Киорр.

— Там опасно. Возможно, злые духи, — соврал я не моргнув глазом. — Но если хотите — идите. Когда они отвлекутся на вашу кровь, мне будет проще работать.

— Я не для этого плачу тебе столько золота, чтобы облегчать твою работу, страж. Клянусь громом, ты все сделаешь сам.

Я отвернулся от них, позволив себе легкую улыбку, и, на ходу извлекая кинжал, отправился к камню. Они, все еще ворча, отошли назад, расположившись на крыльце дома и внимательно следя за каждым моим действием.

Рядом с алтарем на корточках сидел старикан с орлиным носом и лохматой седой бородой. Я приветливо кивнул ему и не стал прогонять. Сразу видно, что дед упрямый. Он сплюнул на землю, потом подумал и тоже кивнул.

— Понимаешь на всеобщем? — спросил я его, рисуя вокруг алтаря *фигуру*.

— Чуть-чуть.

Я продолжил работу, и он через какое-то время с вызовом спросил про рисунок:

— Что за медвежья задница?

— Тебя это не должно беспокоить.

— Это ты так говоришь. Я сам решу, беспокоит меня или нет. Ты чужак, да еще и без меча. Как тебя в нашу деревню вообще пустили?! Молодежь нынче не та. Блохастые псы какие-то. Бабы. Во времена моей молодости чужака уже посадили бы на кол, и женщины сдирали бы с него кожу, чтобы сделать ухажерам памятные браслеты. А теперь женщины больше любят золото, а ухажеры — слабаки. Так чего они тебя пустили? Что ты им наплел?

— Я пришел с Завуссом.

— А... — разочарованно протянул старикан. — Этот похотливый бурдюк жира. По мне, так он какое-то мелкое отродье, а не бог. Но все равно... я бы тебя сюда не подпустил.

— Значит, мне вроде как повезло, что твое время прошло.

— Клянусь богами — да. Разбил бы тебе башку молотом прямо на этом бульжнике. А мозги выбросил бы чайкам.

Старый хрыч оказался сварливым болтуном, и, пока я заканчивал *фигуру*, он пообещал мне, наверное, сто тысяч вариантов смерти и, не переставая, бухтел, как хорошо было в его времена.

Наконец камень налился опаловым цветом и начал хрустально звенеть. Киорр и его дружки, забыв о страхе, подошли и уставились на невиданное зрелище. Когда алтарь стал прежним, сын вождя глумливо поинтересовался:

— Теперь скажешь мне, что я должен тебе десять золотых, потому что ты убил темную душу? Думаешь смутить меня каким-то сиянием? Я с детства вижу, как по лесу летают огни и мерцают деревья.

— Это мера предосторожности, чтобы здесь никогда не появилось то, что пожрет вас вместе с женами и детьми в одну из ночей, — ответил я ему. — Я сделал это совершенно бесплатно.

— Нет у нас в деревне никаких духов, воин с тьмой, так что перестань пользоваться магией, иначе я отрублю тебе руки.

— Тогда ты опечалишь Завусса, и он лишит вас своего благословения. К тому же души здесь есть, правда не темные.

— Да ну?

• Золотые костры •

История первая РАСПЯТЫЙ

Мальчишка торопился и нервничал. Это было видно по его напряженной спине, по тому, как он шмыгает носом, то и дело оборачивается, с затаенным страхом проверяя, не передумал ли я.

— Наверное, бедняга живет среди жестоких людей, — с печалью произнес Проповедник и уточнил: — Ребенок ждет, что ты рассмеешься ему в лицо и обманешь. А может, еще и тумака отвесишь, чтобы не был наивным и не верил обещаниям таких проходимцев, как ты.

Я ничего ему не ответил. В первую очередь для того, чтобы не волновать моего проводника. Он и так испуган тем, что рядом с ним страж.

На границе между Бробергером и Чергием, где дремучие леса соседствуют с Хрустальными горами, а в долинах уютятся забытые богом хутора, таких, как я, не пускают на порог. Здесь считается, что людей, способных общаться с невидимыми собеседниками, коснулось дыхание зла. Короче, Братство тут любят примерно так же, как пастухи волков, которые режут бесценных овец.

— А вдруг он тебе наврал? — пришло в голову Проповеднику, и он даже остановился, потрясенный такой мыслью.

— Не похоже, — сказал я и продолжил для недоуменно обернувшегося мальчишки: — Не похоже, что близко от деревни. Мы далеко ушли.

— Недалече осталось, господин. Во-он на том склоне он лежит.

Сын лесоруба, облаченный в рваные портки и длинную льняную рубаху, показал на поросший грабами холм.

Ребенку было около одиннадцати лет. Худое, загоревшее за лето лицо, выцветшие на солнце волосы, облупившийся нос, конопушки, яркие, немного настоженные, но смышленные глаза.

— Хорошо. Веди дальше. Если не соврал, получишь свой грош.

Он торопливо кивнул, радуясь, что я не передумал, и поспешил вперед. По широкой, вытопанной коровами тропе, через большой скошенный луг, к быстрому извилистому ручью. Через него проложили дорожку — цепочку притопленных камешков, по которым мой провожатый ловко, ни на мгновение не останавливаясь, перескочил на противоположный берег. Остановился, дожидаясь меня, да еще и предупредил:

— Осторожнее, господин! Вон тот, пегий, шатается малость.

— Экий заботливый отрок. — Проповедник, хоть и не мог намочнуть, по старой привычке подобрал рясу и перешел ручей вброд, не потревожив воды. — Если честно, Людвиг, ты давно уже должен был ехать с дилижансом

дальше, а не идти на поводу у своего любопытства. Мало ли кто что придумал. Теперь следующего ждать месяц.

Здесь он прав. В такую дыру кареты заезжают не часто. Но я не боялся задержек. Как только все решу — пойду напрямик, через предгорья. Там вполне хорошая дорога, она приведет меня к Вилочкам, где легко можно купить лошадь, чтобы продолжить путешествие.

— Я уже предвкушаю прогулку по глухомани, — между тем продолжал мой спутник. — Жизнь тебя ничему не учит. В последние два раза, когда ты оказывался в диких местах, столкнулся с визаганом, призрачными монахами и целой стаей голодных старг. Даже не знаю, кто из них был хуже.

Стража, как и оборотня-ругару, кормят ноги. Проповедник шляется со мной уже который год, но до сих пор не может привыкнуть к тому, что чаще всего мы оказываемся вот в такой вот дыре, на очередной дороге, далеко от больших городов.

Я поправил лямки рюкзака, впивающиеся в плечи, поморщился, когда левое на мгновение стрельнуло слабой болью. Один ловкий цыган, прежде чем умереть, ткнул в меня кинжалом, и, если бы Мириам не привела свою знакомую старгу, я бы так быстро не поправился.

Проповедник, который после кое-каких событий не любил кровопийц, обладающих сильнейшим даром целительства, тогда задумчиво сказал:

— Теперь я понимаю, почему церковь не истребила этих иных существ. Хорошо иметь при себе послушного вампира, способного вылечить чирей. То что нужно каждому уважающему себя клирику. Да и некоторым князькам тоже не помешает. Корми раз в месяц каким-нибудь еретиком или преступником и ходи без всякой срамной прогансунской болезни. Очень удобно.

Я перебрался через ручей, и мы стали взбираться на холм по тропе, сильно засыпанной опавшей листвой. Снизу подъем казался не таким уж и крутым, но холм возомнил себя чуть ли не Монте-Розой — самой высокой вершиной Хрустальных гор. Отвесный склон, да к тому же еще и довольно скользкий, стал настоящим испытанием, и я старался беречь дыхание, слушая, как кровь стучит в ушах.

Проповедник посмеивался и скакал вокруг меня едва ли не вприсядку. Это была его маленькая месть за то, что я не внял его слезным мольбам и вылез из дилижанса, услышав разговор местных мальчишек.

Сын лесоруба привел меня на каменистую площадку, с трех сторон окруженную старыми грабами. Отсюда открывался довольно неплохой вид на долину, лежащую в двух сотнях ярдов под нами, на ручей — голубой лентой вливающийся в широкий пруд, с другого края оканчивающийся самодельной плотиной, на которой сейчас удили рыбу мальчишки. На яблоневые сады, серо-желтые деревенские крыши и похожую на колокольчик маковку церкви.

На поляне нас ожидало Пугало, которое пропадало где-то целую неделю и наконец соизволило показаться на глаза. За время отсутствия оно несколько не изменилось — все такое же угрюмое и несимпатичное, как и прежде. Старый, истрепанный военный мундир, одутловатая голова-мешок со злыми глазами и зловещей ухмылочкой, порядком поизносившаяся соломенная шляпа, ну и серп конечно же. В общем, темный одушевленный, который мог бы испугать своим внешним видом до почечных колик всех, кто бы

его увидел. По счастью, обычные люди избавлены от лицемерия этой сущности, а я уже давно привык к своему спутнику.

Пугало с интересом посмотрело на ребенка и с некоторой долей задумчивости проверило остроту серпа большим пальцем левой руки. Затем покосилось на меня и сделало вид, что любит окрестностями.

— Людвиг, а мальчишка-то не соврал. — Голос Проповедника в кои-то веки звучал без всякого ехидства.

— Господин, это здесь. — Мой провожатый показывал на то, что находилось рядом с узловатыми древесными корнями.

Скелет. Точнее, отдельные кости. Они были старыми и лежали здесь не год и не два. Череп торчал в выемке между корней, сильно засыпанный осенними листьями, и я видел лишь желтый краешек носовой кости и глазищу. Ребра растащены, часть разгрызена — лесные жители нашли себе хороший обед и ужин. Берцовая кость коричневой палкой торчала под углом из земли, бедренная обнаружилась у меня прямо под ногами, шагах в восьми от черепа. Плечевая была сломана пополам, опять же чьими-то зубами.

— Тут, — на всякий случай сказал мальчишка, внимательно следя за выражением моего лица.

— Я вижу мертвого. Таких костей много в лесах, на полях и в придорожных канавах. Они не делают мертвеца стражем, — проронил Проповедник и скривился, когда Пугало заглянуло мне через плечо. — А вот и наш падальщик подошел.

Одушевленный, как это бывало и раньше, слова старого пеликана пропустил мимо ушей, провел костлявой рукой над коричнево-желтым ковром листвы, ткнул в него длинным пальцем.

— Ты уверен, что мертвый был стражем, малец? — спросил я.

— Да, господин. Так старшие мальчишки говорили. Кинжал у него точно видели.

— Его забрали?

— Нет, господин. Кто же кинжал стража трогать будет, если он проклят и приносит несчастья? Сапоги взяли и... другое, а кинжал где-то здесь валяется.

— Деревня мародеров, — буркнул Проповедник. — Хорошо, что они верят во все эти приметы с кинжалами. Иначе бы как пить дать сперли и его.

Я подошел к тому месту, где крутилось Пугало, начал разрывать листву, отложив в сторону несколько спинных позвонков. Когда из земли появилась тазовая кость, я нашел то, что искал, — кинжал в очень простых кожаных ножнах с двумя заклепками и медной бляхой там, где они должны были крепиться к поясу.

Я узнал их сразу, даже не очистив грязь.

Эти ножны я купил в Лисецке много лет назад, когда меня еще учила Мириам.

Я сел на корень, рядом с Пугалом. Мальчишка переминался с ноги на ногу, и я протянул ему обещанное — золотую монету, огромную ценность для этих мест. Он, все еще не веря в то, что я сдержал слово, попробовал ее на зуб.

— Получишь еще одну такую. Прямо сейчас. Если ответишь на мои вопросы.

Его глаза стали круглыми. Он явно решил, что все стражи сумасшедшие.

— Конечно, добрый господин.

— Когда ты нашел кости?

— Старший брат нашел, не я. Я еще маленьким был.

— Страж приходил в вашу деревню?

— Нет. Он с гор шел. — Мальчик махнул рукой за холм. — С перевала Горрграт, наверное.

— Что говорили о том, как он умер?

— Человек давно лежал, уже нельзя было понять. Одни болтали, что у него здесь была рана, а другие, что здесь. — Он ткнул себя в грудь, затем в живот и поспешно сдул воображаемую болячку с руки в лес, чтобы она не пристала к нему.

— Почему же кости до сих пор брошены так? Не похороненными?

Мальчишке не понравился мой вопрос, было видно, что отвечать не хочет, но золотой грош был гораздо важнее.

— Так ведь он стра... — Он осекся. — Отец Гженек запретил. Сказал, что...

— Говори. Не бойся.

— Уши надерете, — шмыгнул носом тот.

— Не надеру.

Он подумал и выпалил:

— Сказал, что мерзкой твари не место лежать в святой земле, рядом с селянами. Гнить ему под небом, кормить воронье. И ходить сюда запретил, чтобы проклятие не подцепить.

— И не ходят?

— Только самые смелые.

Смелым, надо полагать, был он. Я дал ему еще одну монету, предпоследнюю из тех, что у меня оставались при себе, и отпустил. Мальчишка юркнул ловким горностаем, побежал вниз, довольный и счастливый.

— Мне стыдно, что есть такие священники, — проронил Проповедник.

— Здесь никогда не любили стражей, — ответил я, все еще держа кинжал в руках.

— Ты знал беднягу? По лицу вижу — знал.

Я дернул плечом, показывая ему, чтобы помолчал. Его трескотня сейчас совершенно не к месту. Посмотрел на краешек черепа, торчащий из-под ливы, и сказал:

— Ну, здравствуй, Ганс. Наконец-то я нашел тебя.

В последний раз я видел друга в Арденау, после того как старейшины предупредили его, что больше не станут терпеть неповиновение. Но Ганс плевать хотел на их предупреждения.

— В мире полно темных душ, дружище. По счастью, я не завишу от наших кислых политиканов и делаю то, что считаю нужным. Передавай привет Гертруде, — сказал он и умчался по пыльной дороге.

Он не вернулся через год. О нем ничего не было слышно и через два. Никто из наших не встречался с ним. Я и Львенок исследовали множество дог, побывали в десятках мест, смогли проследить его путь до Фирвальдена, но так и не нашли ответа на вопрос — куда пропал Ганс?

Гертруда и Кристина, Иосиф, Шуко и Роза — многие из нас искали его. Все оказалось бесполезно.

— Мир велик. И опасен, Людвиг, — как-то сказал мне Иосиф, сидя на песчаном, окрашенном кровью прошедшего сражения речном берегу. — Стражи пропадали и прежде. И будут пропадать. Ничего удивительного. Наша работа слишком опасна. Смирись с тем, что случилось с твоим другом. Двигайся дальше.

Но меня не оставляла надежда, что он все-таки жив. Чудеса порой случаются. Иногда стражи исчезали и на более длительное время, а затем вновь появлялись в Арденау, рассказывая о далеких странах и своих приключениях.

Но на этот раз чуда так и не произошло.

Старина Ганс, мой самый лучший друг, тот, с кем во время обучения в школе мы были не разлей вода, нашел свое пристанище на холме, среди старых молчаливых деревьев, поблизости от людей, которые оставили его кости на милость дождя и ветра.

В деревне, как видно, уже знали, где я был и что нашел. Женщины отворачивались и уходили в дом, мужчины — большие и кряжистые, как медведи, сжимали кулаки и провожали взглядами. Никто ничего не спрашивал, никто не преграждал дорогу, но даже Проповедник сказал:

— Как бы не было грозы. Два пистолета тебя не спасут.

— Я уйду прежде, чем они наберутся смелости, — ответил я.

Дом я нашел без труда — он был самым большим и богатым на улице. Краснолицый мужик лет пятидесяти уже ждал меня на крыльце вместе с двумя сыновьями. Эти были точно такими же, как он, — широкоплечими и настороженными.

У того, что помладше, в глазах прятался страх, но он старался держаться решительно и, если я замыслил худое, не дать отца в обиду.

— Ты — староста?

Человек пожевал губами, неохотно выдавил:

— Ну?

— Мне нужна лопата.

Пугало, предвкушавшее славную драку, услышав мои слова, раздраженно пнуло подвернувшуюся под ноги свинью, и та с душераздирающим визгом понеслась по улице.

— Принеси, — сказал хозяин младшему сыну. — Там, в сарае. Быстрее.

В тяжелой тишине прошло несколько минут. Вернувшийся парень отдал мне лопату, избегая смотреть в глаза, сделал шаг назад.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я пришел в твою деревню снова?

Староста отвел глаза, с упрямством произнеся:

— У нас нет темных душ. Тебе нечего здесь делать.

— Но я вернусь, если кто-нибудь тронет могилу. И в следующий раз так просто никто не откупится.

Ответа дожидаться не стал. Пошел прочь по улице, обратно к холму.

Меня все так же провожали взглядами, но не лезли. Лишь когда я проходил мимо церкви, безумный священник с неухоженной бородой и вытаращенными глазами наскочил на меня с крестом:

— Отправляйся в ад, исчадие тьмы!

Он брызгал слюной, махал руками и не желал пропустить меня. Я не любил таких людей — их необразованность, помноженная на религиозное рвение, рождает страх. И этим страхом они заражают всех вокруг, точно блохи, разносящие чуму.

— Пошел вон! — с холодной яростью сказал я ему.

— Слугу божьего гонят! — заверещал тот и замахнулся на меня крестом.

Я выставил вперед черенок, защищая голову, и клирик ударил по нему с такой силой, что не удержался на ногах и упал на землю. Когда я уходил из деревни — он что-то выл у меня за спиной и грозил карами своим прихожанам за то, что они не желают стать орудием божьего гнева.

Обратная дорога на холм оказалась длиннее, чем в прошлый раз. Не отдохнув, я начал рыть могилу под деревьями, сперва разбросав в стороны осенние листья. Проповедник пришел, когда я уже выкопал яму глубиной по колено.

— Они сюда не идут, — сообщил он мне. — Решили не связываться.

— Хорошо. — Я продолжал работать.

— Но Пугало... — Он не стал продолжать.

— Что Пугало?

— Оно крутится вокруг церкви и не расстается с серпом.

— Оно никогда с ним не расстается.

— Людвиг, ты знаешь, о чем я!

— Знаю. И чего ты от меня хочешь, тоже знаю.

— Ты что, не собираешься его остановить?

Я посмотрел на него долгим взглядом.

— Да перестань! — всплеснул он руками. — Даже такой человек, как этот святоша, не заслуживает смерти!

— У меня такое чувство, что ее заслуживает каждый из нас, — возразил я ему.

— А если оно его убьет?

— Даже Пугало должно есть.

— Послушай меня, старого дурака! — взмолился тот. — Сейчас ты зол на то, что он запретил хоронить твоего друга. Но люди темны и невежественны. Не делай того, о чем потом будешь жалеть!

Я выругался сквозь зубы, отбросил лопату в сторону и начал спускаться. Пугало я встретил на середине пути. Оно, задрав голову, наблюдало за тем, как с дерева срываются желтые листья. Его серп блестел, и на нем не было ни капли крови.

— Ложная тревога, — сказал я Проповеднику.

Пугало посмотрело на нас, как на придурков. Мол, нашли причину для беспокойства.

— Ну проверить-то стоило, — промямлил старый пеликан, увидел мое злое лицо и замолчал.

Я закончил рыть могилу, когда наступил полдень. Последний этап работы оказался самым сложным — внизу были древесные корни, пришлось постараться, чтобы глубина ямы доходила мне до бедра.

С находкой костей помогало Пугало. Те, что скрывались в листве и я не мог видеть, оно обнаруживало без труда — тыкало пальцем в нужном направлении. Когда останки Ганса оказались в могиле, я засыпал их землей, вытащил из ножен свой кинжал, срубил ближайшее тонкое деревцо и из двух палок соорудил неказистый могильный крест.

— Он был хорошим человеком и стражем, — торжественно произнес Проповедник.

— Ты его не знал, как же можешь это утверждать? — удивился я.

— Ну... о мертвых обычно так говорят, — смутился он. — Гм... Лучше я произнесу молитву.

Он прочитал заупокойную, и я подумал, что в последнее время мой спутник уже не в первый раз так провожает стража.

Я посидел еще немного, не желая спешить и вспоминая, как во время Лисецкого бунта мы вылавливали в беснующемся городе тварей. Как Ганс подрался с Шуко из-за Розы, еще когда мы учились. Как мы сдавали свой последний экзамен на кладбище и как потом старейшины вручали нам наши кинжалы.

Я завернул его клинок в тряпицу, убрал на самое дно рюкзака. Когда окажусь в цивилизованных краях — сдам его на уничтожение.

Проповедник тихонько кашлянул, отвлекая меня от тяжелых мыслей.

— Пора выходить. Путь к Вилочкам не близкий. Чем раньше мы отправимся, тем быстрее сядем в дилижанс.

— Я не иду в Вилочки.

— Как это? — удивился он. — Ведь это ближайший город. Постой! О нет. Я знаю такой взгляд! Ты что задумал?!

— Мой друг умер, Проповедник. И я намереваюсь узнать, почему это произошло.

Пугало pokrutilo пальцем у виска, и старикан поддакнул:

— В кои-то веки я с ним согласен. Ганс умер много лет назад, и найти хоть какие-то следы невозможно. Кости не могут говорить.

— Если я отступлю, то буду думать об этом постоянно и в итоге все равно вернусь сюда. Лучше все сделать сразу.

— И куда мы пойдём?

— Мальчишка сказал, что Ганс пришел с гор.

Проповедник издал звук, словно пускал ветры:

— А мой отец говорил, что ангелы создали пиво. Но это не значит, что ему стоило верить. Особенно когда он напивался.

— Раньше ты никогда не говорил о своей семье.

— А нечего здесь говорить! Ты не думаешь, что мальчишка врет? Что твоего Ганса убили, к примеру, деревенские?

— Будь это так — они спрятали бы тело получше. И уж точно каждый ребенок не знал бы об этом и не болтал перед приезжими.

Пугало кивнуло, соглашаясь с моими словами.

— Могло бы и поддержать! — возмутился старый пеликан. Он жутко не хотел лезть в горы и желал убраться из глухомани как можно скорее. — Ты ничего там не найдешь, кроме приключений на свою шею. А! Делай что хочешь. А я иду в деревню. Мне надоело годами ходить за тобой!

И он ушел.

— Вернется, — сказала я Пугалу, которое, привстав на цыпочки, провожало взглядом сутулую спину Проповедника. — Подобное уже случилось несколько раз. Ну а ты? Остаешься или идешь со мной?

Одушевленный первым побрел по тропе, уводящей в лес, и я, подхватив рюкзак и арбалет, последовал за ним.

Хрустальные горы не такие протяженные, как те, что стоят вдоль Кантонских земель, но зато самые высокие. Зуб Холода и Монте-Роза — две вершины, подпирающие небо. О них многие слышали, но редко кто видел, поскольку пики находятся в нелюдимых местах, далеко от основных трактов. Из Бробергера в Чергий предпочитают добираться двумя низкими перевалами, по дорогам, которые приказал проложить еще император Константин. Здесь, на севере, единственный проходимый путь в Чергий — через перевал Горрграт, расположенный на западном плече Монте-Розы, на большой высоте, и преодолеть его можно только с середины лета, когда сходит снег.

Тот, кто идет туда, зависит от капризов погоды, и не каждый готов поставить на кон свою жизнь, чтобы перебраться через горы, когда в неделе пути отсюда есть куда более безопасная и торная дорога.

До основного горного хребта есть лишь одна тропа — она ведет к монастырю калликвцев, построенному среди снежных вершин. Зачем туда ходил Ганс? Шел ли он с перевала? Или не смог преодолеть его и решил поискать более легкий путь, вернувшись обратно?

У меня не было ответов.

С тех пор как я оставил деревню, прошло четыре дня. Сначала мой путь пролегал вдоль холмов, незаметно превратившихся в невысокие, поросшие ельником горы. И чем дальше я уходил на восток, тем выше они становились. Лес, взбирающийся на них, оставлял открытыми вершины, похожие на тонзуру монаха. Могучие ели останавливались на невидимой черте, уступая место высокогорным лугам — зеленым проплешинам на телах каменных гигантов.

Широкие долины, залитые пока еще теплым осенним солнцем, незаметно сжимались под натиском надвигающихся друг на друга гор до тех пор, пока не превратились в ущелье с отвесными склонами. На дне его неслась насыщенная река, неистово скачущая по перекатам. Ее грохот не смолкал ни на секунду, и я так привык к нему, что перестал замечать. Бирюзовая ледниковая вода была обжигающе-холодной.

Небо сузилось до маленького ярко-голубого лоскута, солнце появлялось на недолгие часы, затем ущелье погружалось в густую тень, незаметно переходящую в сумерки. Я останавливался на ночевку заранее, до темноты, стараясь найти удобное место не слишком далеко от реки. Котелка у меня не было, так что воду нагреть я не мог, зато собирал достаточно хвороста, чтобы его хватало до утра. У огня ночью не так холодно.

Я клал рюкзак под голову, сняв с него свернутое в валик тонкое походное одеяло из овечьей шерсти. Это была необходимая вещь в осенних горах — спать на нем куда приятнее, чем на голой земле.

Несмотря на все предосторожности, порох, который я хранил в роге, отсырел после того, как я попал под сильный ливень, и оба моих пистолета стали бесполезны. Они стоили кучу денег, но я без всякого сожаления бросил их — оружие было тяжелым, а во время подъема это только помешает. Так что при мне остался лишь охотничий арбалет да восемь болтов к нему.

Он пригодился уже на следующий день. Когда я проходил через буковую рощу, то спугнул улара — упитанную, похожую на крупную курицу пеструю птицу, водившуюся в этих горах. Я снял его первым же болтом, радуясь своему везению: с наступлением осени улары иногда спускаются низко, а летом, чтобы встретить их, мне пришлось бы влезть на тысячу ярдов по отвесному камню.

Вечером я нанизал мясо на несколько прутиков, решив вопрос с едой на следующую пару дней. Как раз в это время вернулся Проповедник.

Он появился из мрака и сел напротив, совсем рядом с огнем, который не мог причинить ему никакого вреда.

— Долго тебя не было, — поприветствовал я его.

— Нам надо было отдохнуть друг от друга. Нашел что-нибудь интересное?

— Если не считать нескольких стоянок, оставшихся от охотников или пастухов, — ничего. Никаких следов Ганса.

— Но ты продолжаешь упорствовать.

— И надеяться.

— Надежда тщетна: не упадешь ли от одного взора Его?¹

— Цитата не к месту.

— Очень даже к месту. Надежды — нет. Упасть здесь как нечего делать. А горы создал Господь. Пора возвращаться, Людвиг.

Плечи Пугала затряслись — ему понравилось, как старый мошенник коверкает святое писание.

— До монастыря отсюда шесть дней пути. До Горрграта семь с половиной. Если перевал открыт — я перейду в Чергий. Если нет — пройду сколько смогу, загляну к каликвцам. Быть может, Ганса кто-нибудь из них видел.

Проповедник раздраженно всплеснул руками:

— У тебя пустая голова! Ты не думал, что если твой друг умер от ран, то вряд ли он прошел все это расстояние до деревни? С раной он нипочем бы не преодолел такой путь. Если на него кто-то и напал, то это место мы уже миновали.

— Даже с ранениями люди могут жить долго. К тому же нельзя исключать яд. Или волшебство.

— Или он просто споткнулся и сломал шею.

— И эту вероятность тоже нельзя исключать, друг Проповедник. Быть может, он подхватил простуду и умер от соплей.

— Вы, стражи, не болеете.

— Именно об этом я и говорю. Он не мог умереть без причины. И я намереваюсь ее узнать.

— В безлюдных горах? Когда на десятки лиг вокруг никаких следов человека?

---

¹ Иов. 41, 1.

— Горы велики, но дорог в них мало. Все эти дни я шел по одной тропе. Если Ганс был на ней, рано или поздно я об этом узнаю. Или, в конце концов, спрошу у кого-нибудь.

— Святая Дева Мария! — взмолился Проповедник. — Я ведь только что сказал, что горы безлюдны!

— Ты не прав. Выше должны быть пастухи. Они спустятся с отарами в долины лишь к концу месяца. А еще выше Дорч-ган-Тойн, один из двух монастырей ордена каликвещев. Ну а в местах, где нет людей, всегда есть иные существа.

Проповедник скривился, точно от зубной боли:

— Дьявольское племя. Ничего хорошего от них не жди. Я бы на твоём месте не лез с ними общаться. Это не Темнолесье, и Софии, чтобы тебя защитить, поблизости нет.

Старый пеликан частенько вспоминал серебряную колдунью. Она поразила его воображение, но в этом он не был готов признаться даже себе.

— Буду осторожен, — пообещал я ему.

— Не понимаю тебя. Ведь ты, точно ищейка, последние недели рыл носом землю и внезапно все бросил.

— Ты не прав. — Я снял готовое мясо с огня. — Мне в любом случае надо в Чергий. Просто я иду туда по новой дороге.

Пугало с иронией подняло вверх большой палец. Оно оценило то, как я выкрутился. Но не Проповедник:

— Угу. Если не околеешь на Горрграте. Он и в сентябре может быть завален снегом по уши. Что тогда?

— Лето было жарким, и дождей мало. Большого снега нет, в этом я абсолютно уверен. У меня хватит сил, чтобы преодолеть перевал. Особенно если помогут монахи.

— Больно им надо тебе помогать.

Я начал ужинать, запивая мясо холодной водой, а Проповедник, помолчав, вкрадчиво сказал:

— Цыганский табор уж точно не проходил здесь.

— Тут ты прав, — не стал спорить я. — Но мы с Мириам проследили его путь в Шоссию. Табор пришел из Чергия, перед тем как в стране началась война. И мы оба считаем, что цыган получил темный кинжал там.

— Вот только она со своей уверенностью уже, наверное, в Арденау, а ты залез в глухомань, и эта тропа нисколько не приближает тебя к цели — узнать, откуда у цыгана взялась та богомерзкая железка.

— Но и не отдаляет. В Чергии смута. Обе дороги Константина забиты беженцами, и творится на них дьявол знает что. Здесь же я пройду без проблем, которые мне могут доставить дезертиры, наемники, разбойники и армия. А когда окажусь на той стороне хребта — найду следы табора. Он был слишком большим, чтобы о нем никто не слышал.

Пугало встало, посмотрело во мрак, а затем, шагнув, вышло из круга света и растворилось в ночи.

— В таборе были сотни людей. И этот цыган-колдун... ты даже имени его не знаешь. Как ты проследишь путь мертвеца? Он каждый день мог говорить с сотней человек. Какой из них тот, кто тебе нужен?

— Однажды Гертруда сказала, что зло притягивает зло, друг Проповедник. И не исчезает без следа.

— Только на слова своей ведьмы ты и надеешься.

— Обычно она слов на ветер не бросает, — усмехнулся я.

Проповедник хотел сказать какую-то скабрёзность, это было видно по ехидному выражению на его лице, но осекся, так как на свет вышли четверо.

Иные существа. Маленькие, ростом мне по колено, лохматые, в одежде из белчихих шкурок. У них были зеленые глаза с вертикальными кошачьими зрачками и мордочки, очень похожие на ежиные. Двое казались постарше и подошли ближе, когда еще пара неуверенно переминалась на босых ногах возле самой границы света.

Таких я никогда не видел, но они выглядели безобидными, и я сказал:

— У меня есть мясо и немного хлеба.

— Не надо еды людей. Мы просто хотим посидеть у огня.

— Присаживайтесь.

Старшие подошли, сели и, не мигая, стали смотреть на пламя. Другие потоптались в отдалении еще с минуту и присоединились к своим товарищам.

— Не опасны ли они? — спросил Проповедник.

Я покачал головой.

Неспешно покончив с ужином, я сходил к реке, вымыл руки, а когда вернулся, то ничего не изменилось. Четверка продолжала следить за тем, как горят дрова. Мы сидели в глубокой ночи в тишине, пока угли не начали мерцать, и я подбросил пламени новую пищу. А затем, расстелив одеяло, стал готовиться ко сну.

— Ты что? Собираешься спать? — изумился Проповедник.

— А что? — спросил я, и ни один из гостей даже ухом не повел. Для них я словно и не существовал.

— А если, когда ты уснешь, они перережут тебе глотку?

— Я не собираюсь из-за твоих страхов провести ночь без сна. Дорога тяжелая, мне надо быть в форме.

— Дева Мария! Ты такой же кретин, как и все остальные стражи. Половина из вас мрет из-за излишней доверчивости и наивности!

— Нельзя бояться всего, что тебе непонятно. — Меня утомил этот разговор. — Оставь свою панику для более подходящего случая. В конце концов, если тебя так заботит мое здоровье — у тебя есть повод наконец-то побыть не только моей ходячей надоедливой совестью. Если возникнет опасность, просто разбуди меня.

Проповедник возмущенно вскинулся, хотел начать спорить, увещевать и кидаться цитатами из библии, но я враз пресек его атаку, улегшись на расстеленное одеяло и закрыв глаза.

Разбудил меня отнюдь не Проповедник. А молчаливый ночной гость. Только-только начинало светать, угли покрылись серыми лепестками пепла, тепла от костра больше не было, от реки тянуло холодом, и я сильно замерз.

Иной остался один, трое его товарищей ушли, решив не прощаться.

— Огонь — хорошо, — сказал он мне. — Теперь плата за него, кровь Темнолесья. Дальше, там, где уже не растут деревья и по земле ползет ледяной язык, — опасно.

— Опасно? — переспросил я, все еще приходя в себя от тяжелого сна, в котором Гертруда сражалась с Кристиной. — Чего мне ждать?

— Дитя кустов. — Он увидел, что я не понимаю, смешно скривил ежину мордочку. — Ругару. Трех хозяев овец убил за лето.

Какое счастье, что здесь нет Проповедника. Старый пеликан, наверное, назло мне ушел куда-то и не мог слышать эту новость. Оборотень, убивший трех пастухов. Мой спутник точно бы запилил меня еще до полудня.

— Спасибо. Я ищу своего друга. У него был такой же кинжал, как вот этот. Он должен был проходить здесь давно.

— Тут ходят только пастухи, и они не пускают к огню. Я не видел его.

Сказав это, он ушел. Ая, приподнявшись на локте, встретился взглядом с Пугалом:

— Когда-нибудь видел ругару?

Оно покачало головой.

— Оборотни в диких местах не такая уж и редкость. В городах их встретить гораздо сложнее. Обычно с ними можно договориться, если они не голодны, нет полной луны и люди не причиняли им вреда.

— Ругару? — спросил Проповедник, подходя от реки. — Почему это ты о них заговорил?

— Это так-то ты охраняешь мой сон! — сказал я вместо ответа.

— Ты был прав, Людвиг. Тебе действительно ничего не грозило. Эти существа всю ночь пялились на огонь, и на третьем часу мне стало скучно, и я пошел погулять. Так что там о ругару?

— Рассказывал о них Пугалу. — Я скатал одеяло.

— Нечего о них рассказывать. Жестокие, мстительные, да к тому же еще и людоеды. И помнят, что делали, когда превращаются обратно в чело века. Таких надо стрелять сразу, как увидишь.

— У старины Проповедника порой радикальные способы борьбы с теми, кто не соответствует его идеалам, — обратился я к Пугалу, и то кивнуло, соглашаясь с моими словами.

— Ага, — обиделся Проповедник. — Не ты ли мне рассказывал, как драпал от того, «кто не соответствует моему идеалу», по лавандовому полю, и только заступничество святых позволило тебе спастись.

— Это старая история. В Темнолесье ругару меня не тронули.

— Потому что ты был гостем Гуэрво и Софии. Иначе бы твои обглоданные кости уже скрыла опавшая листва.

— Смотрю, с утра ты еще более пессимистичен, чем обычно.

— Я планирую оставаться в таком настроении до тех пор, пока ты не переберешься через этот чертов перевал и не окажешься в цивилизации.

— Ну если под цивилизацией ты понимаешь войну, которая с цепом носится по стране, шарахая по всем, кто не успел от него увернуться, то я тебя не разочарую. Скоро мы будем в этой цивилизации по самые уши.

— Ты лишь обещаешь, — вздохнул Проповедник, вытирая щеку от крови. — Путь неблизкий.

— Тогда не будем задерживаться. — Я закинул собранный рюкзак на плечи и зашагал по тропе.

Через несколько часов зарядил дождь, и угрюмое узкое ущелье стало еще более недружелюбным, чем обычно. Черные ели, влажные, вздымающиеся вверх скалы, низкие облака, клочьями застревающие в мрачном лесу и спускающиеся мне под ноги, закрывая обзор бледным саваном туманной дымки. Дождь сонно шелестел по желтой листве кустарника, по деревьям, по капюшону моей куртки, и Пугало, которое ненавидело это явление природы, злобно косилось на небо, не в силах что-либо сделать.

Река все так же грохотала на перекатах, то появляясь, то вновь исчезая за мшистыми камнями, стоило тропе в очередной раз вильнуть в сторону. Я видел бирюзовую ледниковую воду, и этот цвет помогал мне не падать духом. Он говорил, что там, наверху, дождя нет, иначе бы вода давно стала грязно-бурой.

Начался крутой подъем по скользкой почве, и довольно скоро я и думать забыл о чем-либо, кроме как о том, чтобы не грохнуться вниз и не переломать себе кости. Я порядком перепачкался в грязи, хватался руками за выступающие из тропы камни, подтягивался, переводил дух и лез дальше, пока не забрался в туман, ползающий по густому ельнику. Все вокруг стало не только мрачным и унылым, но и призрачным. Наша дружная троица выглядела в этой бело-серой дымке как привидения, причем Пугало благодаря своей драной шляпе и алому мундиру казалось самым величественным, а я, слишком уставший и продрогший, самым жалким.

Проповедник, да благословят его все те святые, которых он поминает по сто раз на дню, на этот раз удержался от комментариев и не стал меня доставать тем, что я полез в горы и теперь расплачиваюсь за свое решение. Подъем, в другую погоду не такой уж и трудный, занял у меня гораздо больше времени, чем я рассчитывал, — почти всю светлую часть суток.

Наконец я выбрался на широкую площадку и сел на камень отдохнуть.

— Высоко мы поднялись? — поинтересовался старый пеликан.

Горы скрывались в низких облаках, и у него не было возможности определить, насколько к нам приблизились вершины.

— Не очень, — ответил я ему. — Видишь, вокруг растут буки. Это значит, что мы не преодолели черту леса. Когда он кончится, начнутся кустарники и камни. Луга. Потом снег. Здесь нет даже половины пути. Это была всего лишь самая легкая часть подъема.

Проповедник произнес богохульство, затем покумекал и буркнул:

— Ганс, если он проходил здесь, должен был иметь очень вескую причину для того, чтобы забраться в такие дебри. Но его я могу понять. Вы, стражи, как сумасшедшие собаки, носитесь где придется, и желательно, чтобы было как можно более уныло и опасно. Но клирики! Не понимаю, зачем каликвецам жить в такой дыре! Построить монастырь почти под самым перевалом! Святая Матерь Божья! Здесь же никого, кроме них, нет. Ни паломников, ни нормальных дорог.

— Насколько я знаю, от Дорч-ган-Тойна есть прямая тропа вниз, мимо Зуба Холода, к Вилочкам. Путь занимает неделю, если идти быстро. Монахи ходят там, а не здесь. А паломники им не нужны — каликвецы закрытый ор-

ден. Воины церкви. Им ни к чему зеваки и прочие праздничношатающиеся. В монастыре изучают церковную магию. Боевую, между прочим. — Я вспомнил, как брат Курвус зацепил меня своим волшебством, когда я убежал от страж.

— И ты считаешь, что тебя-то там примут с распростертыми объятиями.

— Братство никогда не ссорилось с ними. У них нет причин отказывать стражу, идущему к перевалу.

— Ну-ну. Не все каликецы могут быть такими, как брат Курвус. Как не все инквизиторы такие, как отец Март.

— Мне ли этого не знать, приятель. — Я вновь встал на ноги. — Сегодня не собираюсь ночевать у реки, я и так достаточно продрог. Пойдем поглядим на эти чудесные буки. Быть может, нам удастся развести костер, и Пугало расскажет какую-нибудь занимательную историю. А то только мы с тобой разговариваем.

Проповедник радостно осклабился, словно услышал какую-то великолепную шутку. А Пугало равнодушно показало нам кукиш. Оно совершенно не собиралось изменять своим привычкам.

Утром все стало иным. Было ясно, тепло, насколько это можно сказать про осень, облака разошлись, открыв вершины.

В буковом лесу властвовала тишина, множество ручьев оказались забиты опавшей листвой и разлились, подтопив небольшие низинки, деревья были зелеными из-за лишайника, который рос на их искореженных, ветвистых стволах. Тропа петляла между ними, все время поднимаясь вверх по склону.

Когда я наконец завершил подъем, на фоне пронзительно-ясного голубого неба появились снежные пики, главным из которых был Зуб Холода.

— Святые угодники! — всплеснул руками Проповедник. — Какая дьявольская красота!

Одна из высочайших вершин горного хребта стояла обособленно. Больше всего она напоминала четырехгранную пирамиду с отвесными стенами, на которых с трудом задерживался снег. Серо-красная, выщербленная, с острыми гранями, она довлела над долиной.

— Пойдем, — сказал я.

— погоди! Дай полюбоваться!

— Сто раз успеешь. Ты будешь видеть ее все следующие дни. И с каждым разом она будет казаться все выше.

— А Монте-Роза?

— Мы пока еще слишком низко. Ее закрывает вон та похожая на трезубец гора. Нам придется залезть на ее гребень, туда, где кончается лес. Оттуда ты увидишь Монте-Розу, а если повезет, то и монастырь.

Проповедник прикинул на глаз расстояние и застонал.

Путника мы увидели, когда поднимались параллельно слетающей вниз горной речке, гораздо более узкой, чем прежняя, но не менее громкой. Человек в бело-коричневом плаще паломника отдыхал на большом плоском камне. Под ногами у него лежала котомка, у ног — прямой дорожный посох. Крепкий и надежный. С таким легко можно идти в гору и отбиться от разбойника, если умеешь, конечно.

Мужчина был цыганом — смуглое лицо, темные глаза, густые брови и усы, курчавые волосы с большим количеством седины, крестообразный шрам на правой скуле. Яркий, белый, заметный издалека. Такие отметины я знал — подобным образом клеймили цыган в Ольском королевстве, считая людьми второго сорта. Обычно за этим следовала смерть, и чаще всего она оказывалась нелегкой. Шуко рассказывал, что у его отца был точно такой же шрам, и смерти он избежал только чудом, вовремя успев покинуть страну, где через несколько дней после его бегства началась кровавая резня, в которой перебили почти двадцать тысяч из его народа.

— Цыган! — проворчал Проповедник. — В последнее время тебе везет на их племя. Тот, с которым ты встречался в прошлый раз, ткнул тебя кинжалом. Этот, возможно, огреет посохом. Гляди в оба.

Паломник чистил куриное яйцо и, даже заметив меня, не оставил своего занятия. Его узловатые пальцы продолжали снимать скорлупу, тогда как карие глаза неотрывно следили за мной.

— Доброго дня, — сказал я, не доходя до него. — Не ожидал встретить здесь путника.

— Я тоже, — негромко ответил он. — Голоден? У меня есть еще несколько куриных яиц и грудинка с хлебом.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Меня зовут Людвиг.

— И ты, судя по сапфиру на кинжале, страж, — кивнул он. — Я Роман.

— Как ты здесь оказался?

— Иду в монастырь от Вилочек. В тумане перепутал тропу. Потерял два дня, пока понял, в чем дело. Теперь возвращаюсь напрямик.

Он достал еду, положил на камень, правой рукой, на безымянном пальце которой я увидел полоску золотого кольца, показал, чтобы я присоединился.

— Я тоже направляюсь к монастырю.

— Ну, значит, дальше пойдем вместе. Если ты не возражаешь.

Я переглянулся с Пугалом и кивнул:

— Не возражаю. Вдвоем веселее. Видел ли ты еще людей поблизости?

— Вчера. Пастуха с отарой, на соседнем склоне. Было далеко, и я не услышал, что он мне кричал через ущелье. Что ты забыл у каликвещев?

— Этот паломник, как видно, привык брать быка за рога.

— Ищу своего друга, который пропал в горах.

— Он тоже страж? — Вопрос прозвучал, но в карих глазах не возникло ни капли интереса.

— Да. А зачем тебе монахи?

— Не мне. Это меня пригласили. Я знаю древние языки, а в библиотеке Дорч-ган-Тойна есть несколько книг, которые никак не поддаются переводу.

— Паломник-переводчик. Необычно.

— Для цыгана, ты хочешь сказать? — усмехнулся он. — Я был достаточно умен, чтобы учиться. А плащ паломника купил у старьевщика. Он теплый.

Его история была вполне убедительной. Особенно если не думать о случайности встречи, о том, что он далековато зашел, прежде чем понял, что заблудился, и о том, что его глаза мне не очень нравились. Взгляд у этого человека был слишком бесстрастный и равнодушный.

Не стоило забывать, что где-то в горах бродит ругару, который может быть не только чудовищем, но и человеком...

Мой спутник оказался немногословен. Он пошел первым, двигаясь широкими шагами, переставляя посох и сгорбив плечи. До следующего привала мы не разговаривали.

— Скоро самая сложная часть пути, — сказал Роман, положив свой посох поперек колен. — Река падает с отвесной скалы почти на сто ярдов. А подъем в виде каменных ступеней. Так что выбрось все, что может тебе помешать, страж.

— Что, например? — спросил я, уже зная ответ.

— Арбалет. Он тяжелый, а толку от него чуть. Здесь нет ни медведей, ни волков, ни барсов, ни людей. Не от кого защищаться.

— Зато встречается птица, которая может стать неплохим ужином. Так что не думаю, что это мудро — оставлять оружие.

Он пожал плечами:

— Как хочешь.

— Я все больше и больше не люблю цыган, — заявил Проповедник. — Шуко сумасшедший, а этот еще и странный какой-то. Не поймешь его.

Я старался беречь дыхание, но все равно подъем оказался не из легких. Цыган был точно двужильный, он даже не вспотел. Шагал вперед, словно одержимый демоном, и не выказывал никаких признаков усталости. К водопаду мы пришли через час после разговора об арбалете. Река срывалась с широкого карниза и падала вниз с ревом обезумевшей от крови толпы.

— Нам туда, — сказал Роман, указав наверх. — Там начинается плато и луга. По ступеням.

«Ступенями» он назвал каменные выемки, каскадами поднимавшиеся по базальтовой скале. Они были мокрыми, скользкими и совершенно не обнадеживали. У Проповедника эта дорога и вовсе вызвала сомнения:

— А нет ли другого пути?

Я не стал ему отвечать, посмотрел, как Пугало вошло в водопад и скрылось за ним, подтянул лямки рюкзака, чтобы он как можно меньше болтался на спине и не смещал мой центр тяжести.

Чем выше мы поднимались, тем сложнее становилось. Я перестал доверять только ногам и начал ползти вверх на четвереньках, цепляясь пальцами за мокрые, холодные камни. Роман двигался прямо надо мной, тем же самым способом, что и я. Посох он забросил себе за спину, соорудив из ремня петлю и надежно зафиксировав его рядом с котомкой. Иногда он оборачивался, проверяя, не отстал ли я, ловил мой взгляд, одобрительно кивал и вновь продолжал подъем.

Потом мы спугнули двух топлян. Они сидели на сильно выдающейся вперед ступени и наслаждались водными брызгами, падающими на них сверху. Заметив нас, речные жители зло сверкнули ярко-голубыми глазами, скользнули ужами, блеснув тусклой серебристой чешуей, и прыгнули в поток.

Быть может, оттого что мы их рассердили, а может, из-за досадной случайности и моей неосторожности за десять ярдов до конца подъема моя левая нога скользнула по камню, и я потерял равновесие.

Впечатление было такое, словно кто-то невидимый изо всех сил дернул меня за рюкзак. Я опасно отклонился назад, замахал руками, стараясь восстановить хрупкий баланс между собой и скалой.

Испугаться не успел. Лишь отметил краем сознания, что у Проповедника лицо перекошено от ужаса, а падать мне никак не меньше девяноста ярдов.

И в этот момент смуглые пальцы цепко схватили меня за правое запястье, дернули вперед, вырывая из распахнутой, голодной пасти бездны.

— Спасибо, — отдышавшись, сказал я.

Роман прочитал слово по моим губам и наклонился к уху, прокричав:

— Говорил же я! Брось арбалет!

И полез вверх. Когда я закончил подъем и оказался на пологом гребне, цыган ждал меня, а рядом с ним сидело Пугало, безучастно швыряя вниз камешки.

— Тебе надо отдохнуть или идем дальше? — спросил мой спутник.

— Мне нужна минута, — ответил я. — Еще раз спасибо за помощь.

— Не за что, страж.

— Я ненароком рассмотрел твоё кольцо, когда ты протянул руку.

Он только усмехнулся.

— Три пятиконечных звезды по ободу. Уполномоченный церковный легат.

— Сложно поверить, что такой, как я, служит церкви? — спросил он.

— Мой друг — страж. И он тоже цыган. И той же веры, что ты и я. Так что поверить легко. Значит, ты не разбираешься в древних языках?

— Я не врал тебе, Людвиг ван Нормайенн. В языках я разбираюсь прекрасно. И иду в монастырь ради его библиотеки.

— Не помню, чтобы называл тебе свое полное имя, Роман.

— В этом нет нужды. Я помню тебя. Видел в Вионе с отцом Мартом, когда на кардинала Урбана устроили покушение. Я служу его высокопреосвященству, так что в курсе того дела.

— Личный легат кардинала Урбана? — удивился я.

— Мир тесен, страж. А люди, которые занимаются похожим ремеслом, имеют такую особенность — пересекаться даже в глуши. Ну, что? Теперь идем?

Деревья остались внизу. Здесь рос только чахлый кустарник и короткая трава. Куда ни кинь взгляд, вокруг на склонах расположились луга, то и дело перемежающиеся каменными скоплениями. Мы шагали по хребту, по удобной прямой тропе, во сто крат легче той, которой я шел в прошлые дни.

Мы были в самом сердце Хрустальных гор. И центральный хребет — белая стена — протянулся с севера на юг. Справа от нас небо пронзал зуб Холода, слева огромным сахарным холмом, к вечеру укрывающимся алыми облаками, точно периной, вздымалась Монте-Роза.

— Мы где-то в трех тысячах ярдов над морем, — сказал Роман, хватая ртом воздух. — А эта красавица поднимается на все семь. Если не больше. Туда пока не залез ни один человек.

— Там нечего делать, — ответил я ему. — Лишь снег, лед да духи мороза. Они не любят людей.

У меня немного болела голова, и при быстрой ходьбе начиналась одышка, но в целом я чувствовал себя не так уж и плохо. Горрграт на полторы тысячи ярдов выше, я видел его уже отсюда, хотя идти до него еще около трех с половиной лиг. Он располагался на западном отроге Монте-Розы, сжатый с одной стороны ее снежной величественной вершиной, а с другой — более низкой горой, отсюда напоминающей поседевшую улитку.

Сейчас было раннее утро, и из-за восходящего солнца снежный хребет походил на хагжитский шербет — был нежно-розового оттенка. Внизу, в долинах, лежали облака. Это было нереальное зрелище. Мы словно парили над миром, и дорога, по которой шли, все больше и больше приближала нас к ледникам. Я уже видел их сползающие с гор бело-голубые языки, мерцавшие на солнце, точно холодное пламя.

Ветер пах яркой свежестью и в то же время терпким левкоем, то успокаивался, то вновь начинал носиться по лугам и склонам с игривой беспечностью щенка. Я зарядил арбалет под удивленным взглядом цыгана.

— Решил заняться охотой, страж?

— Несколько дней назад я встретил иных существ. Они сказали, что где-то здесь живет ругару.

— Ты им веришь?

— Им незачем было врать.

— Ругару?! — возопил Проповедник. — Чертов оборотень, прости Господи! И ты говоришь об этом только сейчас?!

Мне пришлось проигнорировать его.

— Ты не спешил поделиться со мной этой информацией, — сказал Роман.

— Ругару мог оказаться и ты. Пока я не увидел кольцо, не был уверен в том, что передо мной не оборотень.

— Людвиг, я оскорблен! Мне-то ты мог сказать сразу! Пугало же ведь знало! По роже его вижу, что знало! Какое преступное наплевательство! — между тем продолжал распаляться Проповедник. — А еще друг называется!

— Вполне разумно, — рассмеялся легат кардинала. — Вот только ты не подумал, что кольцо я мог снять с какого-нибудь путника, а потом сочинить всю эту историю?

— Бесстыдство! — Проповедник, взмахивая руками, удалялся. — Какому-то цыгану заблудшему рассказал, а мне — нет!

Я проводил его сутулую фигуру взглядом, затем повернулся к Роману:

— Кольцо и одежда — возможно. Но история с Вионом — сомнительно. К тому же сейчас полнолуние, и ночью я не заметил, чтобы ты обрастал шерстью.

Он вновь рассмеялся и сказал:

— Ну, надеюсь, что тебя все-таки обманули. Встретаться с тварями ночи не входит в мои планы.

К вечеру мы подошли к плато, заросшему замшелыми каменными грибами. Здесь выл пронзительный холодный ветер. На склоны опустился туман, вязкий и влажный, застилающий глаза, лезущий в рот, пахнущий едкой пряной травой и заманивающий к пропастям, которых вокруг тропы было вели-

кое множество. Вернувшийся Проповедник, все еще обиженный, ворчал, что темнеет и пора делать привал.

— Надо остановиться, — согласился я. — Или костей не соберем.

Роман подул на ладонь, и вокруг нас закружились какие-то насекомые, излучавшие ярко-желтый огонь, свет которого разогнал туман, отразился от шершавых поверхностей каменных грибов.

— Мать-заступница! Святой Коломан и все его мучители! Это не церковная магия! — подпрыгнул Проповедник.

Пугало остановилось да пригляделось к моему спутнику получше.

— Церковный легат, знающий древние языки, да еще и колдун к тому же. На службе у кардинала Урбана. Ты полон сюрпризов, Роман.

— Как и ты, Людвиг, — вернул он мне комплимент. — Его высокопреосвященство несколько раз говорил о тебе и твоих друзьях.

Мне это не слишком понравилось, но я сказал:

— Надеюсь, только хорошее.

— Кардинал помнит, кому он обязан жизнью, когда был еще епископом. А это, — небрежный кивок в сторону летающих насекомых, — всего лишь детские шалости. Уверен, что другие колдуны, которых ты, вне всякого сомнения, знаешь, способны на гораздо большее.

— Людвиг, спроси, есть ли у него патент? — подал «идею» Проповедник и тут же смутился, поняв, что сморозил несусветную чушь.

Разумеется, у легата кардинала должен быть патент Церкви, разрешающий заниматься волшебством.

— Не буду спорить, — ответил я цыгану. — Но люди твоей профессии обычно пользуются церковной магией, а не той, что считается темной.

— Только истинно верующий, свято отдающий себя всего Господу, способен на чистое, не запятнанное пороком волшебство. Я слишком слаб духом и полон сомнений, для того чтобы Господь проявил ко мне милость и наградил таким даром. Но и тот, что есть у меня, верно служит Церкви и Господу. Тебя это смущает?

— Меня давно уже ничто не смущает.

Он усмехнулся:

— Да, стражи порой не гнушаются пользоваться услугами тех, кого иные считают запятнанными. Ваши цели оправдывают те средства, которые вы используете для сражений с темными душами. Я готов это понять.

Он пошел вперед, освещая мрачную дорогу, и я поспешил за ним, не желая оставаться в тумане, который охотящейся кошкой следовал за нами, держась границы круга света.

— Ты собираешься не останавливаться всю ночь? — Я не убирал рук с арбалета.

— Ниже есть землянка, где летом иногда живут пастухи. Заночуем под крышей и с комфортом.

— Как далеко?

— Пока мы, точно святые, шествуем среди облаков, ничего конкретного сказать не могу. Часа полтора ходу.

Эти полтора часа были удивительно длинными, и я вздохнул с облегчением, когда мы начали спуск с плато.

Черная проворная тень спрыгнула с вершины каменного гриба. Я, будучи настороже, крикнул, предупреждая Романа. Вскинул арбалет.

Косматая туша с длинной зубастой мордой в один прыжок оказалась передо мной. Колючей голодной злобой сверкнули золотистые глаза. Но он не бросился на меня — внезапно извернувшись всем телом, взмыл в воздух и прыгнул на цыгана.

Клацнули страшные челюсти, тут же облако сияющих насекомых взорвалось, их прозрачные крылышки разлетелись в стороны, упав на землю точно снежинки, а ругару проехал по земле добрый десяток ярдов, сильно ударившись боком о камень. Проповедник верещал, чтобы я немедленно бежал и спасался, но я даже не подумал об этом.

Цыган стоял на коленях, оборотень, отброшенный магией, вставал на четвереньки, оглушенный атакой. Я прицелился, выстрелил и попал, судя по тому, как взвыл нападавший. Он встал на задние ноги, повернул ко мне оскаленную морду, но цыган швырнул с открытой ладони нечто чернильно-черное, и ругару снова прыгнул, но теперь уже не на нас, а во мрак, подальше от колдовства.

— Господи спаси! Господи спаси! Господи спаси! — молился Проповедник.

Пугало молитвы не жаловало, поэтому просто наблюдало за всем происходящим со стороны и, судя по его виду, было крайне довольное случившейся скоротечной схваткой.

Первым делом я перезарядил арбалет, а затем уже бросился к цыгану. Тот больше не стоял на коленях, а лежал на спине. Его грудь тяжело вздымалась.

— Ты цел?

Крылышки, лежавшие на земле, гасли, вокруг разлилась тьма, со всех сторон подступил туман, и разглядеть хоть что-то, когда сердце стучит у самого горла, а разгоряченная кровь шумит в ушах, было не так уж и просто.

— Сейчас, — сказал Роман, и в воздухе закружился всего лишь один волшебный светлячок. На этот раз горел он гораздо более тускло, чем прежде. Бледного света едва хватило для того, чтобы рассмотреть все хорошенько.

— Казни хагжитские! — за всех нас произнес Проповедник.

Пугало подошло поближе, чтобы лучше разглядеть окровавленное плечо цыгана. Оно было все изодрано зубами, текла кровь.

— Плохи мои дела, страж, — сказал легат кардинала.

Я достал из рюкзака чистую тряпку, залил рану бальзамом, который оставался у меня еще с тех пор, когда лечили Карла, и взялся за перевязку как раз в тот момент, когда Роман потерял сознание.

— Зачем ты это делаешь? — удивился Проповедник. — Не милосерднее ли убить его?

— Что-то не совмещаются у меня в сознании эти два слова — милосердие и убийство. Будь добр, оставь дурные советы при себе, — не прекращая своих действий, отозвался я.

— Приглуши жалость и включи рассудок, Людвиг. Его цапнул ругару. Это все равно что укус ядовитой гадины. Он не переживет ночи и умрет в муčenjaх. Господь...

— Не давал мне указания убивать человека. Если ему надо, то он сделает это сам. Не сомневайся. У окулла тоже был смертельный яд, но я до сих пор жив.

— Тебя лечила София. И ты тогда умер, если помнишь.

Я бросил рюкзак и котомку цыгана, также оставил арбалет и с трудом встал на раненого себе на плечи. Он был гораздо легче меня, но все равно тащить его на высоте оказалось не просто.

— Что ты задумал? — поинтересовался старый пеликан.

— Дойти до пастушьей землянки. Она где-то близко.

— А если ругару вернется, пока ты прешь цыгана на закорках?

— Значит, будет не один мертвец, а два.

Я сделал шаг, и, по счастью, светлячок послушно полетел рядом, освещая путь. Пастушья землянка — торчащая над травой крыша из хвороста и низенькая дверь — появилась справа от тропы спустя триста непростых шагов. Низкий потолок, одно оконце, одна лавка, старый очаг и сильный запах сухих трав — чабреца, душицы и зверобоя.

Неизвестный пастух оставил в углу какое-то количество дров, которые поднял снизу, оттуда, где росли деревья. Я разжег огонь, осмотрел повязку. Она намочена от крови, так что я заменил ее, вновь залив разорванные мышцы бальзамом.

Я потрогал лоб Романа, он был ледяной. Поднял веко, но зрачок не реагировал на свет, был большим и неестественно-черным.

— Плохо дело, Людвиг. Быть может, мне помолиться за него?

— Молитва не помогает. Сиди с ним, читай молитву и, если хватит сил, попробуй бросить еще дров в огонь, когда тот начнет гаснуть.

— А ты куда?

— А я собираюсь принести противоядие и дать ему пожить еще немного.

— Противоядие от укуса оборотня?! Откуда ты о нем знаешь?

— Мне рассказывала Гертруда.

— Она ведьма.

— Скажи что-то новое.

— Где-то там, во мраке, тебя поджидает чудовище.

— Нет времени пререкаться с тобой, дружище.

Я вышел на улицу, и светящееся насекомое полетело за мной, словно чувствуя, что я пытаюсь помочь его хозяину. Пугало увязалось следом. Я не возражал. Пускай в большинстве своем оно не помощник и предпочитало быть наблюдателем, но порой его компания оказывалась не лишней.

Если честно, я боялся, что ругару вернется. Что он прячется где-то за камнями и ждет меня. Но страх — дурное чувство. Я приглушил его и довольно быстро оказался там, где на нас напали. Рюкзак закинул на плечи, котомку решил забрать на обратном пути. Арбалет валялся на земле. Осмотревшись, я нашел следы больших лап, пошел по ним и через пять шагов увидел темную кровь на лишайнике. А еще несколько минут спустя, в цирке, обриванном несколькими горными склонами, наткнулся на ругару.

Он лежал за камнями, его бок тяжело вздымался, и, когда я подошел достаточно близко, страшная морда повернулась в мою сторону.

— Я думал, что ты с нами, кровь Темнолесья, — просипел он.

Я посмотрел в тускнеющие золотые глаза и ответил:

— С вами. Пока вы не трогаете людей.

Теперь было понятно, почему он не напал на меня — почувствовал магию Софии. Иные существа, тот же визаган, ненавидящий людей, не желают убивать то волшебство, которое невольно живет во мне. Это вновь спасло меня сегодня.

И убило оборотня. А возможно, и Романа.

Насмешка судьбы. Не иначе.

Его лапы конвульсивно дернулись, корябая страшными когтями камни, и через две неполные минуты он умер. Огромное лохматое тело стало истончаться, таять, словно лед, оказавшийся на жарком солнце. Шерсть превращалась в серую дымку, лапы укорачивались, морда становилась плоской. Кости хрустели, двигались, меняли свое положение, и вот среди холодных камней, в тумане, уже был не страшный оборотень, а исхудавший немолодой мужчина с черными как ночь волосами и искаженным от боли уродливым лицом. Арбалетный болт, под углом торчавший у него над правой ключицей, не оставлял сомнений в причине смерти.

Пугало подошло к телу, ткнуло носком дырявого ботинка, пожало плечами. Мол, ничего интересного. Вопросительно посмотрело на меня.

Я взял мертвеца за плечо, перевернул на спину, достал кинжал. Сомнений у меня не было. Я знал, для чего это делаю.

Разрез от горла вниз, до самого живота. Затем два поперечных. Кровь, потекшая из ран, дымилась на холоде, вокруг запахло железом и плотью. Я не останавливался, пока не обнажил ребра и грудину.

Пугало дышало мне в затылок, и его едва не потряхивало от восторга из-за того, что я устроил тут мясную лавку.

— Мне нужен твой серп, — сказал я ему. — Он режет кость лучше, чем мой клинок.

Кажется, в этот момент мой авторитет у Пугала возрос до небес. Оно едва не пустилось в пляс и протянуло мне свое страшное оружие.

Я впервые держал его серп в руке. С виду очень простой предмет — истертая деревянная рукоятка, полоса изогнутого металла, оточенного до бритвенной остроты. Но стоило присмотреться, заглянуть чуть глубже, за призрачную основу, чтобы увидеть, какая сила и мощь заключена в оружии.

Я провел острым лезвием у грудины, и ребра, точно бумага, не выдерживали этих прикосновений — срезались без всякого усилия. Мне не составило труда вскрыть грудную клетку и извлечь сердце.

Пугало было зачаровано действием, словно морской разбойник, на глазах у которого из пучины подняли затонувшие сокровища.

Как и кровь, сердце на холоде дымилось. Я вернул одушевленному серп. Тот благоговейно принял его, не спеша убирать за пояс, наблюдая, как тягучие капли медленно стекают по лезвию и падают в лишайник.

Дорога обратна, как мне показалось, заняла довольно много времени. Пугало не отставало ни на шаг, бежало за мной едва ли не вприпрыжку. Оно чувствовало, что это еще не конец.

Когда я ввалился в пастушью землянку, ничего не изменилось. Костер еще не прогорел, Проповедник читал молитву, Роман метался в горячке.

— О, Боже мой! — воскликнул старый пеликан, увидев мои руки. — Ты ранен?! Господь Всемогущий! Что это?!

Я положил человеческое сердце на пол, сказав:

— Ругару мертв. Так что это ему больше ни к чему.

Пока Проповедник потрясенно разевал рот, переводя взгляд с моего трофея на меня, я быстро обшарил землянку, ища какую-нибудь крупную емкость, но нашел лишь глиняную кружку.

— Ладно. И это сойдет. — Я направился к протекавшему поблизости ручью, набрал воды, поднял с земли первый попавшийся камень. Вернулся, взялся за кочергу и сгреб угли.

— Что ты собираешься делать?

— Сварить противоядие от слюны оборотня. Чтобы цыган выжил.

— И для этого тебе нужно сердце?

— Сердце ругару, который укусил. Кровь человека, которого укусили. Кровь человека, которого не кусали. Еще вот булыжник.

— Ты извлек органы из мертвеца! Это некромантия!

— Скорее старые крестьянские обряды. Ругару кусали людей и прежде. И те нашли способ, как выжить.

— Инквизиция...

— Инквизиция далеко. Церковь разрешает врачам вскрывать трупы, если это на пользу. Считай меня врачом, а его больным, которому срочно требуется помощь. — Я полоснул кинжалом по большому пальцу на руке цыгана, выдавил в воду несколько капель крови. Затем капнул своей, поставил кружку на угли и начал резать сердце.

Пугало наблюдало и облизывалось. У Проповедника был такой вид, словно его в любой момент могло стошнить.

— Я знал, что твоя ведьма научит тебя дурному, — простонал он.

— Если ты будешь досаждать мне, я попрошу Пугало выбросить тебя вон, — прорычал я, продолжая заниматься этой отвратительной готовкой. — Если я ошибусь, то второго сердца ругару у меня поблизости нет. Не мешай.

— Все не влезет в кружку.

— Все мне и не нужно.

Я закончил нарезать куски, проверил воду, она как раз начинала закипать. Нужных слов, которые обычно произносят колдуны, готовя зелья, я не знал, так что понадеялся на то, что слова менее важны, чем ингредиенты.

Когда вода закипела, я положил в кружку несколько частей сердца, оставшее бросил на угли. Запахло жареным мясом, по комнате пополз дым, и Пугало ловило этот аромат человечины, словно грешник, внезапно дорвавшийся до цветов, растущих в райском саду.

Я вышел на улицу, оставив дверь открытой, сходил к ручью и хорошенько вымыл руки ледяной водой. Проповедник подошел ко мне, откашлялся и сухо произнес:

— Даже если он будет спасен от яда, то его душа...

— Слушай, не говори ерунду. Это болезнь. С его душой ничего не будет, уж можешь поверить специалисту по темным душам.

— Все равно. Если ты спасешь его, то в нем будет жить зверь.

— Я в курсе.

— И ты откроешь дорогу в мир для оборотня?! Иного существа?!

Я вздохнул:

— Иные существа не всегда зло. Одно я знаю — у меня есть возможность спасти жизнь. И я не дам ей пропасть.

— Буду надеяться, что сейчас тобой руководит Господь, а не кто-то другой, — сдался он. — Пугало-то точно надолго запомнит эту ночь. Еще немного, и оно заговорит от восторга.

Мы вместе вернулись обратно. Цыган был очень плох, но кровь из раны сочиться перестала. Зелье я продержал на огне довольно долго, то и дело снимая его, как только оно начинало закипать, остужал и ставил на угли снова. Затем, когда оно было готово, что подтверждала бледно-голубая пена, кинул в кружку камень.

— Все, — наконец сказал я.

— И что теперь? — откликнулся Проповедник, неодобрительно следя за всеми манипуляциями.

— Теперь, как только отвар остынет, я напою цыгана.

— А бульжник для чего?

— Его следует положить на рану, чтобы он вытягивал и впитывал в себя яд.

— Ты действительно веришь, что это спасет его?

— Ответ ты узнаешь через несколько часов.

Я оказался прав. Когда ночь подходила к концу, Роман перестал метаться в горячке и его дыхание стало ровным.

Я перевернул лежащий на его ране камень, который с одной стороны потрескался и начал крошиться. Затем бесцеремонно залез в котомку цыгана, без всякого аппетита съел сухарь и кусок грудинки. Только потому, что надо было поесть.

— Судя по всему, он выживет. Поздравляю, Людвиг. Твоя ведьма знает свое дело, а в мире появился еще один оборотень. Вот только разве это жизнь? Быть оборотнем?

— Дышать, мыслить, чувствовать? Думаю, что да. Это жизнь. У каждого из нас свои изъяны, но лучше существовать с ними, чем лежать в могиле.

На это ему возразить было нечего.

Утром Роман так и не проснулся. Я подхватил арбалет и ушел на охоту. Поехало мне лишь через несколько часов, когда я заметил стадо горных коз, лазающих по скалистому склону. Я подстрелил ближайшую ко мне, еще не старую, с буро-рыжей шерстью, но всего лишь ранил. Она скакнула в сторону, не удержалась на карнизе и рухнула с обрыва вниз, тогда как все остальное стадо резвыми прыжками унеслось вверх, на недоступную человеку вершину.

Мне потребовался еще час, чтобы найти спуск, добраться до козы и освежевать ее. Когда я вернулся с тушей домой, Роман сидел, укрывшись моим одеялом, и жадно пил воду, которую я для него оставил. Его колотил озноб, а глаза были ярко-золотистые и совсем не человеческие.

— Он уже час такой, — сообщил Проповедник, забившийся в противоположный угол, словно цыган мог причинить ему какое-то зло.

— И кто из нас полон сюрпризов, ван Нормайени? — спросил Роман, ставя опустевшую кружку на пол. — Уж чего я не ожидал, так это что страж способен сварить «Волчью сладость».

— У меня были хорошие учителя, — ответил я, сбрасывая с плеча добычу.

— Передавай им мою благодарность. Какие слова ты произнес над зельем?

— Никаких.

— То-то мне так хреново. Но это лучше, чем если бы ты превратил варево в молоко или случайно вызвал какого-нибудь демона. С последствиями я справлюсь.

— Еще воды?

Он облизал языком потрескавшиеся губы:

— Да. И мяса. Сырого. Пока я не захлебнулся слюной.

Я отрезал для него козлиное бедро, взял кружку, наполнил в ручье. Когда вернулся, Роман рвал зубами мясо, стараясь пережевывать его не торопясь и не глотать кусками. Вид у него был немного страшноватый и безумный, особенно с окровавленным ртом, но меня смутить этим было сложно. Я успел повидать куда более страшные вещи.

— Трансформация требует много сил. Мой организм перестраивается. Извини, если со стороны это выглядит очень уж отвратительно, — сказал он, когда в его руках осталась лишь кость.

— Я предполагал, что ты проснешься голодным. Как твое плечо? Мышцы были сильно разорваны.

— На мне заживает как... на собаке. Видно, Господь не зря пересек наши дороги. — Он поплотнее закутался в одеяло, вытянул ноги в стоптанных сапогах. — Я хотел попросить тебя убить меня, но потерял сознание. Хорошо, что не успел.

— Ну, по крайней мере, ты не держишь на меня зла за то, что я тебя вылечил.

— И за то, что я теперь не совсем человек? — Он сверкнул усмешкой, и мне показалось, что его зубы несколько острее, чем были день назад. — Жизнь слишком дорога, чтобы отказываться от такого подарка. Моя... болезнь займет дней пять, может быть, неделю. Затем я буду таким же, как всегда. Человеком. Потому что меня не прельщает бегать по пустошам в чем мать родила, воровать овец и выть на луну.

— Тебя не пугает звериная сущность?

— Нет. С любым зверем можно справиться. Пожалуй, следующую порцию мяса я бы съел зажаренную. Если это не сложно для тебя.

Я стал разводить костер, а он между тем продолжил, глядя сквозь Пугало:

— Зверя можно подчинить и воспитать. Я не страшусь этого и смогу жить с новым «я».

— Предпочитаешь смотреть на жизнь положительно?

— Обычно нет. Но готов получить несколько плюсов из той неприятности, что со мной случилась. В моей работе они пригодятся.

— В работе знатока древних книг или легата кардинала?

Он хмыкнул, следя за тем, как я вожусь с мясом:

— Церковь принимает в свое лоно всех, кто готов уверовать и быть с Христом. Даже таких чудовищ, как теперь я.

— Спешу тебя разочаровать, — сказал я. — Тебя вряд ли можно назвать чудовищем, Роман. Я хорошо знаком с ними. И некоторые из них когда-то были людьми.

— Ты о темных душах?

Я посмотрел на Пугало, на Проповедника:

— И о тех, кто еще не стал ими. Больше всего чудовищ не среди ругару, старг или боздуханов, а среди нашего племени. Хуже людей я пока никого не встречал.

— Я обдумую твои слова на досуге, страж, — серьезно сказал он.

Он еще раз поел, а затем вновь заснул на несколько часов.

Пугалу стало скучно, оно вытащило из кармана кость ругару, взятую в качестве сувенира, и стало серпом что-то вырезать.

Я принес еще воды, затем зажарил все мясо, чтобы оно не пропало.

— Когда ты собираешься уходить, Людвиг? — Проповедник, все это время гулявший по склонам и любовавшийся Монте-Розой, сверкающей снежной шапкой на фоне яркого неба, вернулся и заглянул в землянку.

— Уйду, как только ему станет лучше и его можно будет оставить.

— С кем ты разговариваешь? — Цыган уже не спал и смотрел на меня золотистыми глазами.

— Со светлой душой.

— Хм. Забавно смотреть, как человек общается с невидимым собеседником. Если эта душа предлагает тебе уйти, то я, пожалуй, встану на ее сторону.

— Почему?

— Ты и так достаточно со мной повозился. Мне уже гораздо лучше, силы очень быстро возвращаются. Через два дня луна пойдет на убыль, а пока находиться рядом со мной не слишком разумно. Я буду занят войной со зверем и не хотел бы, чтобы ты пострадал ненароком. Так что, если тебя ничто не держит, лучше уходи. До Дорч-ган-Тойна отсюда полтора — два дня пути. Вверх, где на нас напал ругару, и по хребту в сторону Монте-Розы.

— Хорошо, — к огромному облегчению Проповедника сказал я. — Если ты уверен, что справишься в одиночку, я отправлюсь своей дорогой.

— Уверен.

Он следил за тем, как я собираю вещи. Одеяло я оставил ему, как и всю еду. Затянул тесемки рюкзака, закинул его на плечи.

— Пора прощаться.

Мы пожали друг другу руки.

— Теперь я понимаю, что в тебе есть такого, чего нет во мне, страж. — В его золотистых глазах бесновалось пламя. — Почему оборотень бросился на меня, а не на тебя. Чувствую это в твоей крови, но не знаю его названия...

Кровь Темнолесья. Изначальная магия всех иных существ. Я ничего не сказал ему на это, и он спросил:

— Знаешь, как с волкодлаками поступают в моем народе? Их давят лосадьями или закапывают живьем. Не важно, что ты не хотел становиться

зверем. Ты проклят навеки и бесчестишь семью. Любой из твоих родственников считает правильным прикончить тебя. То, что ты сделал для меня, — не сделал бы никто из моей семьи. И я этого не забуду.

— Ты уже можешь помочь. — Мне пришла в голову мысль, которая должна была появиться гораздо раньше. — Что мне следует сделать, если я хочу узнать, с кем общался человек из табора в определенном месте?

Он ничем не показал своего удивления:

— Поговорить с кем-нибудь из табора. Там все на виду, и нет никаких тайн.

— А если ни табора, ни этого человека больше нет в живых?

— Даже так? — Он задумчиво потянул себя за указательный палец правой руки. — Тогда я бы поговорил с кем-нибудь из осведомителей инквизиции.

— Со стукачами?

Цыган поморщился:

— Стукачи, страж, это те, кто во время исповеди рассказывают своему духовному отцу что-нибудь о соседях. Осведомители не мелют сказки из зависти или для того, чтобы очернить знакомого. Это профессионалы, собирающие ценную информацию и следящие за неблагоприятными для веры лицами, которым требуется надзор, но им пока еще рано предстать перед инквизицией. Например, есть те, кто всегда наблюдают за цыганским табором. Попробуй найти такого и задать ему вопрос. Быть может, тебе повезет.

Он подал интересную идею, а когда я уже брался за дверную ручку, цыган окликнул меня:

— Твой друг. Давно он пропал?

— Очень давно. Ты что-то знаешь об этом?

— Вчера бы я сказал, что нет. Но сегодня обстоятельства изменились. — Смеху у него был безрадостным. — Быть может, это никак не связано... Лет девять, а может, и все двенадцать назад, точно не помню, монахи нашли недалеко от монастыря два тела. Оба мертвеца, по слухам, из Ордена Праведности. Вы, стражи, не слишком их любите. Быть может, твой друг что-то не поделил с ними.

— Быть может... — задумчиво протянул я. — Что-то еще?

— Всего лишь один совет. Расспрашивай каликвещев с осторожностью. Мало ли куда заведут тебя вопросы. Порой они могут быть опаснее зубов ругару.

— Зачем ворошить далекое прошлое? Я не понимаю. Ты думаешь, если с тобой что-то случится, Гертруда этому обрадуется?

— Ты изумляешь меня, Проповедник. В кои-то веки назвать Геру не ведьмой и использовать ее имя в качестве аргумента. Несвойственный для тебя ход.

— Просто я исчерпал другие свои козыри. — Он хмуро поправил врезавшийся в шею белый воротничок. — Я чувю, что ничего хорошего в Дорчган-Тойне ты не найдешь. Монастыри ничуть не лучше тюрем. И в тех и в других без следа исчезло достаточно большое количество людей. Я согла-

шусь с цыганом — не те вопросы не тем людям могут привести к очень печальным последствиям.

— Я в курсе. Спасибо.

— Ты только обещаешь. А сам лезешь то к маркграфу Валентину, то еще к какой-нибудь, прости Господи, дряни. Все только и ждут, когда тебя можно будет прикончить.

— Твоя забота и беспокойство за мою жизнь очень меня трогают. Но не гущай краски. Лучше подумай о том, что здесь забыли законники?

— Какую-нибудь мерзость.

Пугало серьезно кивнуло, одобряя эту версию. Орден Праведности находился у него на первом месте среди личных врагов.

— И дорога этих двоих привела их в монастырь каликвещев.

— Тройх, Людвиг. Тройх. Ты забыл о Гансе. Он тоже пришел туда в то же время, что и они.

— Роман не сказал, когда точно нашли тела. Так что это всего лишь теория, — покачал я головой.

— Даже мой проломленный висок чувствует, что она верна. Это похоже на тупой анекдот: собрались как-то вместе страж, законник и клирик...

— Умоляю, избавь меня от кабацких шуточек!

— Как хочешь. Но я буду ее придерживать. Что Ганс не поделил с Орденем? Остается понять причину ссоры.

Я приложил ладонь козырьком, рассматривая открывающуюся впереди дорогу:

— Тысячи причин. И ни одной.

Я шел вдоль Юрденмейда, лежащего на двести ярдов ниже тропы. Он спускался со склона Монте-Розы и огромной серо-белой тушей полз по ложбине, которую пропахал своим телом в базальте — в долинах превращаясь в бирюзовые речные потоки.

Ледник был ребристый, с множеством трещин, в некоторых мерцала сияняя талая вода. Стоило облакам закрыть солнце, как лед становился серым и казался грязным, шершавым и очень неприветливым. Но едва яркие лучи касались его, оживал, вспыхивал ярко-голубым и блестел ослепительно-белым. Порой он стонал, и раздавался приглушенный расстоянием звук, словно ломается сухая ветка, — это появлялись новые трещины. Кое-где лед провалился, и из темной бездны торчали лишь сине-голубые неровные колонны, каждая высотой в тридцать ярдов.

Пугало косилось на ледник с интересом, а затем спрыгнуло со склона вниз.

— Что оно там забыло? — спросил Проповедник, впрочем не ожидая от меня ответа. — Провалится в трещину, не выберется. Они небось достают до самого ада.

— Не думаю, иначе здесь бы все растаяло, — усмехнулся я. — Но пропасть в них можно с легкостью. Иногда в расселинах находят замерзших людей, живших задолго до Христа. А в Кантонских землях, как я слышал, два года назад ледник выплюнул нескольких воинов императора Константина со штандартом их легиона.

— Дьявольская шутка все это. Кому охота лежать тысячу лет во льду, чтобы его потом отыскал какой-нибудь кретин вроде Пугала и ткнул палкой? — Он покрутил плешивой головой. — А где монастырь?

— На четырехста ярдов выше. Вон за тем уступом, где ледник делает поворот и спускается в долину.

— А Горрграт?

— Прямо перед тобой. — Я указал в нужном направлении.

Он минуту мрачно молчал, затем умоляюще произнес:

— Скажи, что ты пошутил.

— Увы. Это не шутка.

Отсюда сжатый двумя горами перевал был как на ладони. Серповидная вырезка, буква V, по краям которой спускалось два ледовых поля. Он находился на тысячу ярдов выше нас и казался таким же неприступным, как и тень Монте-Розы, укрывающая его.

— И как ты намерен туда взобраться? Отрастишь крылья? — Проповедник даже посмотрел мне за спину, на тот случай если я вдруг прячу их под курткой.

— Это старая дорога. Она начиналась от монастыря.

— Старая дорога? Часть пути придется преодолеть по леднику.

— Да. Надо будет пересечь долину по Юрденмейду. А дальше во-о-он по той каменистой тропинке. Видишь ее?

— Прекрасно вижу, — ядовито сказал он мне. — Как и ледяную шапку, нависающую над дорогой. Она размером с деревню, и если рухнет на голову, то от тебя не останется даже костей.

Я пожал плечами:

— Когда-нибудь она, конечно, упадет. Но необязательно это должно произойти в тот момент, когда рядом окажется моя голова. Меня гораздо больше беспокоит поход по леднику и скрытые трещины. Он все время движется, и дорога постоянно меняется. Я поговорю с монахами, у них должен быть на примете надежный путь.

Старый пеликан откашлялся:

— Одно радуется в твоём безумном предприятии. Я не смогу умереть второй раз. Так и быть, скажу твоей ведьме, где ты помер.

Я рассмеялся:

— Очень любезно с твоей стороны, Проповедник, но не надо торопить события.

Была середина дня, солнце пекло, я даже снял куртку, несмотря на высоту, и совсем было пригрелся, как ветер сменился и подул с ледника. Разом пропали все иллюзии о том, где я нахожусь, — холодное дыхание вершин пробирало до костей. Оставалось лишь порадоваться, что к ночи я уже доберусь до монастыря.

Начался подъем, и я сосредоточился на нем, останавливаясь через каждые двадцать шагов. Ломило виски, немного немели пальцы — первые признаки того, что к этой высоте я пока не привык. По правую руку от меня, величественный в своей неприступности, высился Зуб Холода, слева лежали зеленые долины. А прямо передо мной тянулся клыкастый центральный хре-

бет Хрустальных гор, жемчужиной которого была Монте-Роза. У ее подножия, рождаясь из ползущего со склона ледопада¹, начинался Юрденмейд.

Монастырь каликвецев, сложенный из серого камня, выглядел несокрушимой крепостью, которая стояла возле самого ледника.

— Теперь остался лишь небольшой спуск, затем по берегу вон того озера, поворот за эту грядку, и мы на месте.

— И слава богу, — откликнулся Проповедник.

В приподнятом расположении духа мы дошли до идеально круглого озера. Сквозь прозрачную воду было видно множество длинных пожелтевших водорослей, колышущихся на мелководье. На берегу сидела компания скирров — одноглазых подземных жителей в мешковатых одеждах из козлиных шкур.

Увидев меня, они перестали громко браниться и плевать в воду. Один пихнул другого локтем, шепнул что-то на ухо.

— Эй, гладкокожий! — крикнул тот. — Порох есть? Продай!

Он встал на ноги, оказавшись на три головы ниже меня, протянул руку с четырьмя длинными пядисуставчатыми пальцами, и я увидел, что у него на ладони тускло поблескивает слиток золота приличного размера.

— У меня нет пороха.

— Тьфу ты! — сплюнул крайний скирр. — Говорил же вам, что не мощный он!

— Ну, тогда арбалет продай. — Предводитель убрал слиток за пазуху и выудил другой, поменьше.

— Вам зачем?

— Тебе-то какое дело, гладкокожий?! — подскочил тот, что плевался, но его сосед отвесил влезшему в разговор такой подзатыльник, что Плевун едва не рухнул в воду.

— Мальца у нас топлун утянул, — между тем продолжил Переговорщик. — На самое дно. Сетей нет, а камнями что кидай, что не кидай... Не прикончим. Продай арбалет, гладкокожий. Хорошую цену даю. Монахи-то иным существам не помогут, они ж важные слишком, хотя враз бы могли осушить озерцо своим волшебством.

— Эта тварь уже третьего нашего ребятенка укокошила! — поддержал собрата Подзатыльник. — Хватит уже жрать. Ну хочешь, мы тебе еще золота дадим? Или камней каких? Продай арбалет, Христом Богом прошу.

Услышав последние слова, Проповедник поперхнулся, закашлялся и перекрестился.

А я протянул арбалет и оставшиеся болты:

— Ну, раз просите... Надо мне говорить, что будет, если на людей стане охотиться?

— Не надо. — Переговорщик сцапал оружие, боясь, что я передумаю. — Монахи такого не потерпят. Враз из-под земли достанут. От них ни в какой норе не спрячешься. Не боись, нам топлуна порешить.

— Золото не нужно. — Я отказался от самородка, который они мне протянули. — Ответьте на вопросы, и будем считать, что квиты.

¹ Часть ледника, спускающаяся со склона горы. Характеризуется большей скоростью движения льда, чем у равнинного ледника, и хаотическими разрывами поверхности.

Они с подозрением переглянулись, и Плевун предупредил:

— Про земные сокровища не спрашивай. Гладкокожим все равно не расскажем. И про тайные тропы, чтобы тут войти, а через минуту выйти где-нибудь в Литавии, тоже.

Подзатыльник отвесил Плевуну очередную затрещину:

— Заткнись! Какие же они теперь тайные, если ты каждому проходящему о них трепать будешь!

— В глаз дам! — завопил тот. — Хватит меня по голове бить!

Но в драку не полез, так как противник был в два раза тяжелее его.

— Ладно, гладкокожий. У нашего народа правило — отвечаем только на три вопроса. Устраивает?

— Вполне. Один страж пропал в этих горах. Он мог проходить здесь. Очень давно. Больше десяти лет назад. Вы не встречались?

— Страж? А! С синим гарвиром на кинжале, как у тебя? Не, звиняй, гладкокожий. Но ваше племя тут порой шастает. Монахи, паломники, еще какие-то уроды. У них тоже бывают гарвиры. Как отличить вас друг от друга? Мы больше под землей живем, твоего гладкокожего не видали.

Все остальные кивнули, подтверждая его слова. Жаль, что они ничего не знают. Но попытаться стоило.

— Хорошо, тогда второй вопрос. Я иду к перевалу, и мне нужна надежная дорога через ледник.

— Таких нет. Трещины все время появляются в новых местах. Но если ты пойдешь не напрямик, а возьмешь за монастырем левее, когда спустишься со склона, то за водопадом, который льется у красной скалы, есть тропа. Только держись крепче. Выйдешь по ней на каменистый язык, он сократит твой путь по льду наполовину.

— Спасибо.

— Давай третий вопрос.

Больше меня ничего не интересовало, так что я сказал:

— Приберегу на потом.

— Ну как знаешь.

Я направился своей дорогой, а скирры начали новый спор, смысл которого заключался в том, каким образом им лучшего всего устроить засаду.

— Отдал арбалет за ничто. Лучше бы взял золото, Людвиг. Эта нечисть почитает за подвиг надуть человека. Они могли и соврать.

— Я склонен верить в лучшее. От куска золота толку на леднике будет немного. Информация важнее.

— Угу. — Он пнул камешек, подвернувшийся ему под ногу, но тот даже не качнулся. — Лишь в том случае, если она правдива.

К воротам монастыря я пришел порядком уставший и оглядел высокие, покрытые зеленой бронзовыми створками. Издали они казались рельефными — пока я шел, мне чудился какой-то пейзаж, но, когда оказался рядом, понял, что ошибся. Незвестный чеканщик нанес на металл несколько сцен из Библии, каждая из которых была размером в человеческий рост.

Пока Проповедник глазел на них, я взялся за висящий возле калитки молоток и постучал. Вне всякого сомнения, пока я шел, меня должны были видеть со стены, но никто не спешил распахивать передо мной двери.

• Проклятый горн •

История первая

ВРЕМЯ МОГИЛ

— На нашем пути сплошные могилы, Людвиг, — с мрачной меланхолией произнес Проповедник.

Он смотрел в яму, из которой торчала почерневшая рука мертвеца. Остальное тело было скрыто под талой мартовской водой.

— Ненавижу могилы! — продолжил мой спутник, и кровь не переставая текла из его проломленного виска. — Они как оспины на теле земли. Почему мы умираем?

Я подул на клинок моего кинжала, и вьющийся вокруг него сизый дымок отпрянул, подхваченный сырым и промозглым весенним ветром. Душа, с которой мне пришлось сражаться, оказалась на удивление сильной для обычного бродяги, не сумевшего пережить зиму и замерзшего среди сугробов.

— Ты спрашиваешь у меня, друг Проповедник? Не знаю. Что об этом говорится в трудах, которые ты то и дело цитируешь?

Он, все так же неотрывно продолжая смотреть на тронутые тлением пальцы, неохотно продекларировал:

— А живем ли — для Господа живем; умираем ли — для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, — всегда Господни¹. Разве в смерти есть какая-то Его цель, Людвиг? Разве Он не любит нас? И если любит, то почему то и дело я в пути натываюсь на трупы?

— Я не настолько мудр, чтобы обсуждать законы жизни и смерти. Все рано или поздно умирают.

Бродящее по колючим кустам Пугало остановилось и поддержало меня горячим кивком. Оно было не против, чтобы умирали. И желательно как можно скорее.

— Если бы я только мог плакать, то уже выплакал бы все слезы за тех, кто мертв, — между тем прошептал мой спутник. Сейчас он выглядел очень старым, уставшим и больным. Словно был не светлой душой, которая не чувствует ни холода, ни простуды, ни голода, а живым человеком.

— Ты сегодня настроен слишком мрачно. Есть основания? — осторожно поинтересовался я.

— Просто дурное настроение. Даже у таких, как я, оно случается. Скажи, тебя не тошнит от смертей? Вокруг нас всегда кто-нибудь расстается с жизнью. Не важно, плохой он или хороший. Сегодня чаша моя переполни-

¹ Рим. 14, 8.

лась и мне в кои-то веки жалко все человечество. Должен хоть кто-то скорбеть о нем.

Я убрал кинжал в ножны и отошел от ямы с мертвецом, душа которого несколько минут назад отправилась в ад.

— А мне кажется, причина в ином. Ты как с утра завел речь о темном кузнеце, так и успокоиться не можешь.

Он раздраженной сорокой глянул на меня, поджал губы:

— Этот тип опаснее стаи бешеных волков, но ты, как дурак, продолжаешь лезть на рожон. Ты будто потерял осторожность и забыл о случившемся в Крусо. Мне в двадцатый раз придется напомнить тебе о Кристине.

— Я не забыл! — Это получилось куда более резко, чем я хотел, но старый пеликан мог бы и промолчать.

Стоило закрыть глаза, и я видел заброшенное фермерское поле, на котором, точно золотые цветы, пылали огромные костры. Обугленные трупы, едва дышащая Криста и ее последние слова... Она умерла до наступления рассвета, так больше и не проснувшись. Я упустил тот момент, когда ее неглубокое дыхание остановилось, и просидел рядом с телом, пока не замерз.

С рассветом из Крусо приехали церковники. Среди них был и Роман. Он ничего мне не сказал, просто протянул флягу с крепким наرارским бренди и поспешил к сгоревшей ферме. Я глотал напиток, обжигающий губы и язык, а вокруг суетились инквизиторы, по периметру территории выстраивалась цепь из копейщиков городской роты.

Золотые костры к тому времени почти погасли, но к ним все еще никто не осмеливался приблизиться, такой они источали жар. Трупы хагжита и наемника погрузили на подъехавшую телегу, хотели сделать то же с Кристиной, но я так рыкнул на какого-то монашка, что от меня отстали до решения легата кардинала.

Роман вернулся, сказал, чтобы тело стража оставили в покое, и протянул мне кирку, себе оставив лопату. Мы направились к находящейся на невысоком пригорке березовой роще и начали рыть могилу.

Земля была промерзлой, и каждый удар по ней болью отдавался у меня в ладонях, но я не останавливался, и, когда мы закончили, кожа была стерта в кровь, а спина ныла. Я принес Кристину на руках, она оказалась маленькой и удивительно легкой. Цыган тем временем соорудил из двух молодых березок крест. Когда над могилой появилась горка земли, а Проповедник дочитал заупокойную, я протянул кинжал Кресты, которым та владела так недолго, Роману:

— Поприсутствуй при уничтожении, пожалуйста. Ты ведь можешь выступать как официальное лицо?

Он кивнул, убрал оружие, спросив:

— А что будешь делать ты?

— Уеду прямо сейчас. Возвращаюсь в Арденау.

Но цыган воспротивился этому:

— Извини, Людвиг, не получится. У нас слишком много вопросов к тебе. Придется ответить на них. — И, видя, что я колеблюсь, с нажимом произнес: — Лучше, чтобы это произошло в моем присутствии.

Он был прав. Спешить мне все равно уже некуда. Я не следопыт и не ищейка. Нагнать Вальтера, а я уверен, что он остался жив, так как его тело не нашли, или самого кузнеца — не выйдет.

Я рассказал им сказку о колдуне, который избавился от своих поделничков и сбежал. Писарь все аккуратно занес в бумаги, а двое клириков в серых рясах лишь кивнули на прощанье да ушли.

Когда мы прощались, Роман негромко заметил, глядя в сторону:

— Я многое знаю о волшебстве и других силах, Людвиг, но случившееся здесь и на площади Крусо приводит меня в дрожь. Он не смог уничтожить кардинала Урбана лишь потому, что мы были готовы, и благодаря ковчезцу со святой реликвией. Именно эта сила остановила золотое пламя. Но и ее он едва не преодолел. Кто этот человек? Чего он хотел? Почему сперва напал на площади, а затем прикончил этих заговорщиков?

Он все еще ждал правды, которую я не сказал.

— Поговори с ди Травинно.

— Человек, имеющий все шансы стать следующим Папой, вряд ли мне что-то расскажет. — Цыган невесело усмехнулся в усы.

— Про кардинала Урбана твердят то же самое. Кто-то из них двоих может стать Папой, если переживет нынешнего. Поговори с ди Травинно, — вновь повторил я. — Ему известно больше, чем мне.

— Его высокопреосвященство направляет меня с докладом в Риापано. Хочет, чтобы его святейшество услышал факты, а не слухи, что уже бегут по дорогам, обгоняя друг друга.

— Пусть Урбан больше не носит глаз серафима у себя на шее. Снимет и спрячет как можно лучше. И дальше.

Чуть золотистые глаза цыгана стали задумчивыми:

— Весь сыр-бор из-за этого булыжника? Считаешь, что убивший людей на площади и здесь — приходил за ним?

— Да. И Вальтер тоже так думал. Избавь кардинала от этой вещи. Увези камень в Риापано, под защиту святых стен. Спрячь в самое глубокое хранилище.

— Урбан упрям как мул. Боюсь, даже у меня не получится убедить его.

— Тогда хотя бы пусти слух, что глаза серафима у кардинала больше нет. Мол, обет завершен. Иначе тот, кто зажег огонь, снова вернется и на этот раз достигнет своей цели.

— Какой? — быстро спросил Роман.

Я лишь в который раз повторил:

— Ди Травинно знает больше меня.

Я видел, что он решает, как со мной поступить. Ему хотелось получить ответы прямо сейчас, по горячим следам. Но имя, которое я ему называл, значило многое и имело вес. Так что церковник неохотно вздохнул, поджал губы, защищаясь от холодного ветра, запахнул плащ пилигрима:

— Бог с тобой, ван Нормайенн. Иди с миром.

Мы распрощались, и каждый направился своей дорогой. Он на юг, я на север — и за первые две недели марта добрался до герцогства Удальн.

Клагенфурт — третий по величине город в государстве — был у меня на пути, но я наткнулся на темную душу, и пришлось сойти с тракта.

Теперь меня окружал просыпающийся после долгого зимнего сна лес. Весенний, едва стяхнувший с себя наваждение холодов, серо-белый и голый. На маленькой полянке из-под еще не сошедшего снега пробивались сотни бледно-лиловых крокусов. Новая жизнь без всякого отвращения соседствовала со смертью.

— Мертвеца закапывать будешь? — Проповедник видел, что я собираюсь уходить.

— Чем? Лопаты все равно нет. Он больше не причинит неприятностей живым.

— Ну, значит, его похоронят лисы да другие твари Божьи.

Я поднял со снега прямой, тяжелый рейтарский палаш с S-образной гардой и свой потертый, промокший с одной стороны от снега рюкзак. Из леса пришлось выбиратья по своим же следам. Мое сопровождение поотстало, Проповедник что-то толковывал Пугалу, а то делало вид, что рядом с ним пустое место, что страшно злило старикана.

— Чего вы там не поделили? — обернулся я, выйдя на размокшую дорожку.

Впереди виднелась какая-то деревенька, справа серые, еще не обработанные поля и снежные проплешины на них, а слева огороженные редким частоколом пустые выпасы.

— Пытаюсь достучаться до нашего придурковатого молчальника. Быть может, он объяснит тебе, что играть в догонялки с неизвестным опасно для здоровья!

— Неизвестный — вот ключевое слово. Я не знаю, кто он такой, как выглядит и чего хочет. Не говоря уже о том, в какую сторону кузнец направился после того, как сжег ферму. В Клагенфурт я спешу совсем по другому делу.

— Да кому ты зубы заговариваешь?! Между прочим, я твоя невидимая совесть. И не надо смеяться! — Последние слова старого пеликана были обращены к Пугалу. — Я больше, чем ты, хожу с ним и...

— Проповедник, ты как ревнивая жена, — укорил я его. — Дай соломенной голове повеселиться. Он уже вторую неделю ходит смурной.

— Да все мы не рады тому, как обстоят дела. Если Кристина была права и кузнец действительно намеревается распахнуть адские врата, то впору отправляться в церковь да замаливать свои грехи перед Господом, так как конец света, увы, не за горами. А насчет тебя мне давно все понятно. Одно другому не мешает. Я ведь знаю, зачем тебе в Клагенфурт. Там живет дочь колдуна Вальтера.

— И я обещал Кристине, что доставлю ее в Арденау.

Проповедник открыл рот, с неохотой закрыл его и потянул впивающийся в шею воротничок сутаны.

— Не держи в себе. Скажи, — подтолкнул я его.

— Не по-божески такое вслух произносить.

— Когда подобные пустяки останавливали твоё брюзжание? — Я не мог скрыть иронию, и он пробурчал, не глядя на меня:

— Нечего связываться с отродьем колдуна. В моих краях таких топили сразу после рождения. Как котят. Очень жестоко, конечно, но зато потом проблем меньше было.

— Эм... — Я перепрыгнул через лужу. — Ты мне рекомендуешь убить невинного ребенка?

— Это он пока невинный. А как научится проклятья насыпать да дождь из жаб вызывать... Я видел, какая скотина Вальтер. Почему дочь должна быть лучше? Яблоко от яблони...

— И мне ее утопить? — с нажимом спросил я.

Он стусевался и пошел на попятную:

— Нет. Это я так... Не по законам Его наказывать тех, кто ничего не совершил. За поступки отца она точно не должна отвечать.

— Ну вот ты сам все и сказал. Тема закрыта.

На окраине деревни, по соседству с трактом, примостилась почтовая станция. Среди весеннего бездорожья, грязи, луж и талого снега домик с крышей из темной черепицы казался очень уютным местечком.

Какой-то дилижанс, выглядевший довольно богато для этих мест, запряженный четверкой игреневого лошадак, как раз собирался отправляться.

— Нам везет. — Я вскинул руку, привлекая внимание возницы, забравшегося на козлы.

— Только для благородных, парень! Взять не могу! — отмахнулся тот. — Через два часа пойдет общественный дилижанс.

Мне совершенно не улыбалось торчать здесь, так что я воспользовался своим правом:

— Я из Братства.

Он неохотно глянул из-под широкополой войлочной шляпы и увидел сапфир на кинжале. Знал, что отказывать не резон. Многие страны давно заключили соглашение с Арденану — стражи имеют право перемещаться на любом виде транспорта, даже в графской карете, если это требуется для их работы. Городские управы обязаны предоставлять им место в дилижансах, а если такого не найдется, то помогать с покупкой лошадей.

— Тогда ладно. Залезай. Но оплата у нас дороже. Пол флорина серебром.

Проповедник присвистнул:

— А может, им еще сплясать? Это же грабеж, Людвиг! Вам пора уже было решить вопрос о бесплатном проезде! До города меньше четырех часов! За что такие деньжищи?! Или это передвижной бордель?

Не знаю, с чего он решил считать мои монеты. Брал бы пример с Пугала. То уже вскарабкалось на козлы, а с них на крышу, собираясь прокатиться с ветерком.

Я заплатил вознице, повернул массивную ручку и забрался в дилижанс. Просторный, с мягкими кожаными лавками, бархатной обивкой стен, позолоченными клепками и фигурными хрустальными светильниками на правой стенке.

— Доброго дня, — поприветствовал я пассажиров.

Их было двое. Немолодой мужчина с крупной, бочкообразной грудью, редкими волосами, густыми баками, в дорогом костюме, с золотой цепью на шее. И совсем еще юная девушка, белокожая, хрупкая, с каштановыми волосами. Судя по внешнему сходству, они были родственниками. Или отец с дочерью, или дядюшка с племянницей.

Господин посмотрел на меня хмуро. Одежда на мне была добротная, но явно не подходила для благородного, а следовательно, мне не пристало находиться рядом с ними. Прежде чем он указал на дверь, его спутница мягко наклонилась:

— Это скорый дилижанс Клагенфурта, созданный для уважаемых жителей поместий Ваугта и Доргельбау. Он не берет сторонних пассажиров.

— Благодарю вас...

Я сделал многозначительную паузу, и мужчина поколебался, прежде чем назвал себя:

— Господин Клаус фон Демпп, ландрат¹ Доргельбау. А это моя дочь Ульрике. Кто вы?

— Я Людвиг ван Нормайенн, из Братства, — представился я и обратился к девушке: — Если бы не важные обстоятельства, я не побеспокоил бы вас, госпожа.

Ландрат неохотно кивнул:

— Страж имеет право путешествовать с нами, Ульрике.

Дочь улыбнулась:

— Простите, господин ван Нормайенн, мою грубость. Я не знала. В прошлый раз в наш экипаж забрался какой-то странствующий студент в цветастом плаще, и отец выбросил его на обочину.

Клаус фон Демпп заворчал, словно старый пес. Ему явно было неприятно вспоминать об этом.

— Вы тоже направляетесь в Клагенфурт?

— Совершенно верно, госпожа.

— Были когда-нибудь там?

— Ульрике, — укорил ее ландрат. — Твоя назойливость бестактна.

Девушка виновато опустила глаза:

— Простите, господин ван Нормайенн. Я совершенно не думала вам досаждать.

— Какое милое дитя! — восхитился Проповедник, все это время сидевший рядом.

— Ну что вы. Вы мне совсем не досаждаете, — ответил я, про себя отмечая, насколько мягко двигается карета. — Я никогда не был в Клагенфурте.

— Поверьте, вы не разочаруетесь. Очень красивый город, особенно его старая часть. Ну и сады герцога возле летнего дворца. Жаль, что сейчас не апрель, когда все начинает цвести. Вы ведь из Альбаланды? В вашей стране много тюльпанов.

Я кивнул. Именно моряки-альбаландцы привезли первые тюльпаны от хажитов.

— Если вы не знаете, где остановиться, то таверна «Два сердца и шпага» лучшее место в городе.

Проповеднику пришла в голову кое-какая мысль, и он ее тут же озвучил:

— А может, это и не милый ребенок. Может, она настолько сошла с ума от настоящего живого стража, что ночью ты обнаружишь ее у себя в постели. А потом папочка приберет твою содранную кожу к своим воротам.

Я, как водится, оставил его слова без внимания:

---

¹ Глава района, одна из руководящих должностей дворянского собрания провинции.

— Воспользуюсь вашей рекомендацией, спасибо.

Фон Демпп благосклонно улыбнулся, отвернулся к окну. Его дочь, подложив под голову атласную подушку, прислонилась к стенке и задремала. А спустя уже полчаса крепко спала.

Ее отец, отвлекшись от созерцания весенних пейзажей, вновь заинтересовался мной и спросил негромко, чтобы не разбудить девушку:

— Вам известно, что в Клагенфурте напряженная обстановка?

Я удивленно поднял брови:

— Нет. Но если там не все так безоблачно, зачем вы туда едете? И тем более везете ее?

— Ландраты должны присутствовать на совете городской управы. А Ульрике... Хочу отправить ее к тетке, в Бьюргон, подальше отсюда. В Клагенфурте она останется на одну ночь, а затем уедет первым же дилижансом. Если честно, не думаю, что в городе что-то случится. Слава богу, это не Лисецк.

— В чем проблема?

Тот тяжело вздохнул:

— Клагенфурт — город ремесленников. Он триста лет процветает благодаря своим мастерам, гильдиям и товарам. Цеха вечно враждовали между собой за вольности, поставщиков, внимание знати да деньги клиентов. Но теперь гильдии в первый раз объединились и начали мутить воду. Они недовольны тем, что вскоре должно произойти. Вы ведь знаете, что наш герцог увеличил плату со всех северных городов из-за нового армейского налога?

— Нет. Я редко бываю в Удальне. Намечается война?

— Обострения на границе с Лезербергом из-за угольных шахт. В январе несколько мелких стычек. — Он рассеянно погладил золотую цепь на шее. — Надеюсь, этим все и ограничится, но его светлость на всякий случай решил уделить внимание армии. Моя страна ни с кем серьезно не воевала вот уже тридцать лет. Герцог покупает флотоллийские аркебузы и пушки. И набирает шесть новых рейтарских полков для усиления границы. Сами знаете, в какие суммы обходятся подобные реформы.

Я знал. Лошади, клинки, кирасы, порох, ядра, фураж, жалование солдат, привлечение наемных частей и прочее, прочее, прочее выльются в итоге в гору золотых флоринов.

Сегодня я был склонен к подозрениям и отметил для себя, что приграничный конфликт возник очень быстро после того, как его светлость передал под опеку Геры Эрика. Если вспомнить, что Орден имеет довольно серьезное влияние в Лезерберге и не может мстить Риапано, в отличие от герцога, которого можно подергать за усы...

Заговор вырисовывается занимательный.

Если моя теория верна, не думаю, что будет кровопролитная война. Князь Лезерберга, конечно, дружен с законниками, но не настолько, чтобы развязывать серьезный конфликт, терять людей и деньги.

— Мастеровые не желают оплачивать войну. Даже скоротечную, — понял я.

— Не желают. Урожай в прошлом году был плохой, цены на продукты выросли. Той весной уже повышали налог на армию, теперь происходит то же

самое, но деньги требуют большие. Но воду, господин ван Нормайенн, мутят отнюдь не мастеровые, а главы гильдий. С тех, кто торгует шелком, шерстью и хагжитскими пряностями, налог берут немалый. И конечно же никто из них не желает распахивать сундуки с золотом и отдавать тридцать процентов своего годового дохода.

— И поэтому гильдии предпочитают тыкать зажженным факелом в со-
лону.

— Очень точно сказано, страж. Простой рабочий люд вспыхивает, как порох. Нужна лишь метко брошенная искра.

Он покосился на спящую дочь, и на его лице впервые появилось тревожное выражение.

— При каких обстоятельствах следует ждать неприятностей? — спросил я.

— Если совет ландратов одобрит налог.

— Слова его светлости разве недостаточно?

— У Клагенфурта ряд вольностей, которым уже несколько веков. Сперва ландраты обязаны подтвердить, что принимают налог. После их голосования городская управа из восьми избранных уважаемых жителей подписывает бумагу и отправляет ее бургомистру. И только после его печати, обязующей чиновников собрать подати, начинает действовать приказ герцога.

Я усмехнулся, вспоминая его светлость Рихарда фон Заберга. Нрав у этого правителя был не то чтобы мягкий.

— И как часто благородные люди из ландратов вашего региона идут наперекор властелину страны?

Он вернул мне усмешку:

— Никогда.

— Сплошная никому не нужная бюрократия, — презрительно скривился Проповедник.

— Ваше решение всего лишь формальность. Вы поддержите налог.

Фон Демпп развел руками:

— Иного способа все равно нет. Нам нужна сильная армия, для этого требуются деньги. И лучше столкнуться с недовольством черни, чем с обвинением в государственной измене. Гильдии сеют смуту, но я уверен, что у них не хватит духу начать бунт. Бургомистр хорошо платит стражникам.

— Их меньше, чем горожан, — резонно возразил я ему.

— Конечно. Но совет ландратов еще в сентябре одобрил наем двух рот кондотьеров. Это почти пятьсот хорошо обученных солдат.

Угу. Хорошо обученных убийц. Кондотьеры серьезные рубаки, но северян они никогда не любили и частенько меняли хозяев. Лично я не поручусь, что, если в городе закипит, они останутся верны бургомистру. Вполне возможно, вместо того чтобы подавлять бунт, наемники пойдут грабить и насиловать.

— А кроме них? — поинтересовался я. — Есть в городе регулярные части?

— Да. Рота латников и бригада легкой кавалерии. Уверен, армия подавит любые волнения.

Я хмыкнул.

— В Лисецке тоже так думали. Народ затоптал солдат, — напомнил я ему. — Когда случается бунт, люди перестают быть людьми и превращаются в жаждущую крови толпу.

— Я их не боюсь, — рассмеялся он.

А зря.

— Когда собирается совет?

— Послезавтра в полдень. Перед этим отправлю Ульрике к сестре.

— Позвольте вопрос?

— Пожалуйста.

— Вы рассказали мне все это с какой-то целью. Рассказали, хотя не любите таких, как я. И не слишком возражали, когда ваша дочь пригласила меня в ту же таверну, где собираетесь остановиться и вы. Почему?

Несколько секунд он изучал меня, затем, признавая правоту моих слов, неохотно произнес:

— Мой отец называл вас компанией, собранной из беспризорников без роду и племени. Мелкими зверьками, из которых выращивают псов, натасканных и подготовленных для убийства. Его злило, что нам, благородным, зачастую приходится считать вас ровней и спускать многое из того, что непозволительно другим.

Я знавал подобных господ. Их страшно бесит, что у людей вроде меня есть возможности, которых нет даже у владельцев. Например, долгая, пускай и в теории, жизнь. Или право ехать с ними в одной карете. Кое-кто из баронов и ландратов решительно не может вытерпеть подобную, на их взгляд, несправедливость.

— Слышал подобную точку зрения. Она довольно быстро меняется, стоит лишь во влиятельном доме случиться необъяснимому. Тогда все принципы отменяются, и благородные господа зовут таких, как я.

— Вполне понимаю вашу иронию. — Он не показал, что ему обидны мои слова. — Но в моей стране дворяне ревностно относятся к своему положению и привилегиям. Так что, простите, господин ван Нормайенн, мало кто стерпит присутствие стража в экипаже для благородных господ. Если, конечно, сам страж не является носителем высокой крови, как двое детей нашего герцога.

Проповедник хмурился. Ему не нравилось, что его спутника считают человеком второго сорта. Старый пеликан давно привык, что лишь он может выражать недовольство моими поступками.

— И тем не менее я еду рядом с вами.

— Законы. — Его улыбка как бы говорила мне, что, не будь их, мы бы не беседовали. — К тому же я гораздо терпимее своего отца и куда меньше кичусь благородной кровью. Времена изменились.

Он откинулся на мягкую спинку кресла и вновь стал изучать проплывающий пейзаж. Но я кашлянул, привлекая к себе его внимание.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, ландрат. Если общество стража вам не слишком приятно, то почему не ограничить наше знакомство дилижансом?

— Из-за нее. — Фон Демпп кивком указал на спящую дочь. — Она всегда мечтала увидеть человека из Братства.

Сочтя, что этого ответа достаточно, ландрат сделал вид, что забыл обо мне.

— Ложь, — пропел мне на ухо Проповедник. — У этой благородной пакуды на роже все написано.

Я ободряюще кивнул, мол, выскажи свои предположения.

— Он считает, если что-то вдруг действительно начнется, то страж под одной с ним крышей защитит его семью. Вас же обычно не трогают.

Я вспомнил бунт в Лисецке, озверевшую толпу и то, как мы с Гансом улепетывали по улице. У тех, кто гнался за нами, как-то выскочило из головы, что стражей лучше не трогать.

Так что, мне кажется, фон Демпп зря надеется на защиту того, кого не слишком-то жалуется.

Пугало весь вечер проторчало возле окна. Оно напоминало лисицу, почуявшую близость цыплят, и теперь во всей его позе сквозило предвкушение. А предвкушать Пугало могло только одно — развлечения, которые частенько были у него довольно однобоки и для всех остальных заканчивались кровью и смертью.

Я тоже чувствовал напряженную обстановку в городе. Атмосфера тревоги растекалась по улицам, заползла в дома, а следом за ней, на мягких лапах, следовал пока еще невидимый, но уже ощущаемый страх. Кроме этих двух вечных спутников был еще кое-кто. Но столь призрачный, что я не готов был поручиться, что слышал шорох плаща и видел блеск луны на лезвии косы.

Люди выглядели нервными, шептались, косились на усиленные патрули стражи и наемных рот. За час до сумерек город закрыл ставни и захлопнул двери. Улицы опустели.

Когда стемнело, я зажег свечи, Проповедник присоединился к Пугалу возле его наблюдательного пункта, проводил взглядом десяток солдат в кирасах, с алебардами и факелами и высказал в общем-то здравую мысль:

— Уезжай, пока не началось. Опереди события, залезь в карету, запрыгни на лошадь, используй ноги, но беги. Времени у нас мало. Потом ландраты, точно глупые гуси, поддержат закон герцога, и, если главы гильдий хорошо обработали мастеровых, начнется погром.

— Проповедник, ты меня поражаешь своими тактическими решениями. — Я как раз снимал сапоги. — Я не могу уехать прямо сейчас и без дочери Вальтера.

— Святой Лука! Ты хоть и здоровый, но вроде не тупой! Так забери ее! Немедленно!

— Не выйдет. Их дом в Мельничьем колесе. Знаешь, что это такое? Внутренняя городская стена. Со всей ерундой, что творится, ворота закрываются за час до заката. Я узнавал у хозяйки. До утра туда не попаду. Так что расслабься. К тому же мне никто так просто ничего не отдаст. С утра следует оформить документы.

Он хлопнул себя по лбу:

— Ах, ну да! Ведь чтобы не прицепился Орден, требуется какая-то бумажка... как ее там?

— Право передачи родственника Братству. С подписями родителей, или попечителей, или опекунов, если только это не круглая сирота. Тогда попечителем выступает любой священник. Также требуются печати, разрешения и заверения. Да еще мать следует уговорить.

— Да отойди ты отсюда! — с раздражением обратился Проповедник к Пугалу. — На улице тьма хагжитская. Ни черта не видно.

Оно даже не шелохнулось.

— Почему Вальтер так уверен, что у его ребенка есть дар? — вновь перескочил старый пеликан на беспокоившую его тему. — Разве темные души не должны были уже найти ее?

— Если дар проявился несколько месяцев назад, то нет. Он слишком слаб. Потребуется год или два, чтобы он развился и привел к проблемам. Пока ребенок мал, темные души ему не страшны. До девяти лет точно.

— Но в Братство вы берете чуть ли не с пяти.

— Просто и мы, и Орден предпочитаем забирать детей как можно раньше, чтобы научить их как можно лучше.

— Ты ведь не только заботишься о ребенке со способностями, да?

Порой Проповедник становился очень проникательным. Я не ответил, и он едва слышно хмыкнул:

— Девочка станет заложницей в Арденау?

— Она станет ученицей. С такими же правами, как и у всех остальных детей. Но если через нее магистры смогут надавить на Вальтера, то я не сомневаюсь — они сделают это.

Он молчал, обдумывая услышанное, и я завалился на кровать, предупредив его:

— Последний вопрос. Мне, в отличие от тебя, приходится спать.

— Как ты думаешь, зачем он просил Кристину забрать дочь в Арденау? Почему не в Орден, с которым колдун сотрудничает?

— Это целых два вопроса. — Прежде чем ответить, я положил руку под голову. — Ну, если верить истории о том, что темный кузнец заплатил какому-то законнику темным кинжалом, чтобы тот в обмен отдавал ему клинки стражей... Вряд ли Вальтер сильно жаждет, чтобы его ребенок оказался в месте, полном гадюк.

— А мне кажется, что это попытка искупления. Или откупа. Это уж как тебе больше нравится. По его вине погибли несколько стражей, и теперь он отдает свое дитя в Братство.

— Проповедник, порой ты слишком хорошо думаешь о людях. Давай спать...

— Людвиг! Вставай! — Старый пеликан орал мне прямо в ухо. Такие вопли даже каменного идола подняли бы, не то что меня.

Мало что соображая со сна, я сел на кровати.

— Какого черта?! — довольно зло спросил я у него.

Комнату заполнял бледно-алый свет, льющийся из окна, и силуэт Пугала, прилипшего к стеклу, был, несмотря на глубокую ночь, прекрасно различим. Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что означает это зловещее зарево.

— Твою мать! — в сердцах сказал я, поспешно одеваясь. — Началось!

— Пожар? Ну да. Горит уже несколько минут.

— Какой, к чертям собачьим, пожар?! Это бунт.

— Иисусе Христе! — перепугался тот. — А ты не путаешь? Совет по вопросу принятия налога ведь еще не собирався!

— И не соберется. Гильдии не стали ждать. Черт! Как же не вовремя!

Я услышал крики на улице, выглянул вниз, увидел фигуры с факелами. Почти с десяток пытались выбить дверь в соседнем доме, используя для этого дубовую лавку. Еще несколько человек бросились к таверне.

— Просто прекрасно! — Я оставил рюкзак на месте, забрав из него лишь деньги.

— Чего они хотят?

Пугало на вопрос старого пеликана красноречиво провело пальцем по горлу.

— Чего обычно желают люди, когда наступает беззаконие? Убить, ограбить, сломать, поджечь и изнасиловать. Не поручусь, что именно в таком порядке. — Я взял лежащий на столе палаш, пожалев, что нет при себе пистолетов. — Горожане одуреют от крови и вседозволенности и устроят такое, чего постыдились бы банды ландскнехтов.

— Но это же их город! Они же не солдаты, которые берут его штурмом! Им здесь жить!

— Когда подобные мелочи кого-нибудь останавливали? Превратиться из примерных горожан в кроважидное стадо — дело нескольких минут. Лисецк тому примером.

По лестнице застучали сапоги и башмаки.

— Он здесь? — спустя несколько секунд грубо спросили за моей дверью.

— Нет! В конце коридора. Там лучшие комнаты. — Я узнал хриплый голос хозяйки.

И он был отнюдь не испуганным.

Вновь топот. Компания направилась прочь.

Мы с Проповедником переглянулись, так как оба знали, кто снял большие апартаменты.

Загрохотали кулаки.

— Открывай, чертов ландрат!

— Господи! — кротко вздохнул Проповедник. — За что, Господи?!

Пугало проворной крысой уже юркнуло наружу. Оно не желало пропустить ни секунды происходящего действия.

— Ты должен помочь! — неожиданно сказал старый пеликан.

Взявшись за засов, я все же не удержался от колкости:

— На тебя это не похоже. Обычно ты умоляешь не вмешиваться.

Я вылетел в плохо освещенный коридор в тот момент, когда мастеровые высадили дверь и с ревом вломились к ландрату. Почти тут же раздался высокий, пронзительный девичий крик.

Хозяйка «лучшей таверны в городе» оказалась у меня на пути. Рядом с комнатами она присутствовала не без причины. И дураку понятно, кто сооб-

щил о важном постояльце и привел жаждущих расправы горожан. Я не церемонясь отшвырнул ее в сторону, к стене, шагнув внутрь.

Помня Лисецк, я не собирался допускать тех же ошибок, что мы совершили с Гансом в прошлый раз. Беседы и увещевания здесь бесполезны.

Их было шестеро. Один держал вырывающуюся из его рук кричащую девчонку, двое повисли на плечах ландрата, а их товарищ безостановочно тыкал сапожным ножом благородному в грудь и живот.

Остальные наблюдали.

Мой палаш со свистом рассек воздух, опустился на плешивую голову ближайшего парня, расколов череп с противным звуком и разбрызгав мозг и кровь во все стороны.

— Какого че... — Товарищ убитого начал оборачиваться, и я ударил с отшагом назад, концом клинка, перерубив ему гортань, так что вместо того, чтобы произнести оставшиеся звуки, человек лишь захрипел, пытаясь зажать руками рану.

Убийца с сапожным ножом бросился на меня. Через мгновение к нему присоединились двое других, наконец-то отпустившие уже мертвого ландрата. Они отцепили от поясов мастерские топорик¹, решив, что втроем без труда меня одолеют.

Четвертый, самый здоровый, продолжал держать девчонку.

Судя по нашивкам гильдий на куртках, они были сапожниками и шорниками. Ребята умели нападать толпой да дубасить одиночек, но по тому, как они двигались и мешали друг другу, становилось ясно, что с хорошо вооруженным человеком до этого никогда не сталкивались. Я отступил в коридор, обеспечив придуркам выход через узкую дверь поодиночке.

Первый сунувшийся ко мне упал на пол с перерубленной ключицей, двое других сразу же отступили назад, понимая, что так просто меня не взять. Я не дал им времени на то, чтобы придумать какой-нибудь план действий.

Атаковал одного, он парировал топориком, но мой тяжелый клинок заставил его отшатнуться. Я, сократив дистанцию, режущим движением палаша полоснул его по руке, повернувшись на левой ноге, что есть силы ударил гардой в лицо, круша зубы и челюсть.

Тут же присел, вскидывая палаш вверх и защищая голову от удара чело-века, подскочившего ко мне сбоку. Пнул его ногой по колену, промазал, перехватил руку и всадил широкий палаш между ребер, так что он выплюнул кровь прямо мне в лицо.

Мой клинок застрял, я, чертыхаясь, оттолкнул мертвеца, и, пока вытирал рукавом кровь, попавшую на веки, оставшийся в живых мастерской начал действовать.

Он швырнул в меня Ульрике. Я поймал ее, точно мяч для игры в квил-чио, хоть как-то смягчив падение, а после мне уже стало не до того, чтобы проверять, как чувствует себя дочь погибшего ландрата.

Я не самый маленький человек в мире, но этот детина походил на гору. Он оказался молодым черноволосым парнем, крайне разозленным тем, что я

¹ Мастерской топорик — небольшое оружие с тонким лезвием, которое обычно носят за поясом, по аналогии с кинжалом. Является необходимым атрибутом ремесленников отдельных мастерских гильдий.

устроил здесь самую настоящую мясную лавку, разделив на грудинку и бекон его товарищей. У противника не было никакого оружия, но каждый из его кулаков напоминал молот, а руки были достаточно длинными, чтобы не давать мне воспользоваться кинжалом.

Мастеровой оказался очень подвижен и умело загонял меня в угол. Оставалось лишь уклоняться, ощущая, как ветер то и дело пронесится рядом с лицом. Я пытался зацепить клинком по его запястьям, но не успевал, так быстро мелькали его оглобли.

Я едва не споткнулся об одно из тел, и он, с ревом оказавшись рядом, схватил меня за грудки и кинул. Перелетев через стол, я грохнулся на пол, радуясь, что мне противостоит все же любитель, а не опытный боец, который бы не швырялся мной, а уже сломал шею.

Ульрике с отчаянным воплем прыгнула великану на спину, замахнулась, и я увидел в ее руке мастеровой топорик. Первым ударом она отрубила парню правое ухо, вторым рассекла лицо. Но эти раны, пускай и кровавые, не убили его.

Ремесленник, вопя, сгреб ее за шкуру здоровой лапищей, отбросил от себя, точно надоедливое насекомое. Пока он, забыв обо всем на свете, пытался нахарить в полутьме собственное ухо, я оказался рядом, оттянул его подбородок вверх, натягивая кожу на шее, и одним движением перерезал горло.

— Подыхай, мразь! — плюнула ему в лицо дочь ландрата в разорванном платье.

На улице гулко забил набат, и его звон подхватили колокола других церквей.

— Тревога? — Проповедник, в отличие от ходящего по лужам крови Пугала, стоял в дверях.

— Нет, — ответил я ему. — Призыв выйти на улицу всем, кто еще остается дома.

Я убрал кинжал в ножны, с большим трудом вытащил палаш из мертвеца. Один из мастеровых, тот, кому я разбил лицо, все еще был жив. Я, не глядя на него, подошел к девчонке, стоявшей на коленях возле мертвого ландрата:

— Нам следует уходить, госпожа фон Демпп. Пока еще не поздно.

Она обернулась ко мне, и я увидел, что ее щеки мокрые от слез.

— А отец?

— Думаю, он бы не хотел, чтобы вас схватили.

Мне показалось, что она откажется и придется волочь ее силой, но девушка кивнула:

— Да. Вы правы... Конечно, вы правы.

Мы вышли в коридор в тот момент, когда снизу раздались истеричные вопли хозяйки:

— Быстрее, олухи!

Я взял Ульрике за руку, потянул за собой, в противоположную от выхода сторону. Здесь, в закутке, была еще одна лестница, заканчивающаяся люком, ведущим на чердак.

На нем висел хлипкий замок, я выломал его с помощью палаша, используя тот как рычаг. Толкнул крышку от себя, забрался, помог девушке.

Сквозь окошко проникало алое зарево, бросая узкую полоску света на дощатый пол. Я увидел сваи, несколько ящиков, лопату и поломанные грабли. Ящики, на наше счастье, оказались тяжелыми. Я приволок их, поставил на люк. Это должно было задержать преследователей на какое-то время.

— И что теперь? — негромко спросила Ульрике.

— Вы боитесь высоты?

— Не знаю, — нахмурившись, ответила она. — Хотите сбежать по крыше?

— Ничего другого не остается.

— В городе ведь тоже опасно, да?

— Там, по крайней мере, не знают, что вы дочь ландрата. Ваша юбка... — Я указал на порванную ткань. — Будьте осторожны, пожалуйста.

Она быстро кивнула:

— Со своим платьем я совладаю. Просто не бросайте меня.

Я распахнул окно, выбрался наружу. Следом за мной вылезла девушка. Охнула, закачалась, теряя равновесие из-за поехавшей под ногой черепицы, и я тут же подхватил ее под локоть:

— Держитесь! Не смотрите вниз!

Она хотела мне ответить, но налетевший порыв холодного мартовского ветра заставил ее вздрогнуть. На ней было лишь легкое платье, совершенно бесполезное по такой погоде.

На двух городских звонницах били в набат, слышались ослабленные расстоянием крики, хлопки выстрелов из аркебуз. Я быстро осмотрелся, поставившись оценить обстановку.

На окраинах, у внешней стены и за ней, в пригородах, все было спокойно. Казалось, тамошние жители и не подозревают о том, что творится в других частях города. Ближайший пожар бушевал на соседней улице, и горело там очень хорошо. Языки пламени порой взлетали выше крыш — скорее всего, бунтовщики подожгли какие-то склады.

Я насчитал двенадцать пожаров, разбросанных по всему городскому центру, старым кварталам, мастеровым цехам. Уверен, что это не конец, а лишь начало.

— Как мы спустимся? — спросила меня Ульрике.

— Должна быть лестница. Идемте!

Я подвел ее к краю крыши, обернулся, проверяя, нет ли преследователей. Все было тихо. То ли они не догадались, куда мы делись, то ли все еще не могли открыть люк.

На дальней крыше я уловил движение — нечто небольшое и темное забралось на выступающий карниз и жадно нюхало воздух. Нечисть чувствовала смерть, выползала из укромных щелей, чтобы принять участие в кровавом пире. Уверен, что скоро дадут о себе знать и темные души. Как старые, так и новые, появившиеся в эту ночь. Нас тварь не замечала, все ее внимание было приковано к тому, что происходило на соседней улице.

— Людвиг! — окликнул Проповедник. — Вот тут можно слезть.

Эта сторона дома смотрела во внутренний двор. Я увидел небольшой балкончик, на который было нетрудно спрыгнуть, а с него вполне реально перебраться на скошенную крышу сарая.

— Я не смогу, — прошептала девушка, стоило ей оценить расстояние.
— Можете! — возразил я. — Другого пути нет. Я пойду первым, затем поймаю вас. Хорошо?

Она с сомнением кивнула.

Я отстегнул палаш, бросил его вниз, и она вздрогнула от громкого лязга железа. Еще раз ободряюще кивнув Ульрике, взялся руками за выступ, повис, а затем разжал пальцы. Приземлившись, махнул девчонке. Высота в два моих роста ее пугала, и она нерешительно села на краю. Затем вспомнила, как это делал я, тоже повисла на руках, предоставив мне возможность любоваться тройкой кружевных юбок.

— Поймаю!

Она полетела вниз, и я подстраховал Ульрике, подхватив на руки. Дальше все пошло как по маслу. Я спрыгнул на сарай — у него оказалась крепкая крыша, выдержавшая мой вес, — помог спутнице, и уже через две минуты мы очутились на земле.

Тут же залаял цепной пес. Не обращая на него внимания, я повел девушку к забору, сильным ударом ноги выбил хлипкую калитку и шагнул в темный, узкий переулочек.

— Я постараюсь вас спрятать. Этой ночью дочери ландрата на улице находиться опасно.

— Они знали, где мы остановимся. Они убивают всех, кто должен был выносить решение по налогу.

— Вы правы. Сперва их, а затем всех, кто попадется под руку.

— А бургомистр? Вице-примар? Каноник?

Я покачал головой:

— Не знаю. И не хочу о них думать. Если им будет сопутствовать удача, они увидят следующее утро.

Мы вышли на улицу и тут же отпрянули назад, во тьму переулочка, так как за углом загрохотали копыта. Шестеро всадников пронеслись мимо, отчаянно нахлестывая лошадей, торопясь куда-то в сторону ворот внешней стены.

— Стража, — негромко сказал я.

— Они остановят безумство.

У меня было впечатление, что ребята спешат не для того, чтобы выполнять свою работу. Скорее наоборот, их основное желание — свалить как можно быстрее и как можно дальше. Иначе отчего они проскакали не в сторону ратуши и домов богатых горожан, где сейчас, уверен в этом, льется кровь.

Ульрике дрожала от холода, и я протянул ей свою куртку, несмотря на возражения.

— У меня свитер. Мне не холодно. Надо было раньше вам отдать, но я боялся, что одежда большого размера помешает вам спуститься.

Она сразу же утонула в ней, став еще более затравленной и несчастной.

— Я отведу вас в безопасное место. Просто доверьтесь мне. И ничего не бойтесь.

Девушка лишь сжала мои пальцы, и мы поспешили по затаившейся улице.

На трупы мы наткнулись возле сада, что разбились на берегу Обводного канала. Ульрике, увидев мертвых и темную кровь на камнях, не произнесла ни звука, лишь побледнела и шагнула назад.

— Это же мастеровые. Почему убивают их? — не выдержав, спросила она, когда мы прошли мимо.

— Ландратами не ограничатся. Бьют всех. В первую очередь чужаков. Затем богачей. Потом тех, кто не в их мастеровой гильдии, или же тех, кого они ненавидят и давно затаили против них зло. Ночь — жестокое время, госпожа фон Демпп.

К утру на улицах, особенно центральных, окажется много трупов, если только городская стража и расквартированные в Клагенфурте военные части быстро не опомнятся и не возьмут ситуацию под свой контроль.

Опыт подсказывал, что как минимум четверть военных и стражи присоединятся к грабёжам и погромам.

Вновь трупы. Я склонился над телом женщины, увидел, что ее ударили по голове, проломив череп, перевернул тело на живот и начал распутывать шнуровку платья.

— Что вы делаете?! — с ужасом спросила Ульрике гораздо громче, чем стоило.

— Да-да. Мне тоже хотелось бы это знать, — поддержал ее Проповедник. — На тебя это не очень-то похоже.

— Она мертва. И ей больше не нужно ни платье, ни теплый плащ. В отличие от вас. К тому же ваша одежда слишком богатая, а потому заметная. Ее следует сменить как можно скорее.

— Это так необходимо?

Я посмотрел ей в глаза:

— Да. Если вы хотите выжить.

Та поколебалась, а затем начала помогать мне раздевать труп.

— Проповедник, верти головой. Если кто-то появится, скажи.

— Уже делаю это, — ворчливо бросил тот.

— С кем вы говорите? — нахмурилась девушка.

— С одной светлой душой. Не бойтесь.

— Сегодня я боюсь только людей.

Крики раздались за соседним домом, я вскочил, держа в руках палаш и бросив моей спутнице:

— Поторопитесь.

Но кто бы там ни шумел, на улице он не появился.

— Где можно переодеться? — спросила дочь ландрата.

— О, Господи! — закатил глаза Проповедник. — Сейчас не время для скромности!

— Вот здесь. — Я указал ей на темную подворотню, которую наполовину загораживала жестяная бочка с дождевой водой. — Пожалуйста, быстрее.

— Святой Франциск Ньюгортский и все его несчастные дети! — занервничал старый пеликан. — Зная благородных дам, могу сказать, что без служанки она провозится целую вечность.

Он ошибся. Ульрике справилась за три минуты. Платье было ей почти в самый раз, а теплый плащ на плечах, темно-коричневый и длинный, подходил гораздо лучше, чем заметные ярко-голубые тряпки благородной.

За это время на улице так никто и не появился.

— Мы пойдем к внешним воротам?

— Нет. Слишком далеко. Уверен, они либо закрыты, либо их уже захватили. С той стороны недавно раздавались выстрелы...

Я осекся. Из окна ближайшего дома, светленького, аккуратного и ухоженного, с криком вывалился человек. Раздался глухой удар, и тело, дернувшись, осталось лежать на мостовой. Двое убийц высунулись наружу, посмотрели на мертвеца, увидели нас.

— Идите спокойно. — Я чувствовал, как ногти Ульрике впиваются в мою ладонь.

Убийцы проводили нас взглядами, так и не окликнув.

— Я веду вас в «Фабьен Клеменз и сыновья». Ближайшее отделение через три квартала отсюда.

— Это почти рядом с Ратушной площадью. Не лучше ли укрыться в каком-нибудь доме?

Я остановился, завидев впереди разгромленные торговые лавки и мертвецов в исподнем.

— У вас есть на примете такой, госпожа фон Демпп? — напрямик спросил я.

— Нет. — Она прижалась к стенке, обходя трупы и стараясь на них не смотреть.

— И у меня тоже. Нас попросту не пустят. Не в эту ночь. А если пустят, то существует слишком большой шанс, что выдадут.

— Но банк... Сейчас ночь. Они не работают. А если там кто-то и есть, разве клерки откроют нам дверь?

— В Лисецке они помогали людям. Три отделения спасли от резни почти сотню человек. Основное требование — вы должны быть клиентом «Фабьен Клеменз и сыновья» и на вашем счету должны храниться деньги. Много денег. Как у вас с этим?

Она задумалась:

— Отец сотрудничал с ними. Год назад он сделал мне подарок, открыл счет. Сколько там дукатов, я не интересовалась. Была только раз, когда заключали контракт.

— Уже легче. Значит, нас хотя бы выслушают.

— Люди, грабящие торговые лавки, пойдут разорять и место, в котором хранится золото. — Несмотря на сильный стресс, она рассуждала очень здраво.

— Верное предположение. Но только «Фабьен Клеменз» это не магазин, торгующий шерстью. Их еще никому и никогда не удавалось ограбить.

— Впереди опасность! — крикнул Проповедник, который, точно ищейка, рыскал по переулкам и теперь находился на противоположной стороне улицы, возле решетчатой ограды небольшой церковной часовни.

— Постойте, — попросил я Ульрике, а сам прокрался вперед и выглянул из-за угла.

Человек двадцать, все с оружием, пытались выломать ворота богатого дома. Створки оказались мощными, в ход пошли топоры.

— Смерть пособникам ландратов! — закричал пузатый мужик в фартуке портного.

— Смерть! Смерть! Смерть! — подхватила толпа, и факелы бросали на их искаженные ненавистью лица кровавые блики.

Несколько человек вытащили из церкви лавки, свалили их в груды и разожгли большой костер. Какой-то юнец, опьяненный своей удалью и вседозволенностью этой ночи, зашвырнул факел на крышу, но тот скатился по черепице, упал за забор. Идею молокососа подхватили еще несколько человек, но теперь они целились в окна. Одному удалось попасть, и факел, под улюлюканье народа, поджег шторы. И в этот момент дом ожил, и с разных этажей прогремел слаженный залп восьми-девяти аркебуз.

Осажденным не надо было даже целиться. Жаждающих пробраться внутрь оказалось довольно для того, чтобы каждая из тяжелых пуль нашла свою цель. Послышались крики, в основном гневные, фасад начало заволакивать сизым дымом, толпа с ревом надела на ворота, желая как можно быстрее добраться до обороняющихся.

И тут грохнуло так, что землю у меня под ногами тряхнуло. Пугало аж подскочило, а затем, ничего не говоря, поспешило в гущу событий. У тех, кто скрывался в доме, оказалась легкая пушка, но, как видно, не имелось ядра. Скорее всего они не нашли ничего лучше, как засыпать в ствол пуль и положить на волю создателя. Несмотря на расплзающийся едкий дым, я видел, что ошеломленные люди разбегаются, на мостовой лежат раненые и убитые.

— Что там? — спросила Ульрике.

— Ничего хорошего. — Я повернул на север, обходя квартал по кругу. Мы прошли мимо четырех домов с выбитыми дверьми. На крыльце одного плакала женщина. Увидев нас, она в страхе отступила во мрак.

Проповедник поотстал, и мы нос к носу столкнулись с шестью бунтовщиками. У одного из них в руках было копье, остальные оказались заняты тем, что сваливали награбленное добро на подогнанную телегу. Мы их интересовали лишь до тех пор, пока они не поняли, что чужаки не претендуют на добычу. Так что мы беспрепятственно прошли дальше.

— Аптекарская улица, — сообщила мне Ульрике, когда я спросил, где мы находимся. — До Ратушной площади отсюда идти пять минут. А от нее еще две минуты до «Фабьен Клеменз и сыновья». Нам сюда.

— Постойте, — умерил я ее пыл. — Если направимся прямо, то выйдем к ратуше?

— Да.

— Не подходит. Сейчас это одно из худших мест в городе. Есть другая дорога?

Она задумалась на мгновение, прикусив нижнюю губу.

— Через общественный сквер, вдоль пруда. Направо, в тот проулок. Нет! Стойте! Вон туда.

Мы спешили под звон набата и отдаленные выстрелы, стараясь держаться стен домов. По пути кого-то спугнули — я услышал во тьме шорох, а затем быстро удаляющиеся шаги.

Сквер оказался огорожен от улицы невысоким каменным забором. Ворота мы искать не стали, перебрались через ограду, под мрачными каштанами прошли весь путь, видя, как в холодной воде пруда отражается пламя по-

жаров, бушующих в соседнем квартале. Алые языки, точно венцы, украшали недостроенную крышу церкви.

Пугало подошло к самому берегу и помахало нам рукой, приглашая задержаться и полюбоваться огнем. Проповедник только сплюнул:

— Даже дом Господа не пожалели, нехристи!

— Сегодня не жалеют никого, — ответил я ему, чем снова удивил Ульрике.

Но на этот раз она сообразила, с кем я беседую, и ничего не стала переспрашивать. Прежде чем выйти из-под прикрытия деревьев, я огляделся, видя лишь лежащие на улице трупы. На одном из них сидела какая-то черная лохматая тварь и лапами пыталась выломать ребра.

— Что это? — с тихим ужасом спросила девушка. — Темная душа?

— Нет, раз вы его видите. Кто-то из нечисти.

Я увел ее обратно, к каштанам, где мы столкнулись с идущим навстречу Пугалом.

— Там тварь жрет потроха мертвеца. Любопытно? — вылез Проповедник.

Пугало конечно же заинтересовало такое редкое зрелище, и оно начало ломиться через кустарник. Я посмотрел на старого пеликана с осуждением.

— А что? — с вызовом спросил тот. — У меня сегодня дурное настроение, и соломенная голова порядком раздражает. Имею право отправить его куда подальше. Да ладно тебе, Людвиг! Все равно ведь от него никакого проку!

Улица, на которую мы выбрались, состояла сплошь из богатых домов, еще не тронутых грабителями. Я только успел порадоваться, что безумие пока не дошло до этого квартала, когда из-за поворота показалась плотная масса людей, вооруженных кто во что горазд.

— Смерть сторонникам ландрата! — заорал один из них и недвусмысленно указал на нас.

Я схватил Ульрике за руку, и мы бросились бежать прочь.

Проповедник скулил и оглядывался, слыша вой толпы, преследующей нас. Люди, точно псы, почувствовавшие добычу, забывшие о заповедях, законах и правилах, подчиняясь общей звериной воле, одуревшие от крови, смерти и вседозволенности, крушили все, что попадалось им под руку. Выламывали двери в лавки и жилые дома, убивали тех, кто был не с ними или не похож на них. Жадная цепь голодных муравьев, готовых сожрать и переварить любого, а к утру, когда безумие схлынет и толпа распадется на отдельных детей божьих, забыть о совершенном, замолить грех и убедить себя, да и других, что это все делали не они. Что им пришлось так поступить, чтобы не выделяться среди остальных.

Завтра они будут рыдать над обезображенными трупами, удивляться, отчего же вдруг умер сосед, отводить взгляды от младенцев с расколотыми головами, в потрясении ходить среди пожарищ и разрушенных зданий. Не понимать, почему оправившиеся власти хватают каждого третьего, колесуют, четвертуют и вешают на столбах.

Ведь это же не они. Никто из них не хотел ничего такого. Они готовы в этом покаяться. И палачам придется слушать их рыдания да мольбы, а уставшим священникам отпускать грехи и правых и виноватых, прежде чем веревка затянется на шеях бунтовщиков. Такое уже было в Лисецке. Будет и в Клагенфурте. По сути своей люди везде одинаковые.

Но пока же на пути толпы лучше не попадаться. Меня совершенно не обрადует, если какой-нибудь раскаявшийся поутру всплакнет над моим трупом и поскачет на исповедь.

Ульрике после бега дышала тяжело, она едва не падала в обморок от усталости, страха и всего того, что успела пережить за этот час. Я подхватил ее на руки и припустил еще быстрее, оставив замешкавшегося Проповедника далеко позади.

У перекрестка я заметил нескольких солдат. Они выглядели растерянными и перепуганными. Один оказался ранен и сидел привалившись к стене, истекая кровью. Самый толстый из них, завидев меня, опустил пику, не зная, чего ждать.

— Бегите, идиоты! — рявкнул я. — Толпа идет сюда от Ратушной площади! Там человек триста!

Солдат отбросил тяжелое оружие в сторону, двое его товарищей подхватили раненого и юркнули в переулок, только их и видели.

«Фабьен Клеменз и сыновья» располагался на первом этаже богатого трехэтажного здания, судя по ажурным балкончикам, построенном еще во времена прошлого герцога. Окна закрыты стальными щитами, дверь заперта, белая вывеска с острыми черными буквами была прекрасно различима с другого конца улицы.

Я подлетел к двери, поставил девчонку на ноги, она прислонилась к стене, вздрагивая каждый раз, когда мой кулак встречался со стальной поверхностью.

— Ничего не выйдет. — Голос Ульрике звучал на удивление спокойно. — Они не дураки. И никого не пустят в такое время.

В двери открылось маленькое слуховое окошко, забранное решеткой, из-за которого на меня глядела тьма.

— Мы являемся клиентами вашего уважаемого заведения, — быстро сказал я и прежде, чем они передумали, добавил: — Я из Братства. Если не готовы впустить меня, дайте убежище хотя бы девушке. Толпа не проявит к ней жалости.

— Вашу руку, пожалуйста, — прозвучал тихий голос.

Я не мешкая сунул правое запястье в окошко, почувствовал, как кожи коснулся ивовый прутик.

— Теперь ваша спутница, господин ван Нормайенн.

Ульрике, увидев мой успокаивающий кивок, выполнила просьбу.

Тут же застучали засовы, заскрежетал замок.

— Быстрее, госпожа фон Демпп, — раздался все тот же голос. — И вы, страж, заходите тоже.

Мы оказались в темном помещении, дверь захлопнулась, и после нескольких секунд томительного ожидания кто-то открыл шторку сперва одного фонаря, затем другого, и стало достаточно светло для того, чтобы я разгля-

дел маленького клерка со спокойным лицом и двух внушительных громил-вышибал в ливреях, вооруженных лучше гвардейцев тяжелой кавалерии.

— Кресла в дальнем конце зала. Располагайтесь, — произнес клерк. — Желаете что-нибудь выпить? Фруктов?

Ульрике нервно рассмеялась, осеклась, увидев, как подчеркнуто вежливо поднялись брови служащего, державшего под мышкой толстую бухгалтерскую книгу, и извинилась:

— Простите. Просто после увиденного сегодня предложение выпить показалось мне пришедшим из другого мира. Я не хотела вас обидеть. Простите еще раз.

— Вам не за что извиняться, юная госпожа. Но мое предложение было вполне серьезным.

— Тогда бренди, если вас не затруднит. Отец запрещал мне пить, но сегодня я послушаюсь его запретов.

— Бренди, — бросил клерк одному из вышибал. — А вам, господин ван Нормайенн?

— Молоко.

Тот кивнул, проводил нас к креслам. Не прошло и минуты, как на столике появился тельпанообразный фужер, наполненный янтарным напитком, и стакан с молоком. Я сделал глоток как раз в тот момент, когда сквозь стену прошел Проповедник:

— Основная толпа пошла по соседней улице, к дому каноника. Но сюда направляются человек пятьдесят. У них огонь и порох.

— Посидите здесь, госпожа фон Демпп, — попросил я.

Та кивнула, рассеянно крутя в тонких пальцах бокал.

— Бунтовщики скоро будут здесь. Они не пропустят вашу контуру, — тихо сказал я клерку.

Тот глянул на меня с улыбкой, и в его темных глазах отразились огоньки фонарей.

— О да. Наша фирма слишком лакомый кусочек, чтобы пройти мимо. К сожалению, добрые жители Клагенфурта, в отличие от диких ландскнехтов, которые порой захватывают города, где есть наши представительства, не наделены чувством самосохранения. А вот жадности у них хоть отбавляй.

— Я знаю, что обычно «Фабьен Клеменз и сыновья» предпочитают не трогать. Но если у вас есть лишний арбалет или пистолет, я могу помочь вашим ребятам.

— Отразить нападение пятидесяти четырех человек? — Клерк, такой же обыкновенный и неприметный, безымянный и обычный, как и все остальные работники этого уважаемого банка, покачал головой. — Это не в ваших силах. Их не испугать ни болтами, ни пулями. Но, поверьте, они сильно пожалеют, если решатся ломать дверь. Мы уважаемое заведение с серьезной репутацией и сохраняем деньги наших клиентов любыми способами. Если добрые жители Клагенфурта, в отличие от ландскнехтов, еще не знают, что лучше пройти стороной, мне придется преподать им урок.

— Каким образом?

— Так ли это важно? — Клерк поднял на меня глаза. — Вы в безопасности. Располагайтесь поудобнее. Ночь только начинается. Кстати говоря, вам письмо. Желаете получить сейчас?

- Да.
- Минуту.

Он обернулся гораздо быстрее, положил мне на ладонь едва теплый узкий конверт. Я узнал почерк Гертруды, но читать не стал, убрал за пазуху. На улице кричали люди.

Затем в дверь ударили чем-то тяжелым.

— Деньги народа! Деньги народа!

Еще один удар. И еще. Дверь вздрагивала, но держалась. Ульрике сжалась в кресле. Вышибала, наблюдавший за улицей через потайную щель, доложил:

— Собираются использовать ствол дерева как таран.

— Знаю. — Клерк был занят тем, что заносил информацию в бухгалтерскую книгу. — Дадим им минуту. Сообщите, что денег они не получают, и предложите уйти с миром.

— Хорошо.

— Людвиг, это ведь не подействует! Ты же знаешь! — Проповедник едва ли не икал от волнения. — Не надо было сюда приходить. Мы загнали себя в ловушку, и когда они ворвутся, то не пощадят никого.

— Успокойся. Бояться нечего.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Я вернулся к Ульрике. Она расширенными от ужаса глазами следила за охранником, который призывал толпу разойтись.

— Вы не пьете.

Девушка пожалала узкими плечиками:

— Подумала, что стоит сохранить голову незамутненной. Мы выживем?

— Здесь вы в безопасности.

От страшного удара содрогнулась вся внешняя стена здания. В ход пошел таран, и пятьдесят глоток, жаждущих несметных богатств, раззадоренных и разозленных тем, что их не пускают внутрь по первому же требованию, восторженно взревели.

— Святые мученики! — проскулил Проповедник.

— Придурки, — бросил я, глядя на клерка, продолжавшего писать. Теперь все зависело от этого человека и его терпения.

Импровизированный таран ударил еще дважды.

— Не уходят, — озвучил вышибала всем и так известный факт.

— Очень жаль. — Сотрудник «Фабьен Клеменз и сыновья» с видимой печалью аккуратно положил гусиное перо на пресс-папье. — Ну тогда у меня нет выбора. Совет управителей дал мне четкое распоряжение на сей счет.

За стеной что-то сухо затрещало, словно десятки ног раздавили яичную скорлупу, а затем наступила зловещая тишина.

— Все? — спросил клерк у охранника.

Вышибала приник к смотровой щели, с каменным лицом кивнул:

— Да.

— Что там? — Проповедник сделал шаг к стене, желая выглянуть на улицу, а затем затряс плешивой головой, отказавшись от этой мысли. — Не желаю знать. Клянусь святым Иосифом, не желаю!

Я почувствовал легкий запах жареного мяса, что начал проникать с улицы.

— Они все мертвы? — Ульрике посмотрела на меня с тоской.

— Просто ушли.

— Хм... — Она не поверила мне, но, как и старый пеликан, не хотела делать эту страшную ночь еще страшнее.

— Здесь вы в безопасности, госпожа фон Демпп. Дождитесь утра. А еще лучше — слушайте этого господина. Он выпустит вас, когда в Клагенфурте станет безопасно. И, думаю, позаботится о том, чтобы отправить вас к тетушке.

— Всенепременно, — кивнул неприметный человечек за стойкой. — Безопасность наших клиентов такая же важная вещь, как безопасность их вложений и переписки. Вы можете не беспокоиться за судьбу госпожи фон Демпп.

— Это означает, что вы уходите? — Ульрике вскочила с кресла, глядя на меня с отчаянием, сразу став потерянной и испуганной.

— К сожалению, у меня есть несколько дел. И их следует закончить до утра.

— Не надо! — Она вцепилась мне в запястье. — Пожалуйста! Не оставляйте меня! Отец мертв! Если еще и вы...

Дочь ландрата запнулась, и я ласково ответил ей:

— Все будет хорошо. Я должен выполнить свою работу. Поверьте, со мной ничего не случится. Без вас на улицах я легко справлюсь с любой проблемой. Мне действительно надо идти. Пока в округе затишье.

Она несколько раз вздохнула, наконец решилась и разжала пальцы. Привстала на цыпочки, едва дотягиваясь, поцеловала в щеку, как видно сама испугавшись того, что сделала.

— Я и моя семья перед вами в долгу, господин ван Нормайенн. Когда-нибудь фон Демппы выплатят его сторицей. Спасибо за все. Берегите себя.

— Расскажу твоей ведьме, какой ты белый рыцарь, — хихикнул Проповедник.

— Выпустите меня? — спросил я у клерка.

— Конечно, — ответил тот. — Вы вольны делать что хотите, но на всякий случай я настоятельно рекомендую вам задержаться здесь.

— Безопасность клиентов превыше всего? — хмыкнул я.

Он поклонился:

— Мы заботимся о нашей репутации.

— Могу я что-то для вас сделать, прежде чем уйду?

— Просто оставайтесь нашим клиентом и впредь. Удачной ночи, господин ван Нормайенн.

Он дал знак вышибале, и тот выпустил меня из конторы. Как только я сделал шаг на улицу, тяжелая дверь за мной захлопнулась.

Пугало бродило по кладбищу, в которое превратилось все пространство перед «Фабьен Клеменз и сыновья», пробуя носком ботинка то один обгоревший труп, то другой, словно не понимая, что случилось с людьми, которые совсем недавно пытались добраться до чужих денег.

Пять десятков мертвецов, больше похожих на жареные чергийские вырезки, все еще дымились, наполняя воздух горьким дымом, который щеко-

тал гортань. Никто не выжил, и Проповедник, все же высунувший свой нос на улицу, теперь грязно ругался и крестился, следуя за мной по узким переулкам, пропахшим мочой, сыростью, мусором. Здесь сегодня не было никого, кроме крыс, они пищали в сточных канавах, целыми стайками стремясь туда, где пахло кровью.

— Это магия! Проклятая темная магия! — наконец сказал он мне.

— Не удивлен. — Несмотря на то что вокруг не было ни души, я все же оставался начеку и не убирал палаш в ножны. — Ничто лучше не защитит чужие деньги.

— Ты одобряешь сделанное?! — ужаснулся он.

— Пожалуй. Не будь у них такой защиты, мы с тобой уже бы не разговаривали.

— Людвиг! Но это же запрещено! Они не спрячут столько мертвецов! Им придется отвечать!

— Интересно, перед кем?

— Перед законом. Перед Церковью наконец!

— Проповедник, ты как маленький. Какой закон? Какая Церковь? Ты действительно считаешь, что у них нет патента на такой случай? Ты реально думаешь, что кто-то будет требовать кары?

— А разве нет?

— Раскрой глаза, дружище. Весь Риापано держит у них деньги. У князей, благородных, военачальников, стражей и многих-многих других флоринны, гроши да дублоны лежат на счетах «Фабьен Клеменз и сыновья». Никто не станет связываться с банком. Особенно если тот защищал их деньги. Лучшее пожертвовать пятьюдесятью никчемными дураками, чем своими состояниями.

Он основательно подумал над этим, покосился на догнавшее нас Пугало:

— Но люди все равно узнают.

— Разумеется. Отличный урок. К ним больше не полезут. Во всяком случае, в Клагенфурте.

— В Лисецке было то же самое?

— Нет. Толпа там ученая. Банки обошли стороной. Клерк не зря упомянул про ландскнехтов. Даже наемники в Лезерберге и Фрингбоу, захватывая и грабя город, не трогают «Фабьен Клеменз». Поверь, они знают, что их ждет.

— Да уж. Лучшее место для того, чтобы отсидеться в горячее время. Но уверен, что рано или поздно найдется тот, кто раскусит этот крепкий орешек. И выскребет его подчистую.

Я остановился на перекрестке, пытаюсь сориентироваться среди мрачных, притихших домов, нависающих со всех сторон, точно горы:

— Если такое и случится, то не при моей жизни.

— Куда ты теперь? К Мельничьему колесу?

— Да.

— Но ты же сам говорил, что ворота закрыты до утра.

— Не во время бунта, Проповедник. Дома за стеной — лакомый кусочек для всех. Слишком богаты. Видишь же, насколько пуста эта часть города. Многие направились туда.

— Ага. Как же, — цинично произнес тот. — Если выбирать еще более узкие переулки, то здесь никого не встретишь до второго пришествия. Вокруг полно обезьян, которых по ошибке назвали людьми...

Он осекся, потому что глухо заворчали пушки. Они располагались довольно далеко, скорее всего на противоположном конце Клагенfurта.

— Армия все же пытается остановить безумие, Людвиг.

— Будем надеяться, что у них получится.

Темные и безопасные проулки пришлось покинуть, выйти на улицу, где бушевали пожары. Горело по меньшей мере шесть домов, и пламя длинными языками вырывалось из окон и выбитых дверей, забиралось по стенам, пожирало крыши. В ближайшем ко мне здании прогорели опорные балки, и черепица с грохотом обвалилась внутрь, а в темное холодное небо взметнулись мириады оранжевых искр.

Улица оказалась затянута белой хмарью, а жар стоял такой, что живых здесь, среди уже разоренных домов, не было. Лишь мертвые, постепенно превращавшиеся в копченые куски плоти, и... темные души.

Две убавляющие мясо. Невысокие, плечистые, в длинных серых юбках, с грязными растрепанными волосами, творожисто-белыми лицами, на которых были лишь рты с потрескавшимися синими губами. Они, оглушенные пламенем, бесцельно бродили среди трупов, порой присаживаясь перед ними, и пытались тянуть из мертвецов силу, которой у тех давно уже не было.

— Господи. Откуда здесь взялись эти твари? — с омерзением спросил у меня Проповедник.

Убавляющие редко встречаются в городах. Это не их вотчина.

Почуввав человека, они остановились, повернули в мою сторону гладкие, точно коленки, лица, а затем неспешно двинулись навстречу. Довольно странно, при том что эти темные сущности обладают сильным чувством самосохранения и не лезут к стражам, если только их не больше пяти — семи. Как видно, пожары затуманили их разум.

— Ушел, — бросил мне Проповедник, уже давно знавший, что не стоит находиться поблизости, когда я начинаю швырять *знаки и фигуры*.

Первая из убавляющих бросилась на меня стремительно, выставив перед собой мускулистые руки с почерневшими пальцами. Я встретил ее ударом ноги, схватил за волосы, крутанувшись, бросил в пламя горящего здания и тут же поднял ладонь, швыряя рубиновый *знак* в лицо второй. Она опрокинулась на спину, и я ударил кинжалом, не обращая внимания на то, что ее лапы разорвали куртку на плече.

Почувствовав движение за спиной, кувыркнулся вперед, слишком близко к жару, чтобы не замечать его, обернулся и обомлел. Еще три убавляющих перекрывали мне отступление, оставляя лишь один путь, сквозь пламя. У одной в пасти была человеческая рука, и она судорожно, словно лягушка, поймавшая чрезмерно большое для нее насекомое, пыталась проглотить ее, отчего создавалось впечатление, что темную душу вот-вот стошнит.

Теперь понятно, почему они напали. Их было не двое, а пятеро.

Что плохо в убавляющих — если они начинают охоту, то не отступят до самого конца.

Ослабляющая *фигура* легла на мостовую, и еще одна мне под ноги. Последнюю я связал со *знаком*, который сейчас втягивал в себя силу ближайшего пожара, с каждым ударом сердца вырастая в размерах. Я запустил им в эту троицу. Одна успела отскочить прежде, чем тот взорвался, две других попали под брызги невидимого огня, вспыхнули, вереща закрутились на месте и упали. Отскочившая запнулась о *фигуру*, которая выпила из нее силу, замедлив настолько, что я без труда забрал гадину кинжалом. Затем поступил точно так же с теми, что валялись на мостовой и пытались встать, чтобы до меня дотянуться.

Оставалась еще первая, которую я швырнул в огонь, но она, обезумев и ослепнув, металась среди пламени. Я не мог войти в этот горн, поэтому закинул в окно несколько взрывающихся *знаков*, надеясь, что те смогут если не развоплотить ее, то хотя бы обессилить, и убавляющая перестанет быть опасной для людей на несколько лет. У меня не было возможности ждать, когда огонь утихнет.

На соседних улицах я встретил людей. На квадратной площади, среди перевернутых рыночных рядов, веселились мастеровые. Из разоренной винной лавки выкатили бочонки прогансунского вина и наливали всем желающим. Алый, точно кровь, напиток тек в кружки, исчезал в глотках, и многие уже порядком набрались. С десятков девиц, смеющихся, растрепанных и запыхавшихся, взявшись за руки, водили хоровод вокруг позорного столба, на котором, привязанный за ноги, болтался труп в богатых одеждах.

Из верхнего, распахнутого окна на мостовую летели дорогие стулья, диваны и картины в золоченых рамах. Затем настал черед старых рыцарских доспехов. Падение каждого предмета вызывало бурную радость у зрителей. Одно из кресел уцелело, и в нем восседало Пугало. За царящим бедламом оно наблюдало с толикой презрения. Впрочем, оживилось, когда среди этого пира на крови раздался женский визг:

— Благородный!

По счастью, указывали не на меня, а на какого-то толстячка, который пытался улизнуть с площади.

— Я такой же, как и вы! Я не дворянин!

— Я служила у него! — не слушая увещеваний перепуганного человека, крикнула все та же девица.

Действительно ли она работала на этого бедолагу или наврала, сводя счеты с недругом, никто разбираться не стал. Народный суд вынес приговор за несколько секунд. Четверка кряжистых мужиков подхватила несчастного и с разбегу ударила его головой об стену. Труп с размозженным черепом кинули в груды переломанной мебели и тут же забыли о нем, вернувшись к веселой гулянке.

Отступать назад было глупо, это привлекло бы ко мне ненужное внимание, и я пересек площадь, двигаясь неспешно и без суеты. Я никого не интересовал, хотя у меня на рукаве и не было нашивки гильдии. Как я уже успел убедиться, довольно большой процент выбравшихся на улицы к гильдиям и вовсе не принадлежал. Первая жажда крови прошла, для появления второй надо было набраться по сильнее, поэтому на людей в отличной от мас-

теровых одежде, если, конечно, она не бросалась в глаза своим богатством, пока не обращали внимания.

Какой-то конопатый парень со смехом протянул мне пивную кружку, до краев полную красного вина.

— За свободу! И смерть глупых ландратов! Выпей из бургомистрских запасов, друг! Эта мразь теперь-то возражать не станет! Притих, падла! — Он кивком указал на столб, где болтался труп в богатых одеждах. — Еще бы вице-примара отловить, и Господь будет благоволить к нам!

Я оставил при себе комментарий, что бог вряд ли будет рад тем убийствам, что они учинили, и взял вино. С кружкой пересек площадь, провожаемый насмешливым взглядом Пугала. Только оно из всех присутствующих понимало, насколько сильно я сейчас ненавижу этих опьяневших от крови людей.

Ненавижу и ничего не могу сделать.

— Вот теперь-то мы заживем! — крикнул какой-то лысый детина, тиская хохочущую девицу. — Свобода без всяких ландратских ублюдков! Теперь мы решаем, что делать и за что платить, братцы!

— Придурки, — холодно произнес Проповедник, внезапно оказавшийся рядом. — Надо же быть такими идиотами! Когда они поймут, Людвиг?

Когда протрезвеют. И насытятся минутной властью, кровью и добром соседей. Только будет немного поздно. Потому что герцог Удальна не позволит, чтобы гольтьба решала в его стране, кому жить, а кому умереть. Большинство из тех, кто сейчас мечтает о райской жизни и новом мире, — уже покойники. Об этом знаю я, знает Пугало и даже Проповедник. Не подозревают лишь устроившие анархию.

— Никаких налогов! Пусть герцог засунет в задницу свои указы! — едва ворочая языком, проорал валяющийся на мостовой пьяница.

Я уже собирался уходить, когда с темной улицы, размахивая факелом, прибежал взмыленный мастеровой.

— Братья! Клаус из печников со своими ребятами обложил стражей! Нужна помощь! Кто со мной?

Люди, слишком занятые дармовой выпивкой, лишь отмахнулись. Из всех, кто отплясывал на площади, за мастеровым последовали только шестеро. Те, кому не хватило то ли крови, то ли развлечений. Я переглянулся с Проповедником, отбросил кружку с вином и отправился с ними, поплотнее запахнув рваную после встречи с темными душами куртку так, чтобы кинжал с сапфиром на рукояти не бросался в глаза.

— Стражи! — сказал, точно выплюнул, пахнущий едким потом седовласый мужик, на ходу пытаясь зарядить старый фитильный пистолет. — Дьявольские прислужники и друзья ландратов. Пока они живы, не видать нам свободного Клагенфурта.

— Это почему? — спросил я.

— Дурак, что ли? Потому что они темные души натравят на вольных жителей, и пиши пропало. Бить их надо сразу, пока зла не причинили.

— Сегодня вообще всех надо бить, — поддержал седовласого тот, кто позвал на подмогу. — А завтра разберемся, кто свой, кто чужой.

— Рациональный подход, чтоб тебя черти выпотрошили, — бросил ему Проповедник.

Улицу перегораживала маленькая стена, которую венчала сторожевая башенка. Судя по кладке, лет двести назад это был внешний периметр обороны Клагенфурта, но город с тех пор сильно разросся, старые укрепления в большинстве своем разобрали, пустив камень на постройку домов. Эту же часть оставили и превратили в пост для стражников, который перекрывал улицу на пути к Мельничьему колесу.

Сейчас, по словам бунтовщика, там засел кто-то из Братства. Кто бы это ни был на самом деле, выкурить его оттуда будет непросто. В особенности двум десяткам горожан, у которых нет ни пороха, ни пушки, а лишь палки да топоры. Небольшое пространство перед маленькой башенкой оказалось пустым, если, конечно, не считать пяти мертвецов, в телах которых торчали арбалетные болты.

Осажденные дали понять, что будет, если кто-то к ним сунется. Теперь мастеровые прятались от жалящих болтов за перевернутыми телегами, бочками или в домах.

Проповедник, по счастью, в кои-то веки взял инициативу в свои руки, не дожидаясь моих просьб, и едва ли не галопом направился к форпосту. Я же пока присоединился к мастеровым, которые горячо обсуждали, что им делать дальше и кто пойдет на переговоры.

— Надо их выманить и прикончить, — предложил усатый мужик с серым лицом.

— На кой черт они сдались? — возразил печник с лохматыми бровями. Его звали Клаус, и он был здесь самым главным. — Что ты будешь делать со стражами, Лорген? Повесишь их шкуры на стену своей конюшни? Там! За укреплением! Прямая дорога к Мельничьему колесу и нашему богатству! Пока мы тут протираем задницы, другие грабят дома богатеев. Так что пусть стражи сваливают куда подальше. Лишь бы нас пропустили.

— Так давай обойдем...

— У Виноградных ворот закрепилась вторая рота кондотьеров. Они в пух и прах разбили пивоваров и всех, кто пытался прорваться по той дороге.

Пока главари спорили, как быть, двое особо нетерпеливых мастеровых не нашли ничего лучше, чем оторвать кусок забора и под прикрытием этого импровизированного щита постараться миновать простреливаемое пространство. Их надеждам не суждено было сбыться.

Прилетевший из бойницы болт угодил под колено одному из них, и он упал, выронив защиту. Второй мастеровой побежал назад, оставив раненого товарища орать от боли на мостовой.

В него не стреляли.

Тем временем вернулся Проповедник.

— Там действительно стражи, Людвиг. Я их раньше никогда не видел. Но назвал твоё имя. Они тебя знают. И ждут.

Уже легче. Во всяком случае, меня не подстрелят сразу.

— Я поговорю с ними, — предложил я.

Все разговоры смолкли, и бунтовщики уставились на меня.

— Тебе-то какое дело до всего этого, альбаландец? — с подозрением спросил Клаус.

— Считаешь себя единственным, кто хочет набить карманы? — усмехнулся я. — Дайте мне белую тряпку, и я смогу убедить их пропустить нас через ворота.

Люди переглянулись. Лорген с сомнением нахмурился. На их лицах читалось все, о чем они сейчас думали. Если чужака все-таки подстрелят, так и черт с ним. А если у него получится, то никто из своих не станет рисковать головой.

Один из ремесленников притащил из разоренного дома простыню и притащил ее к древку сломанной гизармы.

— Ну удачи тебе, альбаландец. — Клаус передал мне в руки импровизированный флаг.

По его глазам было понятно, что я не преодолел и половины пути. Но я, сопровождаемый Проповедником, дошел благополучно, остановился перед башней, и кованая дверь открылась.

Я шагнул в густой полумрак, услышал, как с лязгом опустился засов.

— Какими судьбами ты в этом пекле, ван Нормайенн? — спросил грубый мужской голос.

— Если это пекло, то огня и света довольно мало. Не узнаю в потемках.

— Ворон. Давай наверх, мне надо помочь жене. А ты, душа, не крутись под ногами.

Мужчина стал быстро подниматься по едва видимой серпантинной лестнице на площадку.

Ворон старше меня лет на пятнадцать, и мы несколько раз виделись в Арденау, но никогда не общались друг с другом. Страж был уроженцем Золяна и, по обычаю этой далекой страны, заплетал в косички черные волосы и бороду. Скуластый, смуглый, с чуть плоским лицом и широким носом, он походил на варваров-кочевников, но отличался от них высоким ростом и ярко-зелеными глазами.

Вторым стражем, сейчас прикишим к бойнице, оказалась Агнесса. Полная, невысокая женщина с круглым добродушным лицом и редкими, рано начавшими сесть волосами. На меня она даже не посмотрела, лишь кивнула, когда я поздоровался с ней. Агнесса была немой от рождения.

— Чего они хотят? — Ворон сразу брал быка за рога. — Вздернуть нас на ближайшем дереве?

— Их больше интересуют богатства Мельничьего колеса. Форт преграждает им дорогу. Они просят пропустить. Тогда вы сможете уйти.

Он глухо рассмеялся:

— Если бы эти придурки знали, что у Агнессы осталось всего пять болтов, они бы заговорили по-иному. Сколько их там?

— Чуть больше двадцати человек. Пока. Если с ближайших улиц подтянутся другие, то, боюсь, они разозлятся настолько, что выковыряют нас из этой раковины.

— Так пусть проходят. — Ворон пожал узкими плечами. — Скажешь им, что мы пропустим всех, если они не станут ломиться?

— Скажу. Где переждете ночь?

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАЖ

<i>История первая.</i> Ведьмин яр	7
<i>История вторая.</i> Ключ от рая	41
<i>История третья.</i> Ангел смерти	73
<i>История четвертая.</i> Белая колдунья	118
<i>История пятая.</i> Чертов мост	171
<i>История шестая.</i> Когти	217

АУТОДАФЕ

<i>История первая.</i> Темнолесье	261
<i>История вторая.</i> Отходная молитва	307
<i>История третья.</i> Визаган	349
<i>История четвертая.</i> Аутодафе	370
<i>История пятая.</i> Клинок маэстро	418
<i>История шестая.</i> Пыль дорог	483

ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ

<i>История первая.</i> Распятый	533
<i>История вторая.</i> Меньшее зло	599
<i>История третья.</i> Лезвие дождя	654
<i>История четвертая.</i> Наложница дьявола	699
<i>История пятая.</i> Поцелуй смерти	755
<i>История шестая.</i> Золотые костры	788

ПРОКЛЯТЫЙ ГОРН

<i>История первая.</i> Время могил	843
<i>История вторая.</i> Тени Арденау	891
<i>История третья.</i> Пожиратели плоти	970
<i>История четвертая.</i> Проклятый горн	1009
<i>История пятая.</i> У перекрестка эпох	1064
<i>История шестая.</i> Глас	1100
<i>Конец историй</i>	1134
Г л о с с а р и й	1137